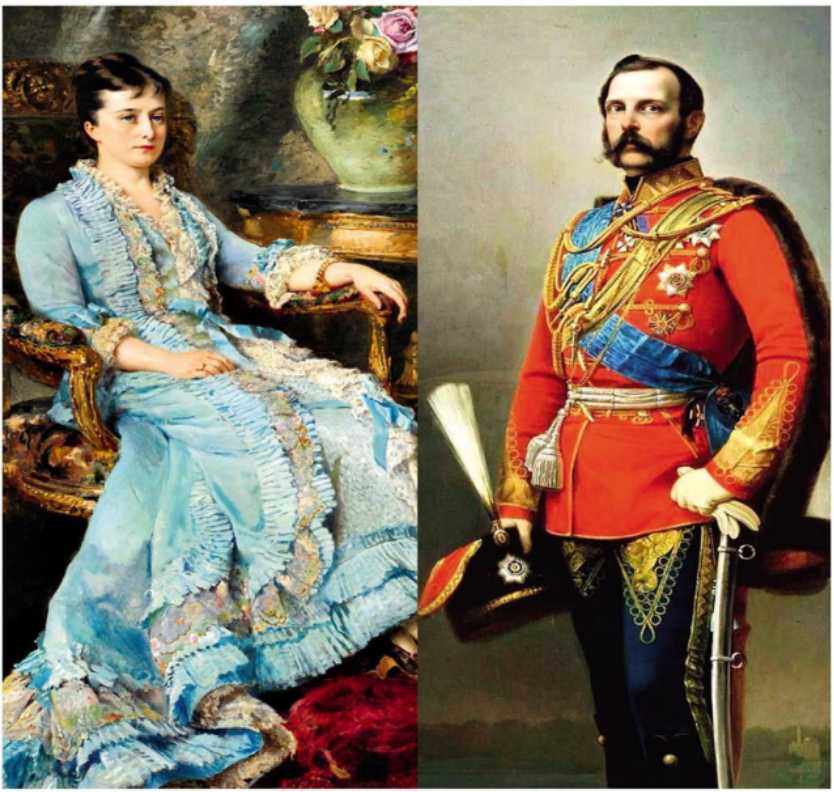
РОМАНЫ ПОД ЦАРСКИМ СКИПЕТРОМ



Лариса Черкашина

Любовные драмы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Причудливо переплелись в веках ветви древ звучных фамилий России – и всё благодаря случившимся некогда бурным любовным романам. В череде тех романтических историй, в своё время поразивших умы современников, все герои и героини преступили закон. А вместе с ним – и тогдашние нравственные устои, и догматы веры, и общественное мнение… Даже самодержец Александр II нарушил святой обет, данный им при венчании с немецкой принцессой, наречённой в православии Марией Александровной. Преступила закон и юная княжна Катенька Долгорукова, став любовницей русского царя. И – Наталия Дубельт, дочь Пушкина, оставив мужа и троих детей и умчавшись в Германию к своему принцу Николаю Нассаускому.

Лишь в супружеском союзе молодых людей – Светлейшей княжны Ольги Юрьевской, – царской дочери, и графа Георга фон Меренберга, внука русского гения, не было уж ничего преступного, будто за них, счастливых новобрачных, родители приняли на себя всю боль и сладость грешной любви. «Морганатический брак» – этот суровый общественный приговор уж не витал над их головами.

- Лариса Андреевна Черкашина
  - ○
  - ○
  - ○ Пролог
  - ○ Часть I. Александр и Катя
    - ■ Венец для русской царицы
      - ■
      - ■ Несказочная принцесса
      - ■ Юная княжна
      - ■ «Принадлежу тебе совсем»
      - ■ Ключик от счастья
      - ■ Напутствие великого сказочника
      - ■ Тайная семья
      - ■ Таинственная незнакомка
      - ■ На Галерной
      - ■ Венчание в Царском Селе
      - ■ «Живёт только для меня»
      - ■ Крымская идиллия
      - ■ Екатерина III
      - ■ Взрыв
      - ■ Битва шедевров

- В Мраморном дворце
- Эмиграция
- Русский собор
- «Как неразгаданная тайна»
- Свадьба Светлейшей княжны
- Навеки в Ницце
- Возвращение в Россию

○ Часть II. «Да будут ясны дни твои»
- Георгий: любимец императора
  - «Наш ангел»
  - Моряк и гусар
  - Принцы Ольденбургские
  - Катастрофа
- Ольга: из Светлейшей княжны в графини
  - Маленькая Оли
  - «Я дочь Императора»
- Катя: из царского дворца в английскую богадельню
  - Крымское детство
  - Княгиня Барятинская
  - Княгиня Оболенская
  - Островитянка

○ Часть III. Швейцарские страницы
- Сокровища Романовых
  - Князь Александр
  - Из фамильной летописи
  - Раритеты князей Юрьевских
  - «Под патронатом Его Высочества»
  - Часы с горным пейзажем
  - «Ландшафт пирамидальный»
  - Натали из Маура
  - «Диктатор сердца» и его потомки
  - Лицеист Лорис-Меликов

○ Часть IV. Архивные сокровища
- Семейная хроника
  - «Совершенно секретно»
  - Пушкинский Париж
  - Парижские тайны
  - Царская внучка

○ Часть V. «Пушкинское гнездо» в Германии
- «Под небом Шиллера и Гёте»
  -
  - Романтик Кюхля
  - «Ангел романтической поэзии»

        - Паломничество в Веймар
        - Царская депеша
    - Корона Герцогства Люксембургского
        - Династические страсти
        - «На фронте не был»
        - Юбилей в Нью-Йорке
    - Графиня из «рыцарских времён»
        - В «Северной Ницце»
        - Герцогская ветвь
        - Вилла и её владелица
        - Исцеление Пушкиным
        - Роман из Буэнос-Айреса
    - Тайна фамильной драгоценности
        - Камень влюблённых
        - Герои любовной драмы
        - «Подумай обо мне»
        - На родине Бетховена
    - Странный капитан Люфтваффе
        - Молодой аристократ
        - Гауптман фон Меренберг
        - Военный комендант
        - Путешествие на Парос
        - «Капитанская дочка»
  - Эпилог
  - Приложение. Фрагменты из книги Александра Тарсаидзе «Катя: жена перед Богом» («Katia: Wife Before God»)
- notes
  - 1

Лариса Андреевна Черкашина
Романы под царским скипетром

© Черкашина Л.А., 2024
© ООО Издательство «Вече», 2024

Наталье Бородиной, учителю-пушкинисту, воспитавшей не одно поколение поклонников русского гения

Венчай, венчай его, любовь!

Александр Пушкин

Пролог

Какими невероятными историями изобилует жизнь, какие фантастические сюжеты порой закручивает!

Только представить, как несказанно был поражён бы самодержец Николай I, когда ему донесли, что царственная его внучка стала вдруг именоваться… графиней Меренберг! И супругой внука того, кому он, Государь, покровительствовал, кого имел власть и поучать, и наставлять, и жаловать.

Да, император Николай I считал Пушкина «украшением царствования» и одним из умнейших людей своего времени. И это – среди всех царедворцев и министров, окружавших его трон, – людей, наделённых недюжинными способностями всякого рода. Но отношения царя и поэта изменчивы подобно морской стихии – то штиль на море и отражённая в водной глади небесная лазурь, – то штормит, и с рёвом несутся бешеные валы. Всякое бывало за долгие годы…

На календаре истекают последние дни и часы января 1837-го. Имперский Санкт-Петербург, дом на набережной Мойки – болевая точка России. Умирающий Пушкин, в своём кабинете, обратившемся больничным покоем, читает письмо Государя: «Если Бог не велит уже нам увидеться на этом свете, то прими моё прощение и совет умереть по-христиански и причаститься, а о жене и детях не беспокойся. Они будут моими детьми, и я беру их на своё попечение».

И быть может, это царское послание, начертанное карандашом, – одно из величайших христианских деяний Николая I, делавшее ему честь: он смог простить подданного, нарушившего данное ему, Государю, слово не драться на дуэли (ведь Государь ненавидел дуэли, почитая их варварством!), утешить поэта перед кончиной и, более того, дать надежду, что дети его не будут оставлены без его, царской, отеческой заботы.

Поистине провидчески звучит откровение древнего мудреца: «Суди царя по бытию поэта!»

Верно, Сергей Львович Пушкин, не скрывая старческих слёз, вновь и вновь перечитывал письмо Василия Жуковского, обращённое к нему уж после кончины сына-поэта: «И между всеми русскими особенную потерю сделал в нём сам Государь… Государь потерял в нём своё создание, своего поэта, который бы принадлежал к славе его царствования, как Державин славе Екатерины, а Карамзин славе Александра. И Государь до последней минуты Пушкина остался верен своему благотворению. Он отозвался умирающему на последний земной

крик его; и как отозвался? Какое русское сердце не затрепетало благодарностью на этот голос царский? В этом голосе выражалось не одно личное, трогательное чувство, но вместе и любовь к народной славе и высокий приговор нравственный, достойный царя, представителя и славы, и нравственности народной».

Каким утешением стали те проникновенные строки для бедного отца!

Вот и неаполитанский посланник князь Бутера не обошёл вниманием сей образец царского благородства: «…Едва только он (Николай I. – *Л.Ч.*) был извещён воспитателем наследника цесаревича, другом г-на Пушкина, что последний смертельно ранен и просит прощения за нарушение закона, сейчас же написал ему по-русски собственноручное письмо с обещанием прощения, если останется жив, и с просьбой быть спокойным, если не придётся увидеться, за жену и детей, о которых он позаботится, как о своих собственных. И действительно, не прошло трёх дней после смерти Пушкина, как будущее двух мальчиков, двух девочек и вдовы было обеспечено».

И вновь слово свидетелю тех роковых дней Василию Жуковскому – вернее, его письму Николаю I: «Мною же было передано от Вас последнее радостное слово, услышанное Пушкиным на земле. Вот что он отвечал, подняв руки к небу и с каким-то судорожным движением (и что вчера я забыл передать Вашему Величеству). Как я утешен! Скажи Государю, что я желаю ему долгого, долгого царствования, что я желаю ему счастия в сыне, что я желаю счастия его в счастии России».

Перед уходом в высший мир Пушкин, среди неимоверных земных страданий, не забыл о цесаревиче Александре, пожелав Государю «счастия в сыне»!

Но мыслимо ли было представить самодержцу, даровавшему утешение смертельно раненному поэту, что его царское слово исполнится столь непреложно? И что наследники русского венценосца будут именоваться… правнуками Пушкина?!

Не только император Николай I подивился бы тому, а вероятнее всего, и разгневался… Знать бы Петру Великому, что правнук арапчонка, монаршею волею доставленного из столицы Османской империи на Русь, породнится с его августейшими потомками! Кто, какой ясновидец смог предвидеть столь сказочный поворот?! Поистине, царская любовь в поэтическом ореоле.

Николай I упокоился ещё до рождения незнаемой им внучки Ольги и до появления на свет будущего её супруга Георга, внука Пушкина.

Не было ведомо Государю, хоть и не чуждавшемуся женских

чар, но всё же хранившему своеобразную мужскую верность супруге, обожаемой им императрице Александре Фёдоровне, что сын-цесаревич Александр свершит фамильный переворот – останется в истории Дома Романовых как глава двух семейств: одного – законного, и второго – тайного, а позднее – непризнанного, морганатического. И будет разрываться между Долгом и Любовью. Но Любовь одержит верх в том неравном споре.

Как начинался этот удивительный роман? Если всмотреться в его истоки, то встреча влюблённых – это чудо, тщательно подготовленное всем ходом истории.

Часть I. Александр и Катя

Венец для русской царицы

Любовь очей, душа девица…

Александр Пушкин

Две женщины, две красавицы далёкого, казалось бы, девятнадцатого века, вписали свои имена в недавнюю историю России. Так причудливо прочертила судьба линии их жизни, так непреодолимо вела к сближению русскую княжну и датскую принцессу…

При рождении их разделяло огромное пространство – тысячи земных вёрст и сотни морских миль. Но время было одно – календари Российской империи и Датского королевства отсчитывали дни и месяцы 1847 года.

Княжна Катенька Долгорукова родилась в октябре, в полтавской усадьбе Тепловка. И это счастливое событие было по-домашнему скромно отпраздновано в доме её отца, князя Михаила Долгорукова.

Принцесса Мария-София-Фредерика-Дагмар появилась на свет спустя три недели, в ноябре, в Копенгагене. В Золотой палате королевского дворца. Король Дании Кристиан VIII ещё успел порадоваться рождению своей правнучки, и день этот был отмечен праздничным фейерверком и пышным застольем в королевском семействе.

Несказочная принцесса

В далёком Датском королевстве подрастала юная принцесса, превращаясь в стройную грациозную девушку с чудесными глазами. И недалёк был тот час, когда её нарекут невестой одного из самых завидных женихов Европы – русского наследника, великого князя Николая, старшего сына могущественного монарха Александра II.

Поистине понятия «любовь» и «династический брак» – «две вещи несовместные». Случилось счастливое исключение из жёсткого правила – молодые люди полюбили…

В сентябре 1864 года великий князь и цесаревич Николай Александрович прибыл в Копенгаген просить руки принцессы, увидел её и забыл обо всём на свете. И вот уже в Петербург любимому папá, императору Александру II, летит сыновье признание: «Dagmar была такая душка! Она больше, чем я ожидал; мы оба были счастливы. Мы горячо поцеловались, крепко

пожали друг другу руки, и как легко было потом. От души я помолился тут же мысленно и просил у Бога благословить доброе начало. Это дело устроили не одни люди, и Бог нас не оставит».

Придворный из свиты цесаревича наблюдателен: «Увидев принцессу Дагмар, я тотчас узнал молодую девушку, фотография которой всегда была при великом князе и которую он мне показывал. Она была во цвете своих шестнадцати лет. Одета была она простейшим образом: в лёгоньком и светлом летнем платье и чёрном фартушке. Причёска тоже была неизысканной – гладкие волосы были зачесаны в причёску и собраны в сеточку. Тонкий и изящный стан, маленькая выразительная головка; глубокий взгляд одновременно добрый и ласковый».

Впрочем, этот словесный портрет не расходится с милым обликом принцессы, запечатлённым на старинных фотографиях.

Своё первое письмо юная Дагмар адресует будущему свёкру. Она просит русского императора не о дорогих безделушках либо светских услугах – принцесса умоляет Александра II защитить её маленькую любимую Данию от посягательств хищной Германии.

Визит наследника завершён, состоялась счастливая помолвка, и великий князь Николай с глубочайшей грустью покидает свою невесту. Но ангельский образ маленькой Минни, как называют принцессу самые близкие, уже в его сердце. Чувства переполняют великого князя, и единственный, с кем он может поделиться, – его младший брат Александр.

Ему, милому брату, готов он доверить свои восторги, зная, что тот, как никто другой, поймёт его: «Грустно быть так далеко в разлуке с моей милой Минни, моей душкой, маленькою невестою. Если бы ты её увидел и узнал, то, верно бы, полюбил как сестру. Я ношу с её портретом и локон её тёмных волос. Мы часто друг другу пишем, и я часто вижу её во сне. Как мы горячо целовались, прощаясь, до сих пор иногда чудятся эти поцелуи любви!»

Принцесса Дагмар. Начало 1860-х гг.

Начало 1860-х гг.Цесаревичу Николаю доведётся ещё раз увидеть свою очаровательную невесту. Но встреча их будет горькой.

Во время визита в Италию наследник почувствует недомогание: то были первые признаки грозной болезни – туберкулёзного менингита. Прописанные холодные ванны в Голландии принесут лишь ухудшение. В декабре 1864-го Николая Александровича перевезут в Ниццу, где его встретит мать, императрица Мария Александровна. Императрица имела слабое здоровье, страдала частыми воспалениями лёгких, и по предписанию врачей ей приходится подолгу жить в тёплом средиземноморском климате.

Диагноз больного царевича Николая особых беспокойств не вызывал, всё казалось спокойным, и Мария Александровна имела счастье часто навещать сына. Благо вилла императрицы «Пейон» находилась поблизости с той, где жил её любимец Никс: владения разделялись лишь зелёной изгородью.

Принцесса Дагмар с женихом-цесаревичем Николаем Александровичем. Копенгаген. 1864 г.

О былом величии царской резиденции можно судить по старой журнальной статье: «Вилла стоит над широким прудом, в котором плавают утки и лебеди, через который висит швейцарский мостик, и где возвышается средневековая башенка, и отражаются искусственные руины, а порой катается кто-то на милой лодочке. Вода для пруда вытекает из развалин галереи, на разошедшихся стенах которой вьётся плющ. Слева от дома находятся элегантные теплицы, где растут и зреют бананы. За

зданием пасутся в загоне несколько кашемировых коз. Рядом в китайском вольере чирикает сотня экзотических птиц, крылатая прелесть сада, по утрам славя своим пением нежность нашего климата».

Но в этом райском уголке Марии Александровне пришлось пролить немало горьких слёз. Поначалу прогнозы медицинских светил звучат ободряюще, сын-цесаревич выезжает в коляске на ежедневные прогулки по набережной. Но вскоре газеты, освещавшие курортную жизнь Французской Ривьеры, выносят на первые полосы главную новость: на вилле «Бермон» умирает прекрасный юноша, наследник русской короны.

Лишь Тютчев, бывший в то время в Ницце, смог выразить скорбь, переполнявшую русские сердца:

Всё решено, и он спокоен,
Он, претерпевший до конца, —
Знать, он пред Богом был достоин
Другого лучшего венца…

В начале апреля 1865-го из Петербурга в Ниццу приезжает брат, великий князь Александр. Чуть позже на самом скором по тем временам поезде прибывает из России встревоженный император-отец. Спешит к жениху, в сопровождении матери-королевы, и датская принцесса Дагмар.

«Какая она прелестная, не правда ли?» – взглянув на невесту, чуть слышно прошептал цесаревич. Принцесса умела владеть собой, она не упала в обморок, не залилась слезами, увидев измождённый лик возлюбленного. Как настоящая сестра милосердия, она преданно ухаживала за ним, поправляла подушки, нежно гладила его слабые руки.

Мучительно тянулись скорбные часы. И умирающий наследник подолгу держал одной рукой хрупкую ручку невесты, а другой – широкую ладонь своего брата, словно навеки соединяя их. И кроткая улыбка теплилась на его хладеющем лице…

Всю жизнь Александр и Дагмар будут вспоминать эту встречу в Ницце и считать её промыслом Всевышнего…

На исходе яркого апрельского дня скончался в молодых летах наследник российского престола цесаревич Николай Александрович. Ему шёл всего лишь двадцать второй год…

Юная невеста, не будучи ещё супругой, но в одночасье обратившись вдовой, предавалась горьким воспоминаниям. Письмо-исповедь принцессы Дагмар отцу, королю Дании Кристиану IX: «Я не могу, однако, не благодарить Бога за то, что застала его, моё дорогое сокровище, ещё в живых и была узнана

им в последнюю минуту. Ты не можешь поверить, дорогой Папá, как я благодарна за это Господу Богу. Никогда, никогда, я не смогу забыть взгляд, которым он посмотрел на меня, когда я приблизилась к нему. Нет, никогда!!!»

Ночью при свете факелов траурная процессия шествовала от виллы Бермон к улице Лоншан, к храму во имя святителя Николая и святой мученицы Александры. Бедную невесту, обезумевшую от горя, с трудом смогли увести из русской церкви, где под каменными сводами, в гробу, весь в весенних цветах, покоился её бедный царевич…

В храме же после утренней панихиды священник зачитал манифест императора, объявлявший, что отныне его сын, великий князь Александр Александрович, именуется наследником русского престола.

А сам православный храм в недалёком будущем станет свидетелем иных судьбоносных событий для наследников Дома Романовых.

Часовня в Ницце на месте виллы «Бермон», где скончался цесаревич Николай Александрович. Фотография Л.А. Черкашиной. 2002 г.

…Ныне от виллы русской императрицы осталось совсем немного – старинный особняк словно растворился в новых строениях клиники «Бельведер». Большой современный госпиталь будто поглотил исторический дом. Осталась лишь часть старой стены, украшенной изящной лепниной и портиками, – словно напоминание о былом величии.

И, верно, есть своя символика в том, что царская вилла через века превратилась в госпиталь: Мария Александровна славилась благотворительностью – покровительствовала больницам, сиротским домам, воинским лазаретам. И ныне прежняя резиденция императрицы находится на бульваре Царевича, названного в память её страдальца-сына.

Давно уж нет виллы «Бермон», последнего земного дома наследника Николая Александровича, стены коей помнили те трагические дни. Её вскоре разрушили и спустя три года возвели часовню в память почившего цесаревича.

Первым о том заговорил князь Пётр Вяземский. Именно он, близкий друг Пушкина, знавший наследника и бывший свидетелем его последних часов, в своих мемуарах «Вилла „Бермон“», предложил выкупить виллу, дабы она стала собственностью России, и возвести на том печальном уголке земли храм-часовню.

Александр II тому совету внял, и в марте 1867-го на месте виллы была заложена Никольская часовня. Ровно спустя год она была освящена в присутствии великого князя Александра Александровича.

Мраморная часовня в византийском стиле, богато украшенная настенной росписью, и по сей день высится в парке «Бермон». Массивные бронзовые двери ведут к тому скорбному месту, где некогда стояла кровать больного цесаревича Николая, означенному в полу плитой из чёрного мрамора.

Городские власти Ниццы приняли тогда знаковое решение – назвать близлежащую улицу бульваром Цесаревича, позднее ставшую бульваром Царевича.

Так необычно распорядится история: в тот самый год, когда в Ницце освящали часовню памяти цесаревича, в мае 1868-го, под Петербургом, в Царском Селе, появился на свет другой наследник, царевич Николай. Полный тёзка несчастного цесаревича, которому так и не суждено было войти в историю России самодержцем Николаем Вторым…

Судьба династии Романовых, а быть может, и всей России (так уж сложилось!) вершилась именно здесь, в Ницце, на Лазурном Берегу.

Юная княжна

А в самой России тем временем подрастала юная княжна Екатерина Долгорукова.

Впервые Александр II увидел одиннадцатилетнюю Катеньку в её родовой усадьбе – поместье Тепловка Полтавской губернии.

Некогда императрица Екатерина II пожаловала хутор и окрестные земли графу Григорию Теплову как награду тому за тайный надзор за деяниями Кирилла Разумовского, последнего гетмана Войска Запорожского.

Через десятки лет хутор перерос в село и обратился Тепловкой, по имени бывшего владельца, «соглядатая гетмана». Имелась в малороссийской Тепловке церковь Святого Духа. Название же села впервые появилось на подробной карте Российской империи в царствование Александра I. А в начале 1840-х Тепловкой стал владеть князь Михаил Михайлович Долгоруков.

Там, в княжеском доме, и остановился приехавший на военные манёвры российский император Александр II. Уже тогда запомнилась ему встретившаяся в саду бойкая темноглазая девочка. Она смело подошла к императору и с детской непосредственностью, нарушая незыблемый придворный этикет, представилась Государю. Словно сама избрала свою судьбу.

Княжна Катя Долгорукова. Ок. 1866 г.

Известен точный день, когда Александр встретил будущую любовницу, подобно куколке бабочки преобразившейся вдруг в обольстительную барышню. Знаменательная встреча произошла в имении князей Долгоруковых Тепловка 20 сентября 1859 года, что удостоверяется дворцовым «Маршрутом Высочайшего

путешествия Государя Императора осенью 1859 года».

Есть две версии того первого знакомства. Одну, известную и цитируемую всеми биографами, приводит Морис Палеолог, вторую – зять Светлейшей княгини Юрьевской. Князь Сергей Оболенский, муж младшей дочери Екатерины Михайловны, немало времени провёл со своей титулованной тёщей, внимая её рассказам. Позднее Сергей Платонович издал воспоминания, где живо воспроизвёл сцену знакомства девочки-княжны с императором: «Он (Александр II) встретил её (Катю) одну верхом, когда она пыталась заставить пони прыгнуть через маленькое препятствие. Она не могла заставить пони прыгнуть. Император очень развеселился, остановился и начал её дразнить по этому поводу, что ужасно её разозлило. Она сказала ему, что думает о нём и о своём пони, что развеселило его ещё больше. Позже этим днём Александр, у которого было отличное чувство юмора, остановился со своим сопровождением в доме её отца, и она ужаснулась открытию, что нагрубила императору».

Вряд ли память подвела Екатерину Михайловну, когда она рассказывала зятю сей забавный эпизод.

От того осеннего дня протянулась вереница недель, месяцев, лет, где услужливая судьба не замедлила сделать свои отметины: 1 июля 1866 года юная княжна потеряла невинность в объятиях венценосца; 6 июля 1880 года над головой Екатерины вознёсся брачный венец, вот-вот готовый обратиться в вожделенный царский; 1 марта 1881 года – Светлейшая княгиня Юрьевская накинула на себя чёрную вдовью вуаль. Но ещё долгих сорок лет вдова-княгиня будет жить с именем возлюбленного Александра, уносясь душою в минуты былого блаженства, когда она была счастливейшей женщиной в бескрайней Российской империи.

Однако та самая первая встреча не изгладилась из памяти Екатерины Долгоруковой. И спустя годы, в апреле 1874-го, император читал эти строки, обращённые к нему: «Воспоминания о Тепловке вновь преследуют меня сегодня, возвращаясь к впечатлению, которое ты произвёл на меня, это была взаимная симпатия, которая мало-помалу превратилась в любовь».

Княжна Екатерина Долгорукова. 1867г.

О давнем том дне на склоне лет повествует и Екатерина Михайловна в своих «Воспоминаниях…», что с помощью печатной машинки перенёс на бумажные листы один из биографов княгини Юрьевской: «Никогда я не забуду мой экстаз, когда я заметила

эту великолепную фигуру, преисполненную добром и благожелательностью. Я чувствовала, что это появление производит впечатление и уменьшает застенчивость, я не понимала, что со мной происходит, так он взволновал меня. Я не могла не сделать своего детского признания моей старой бонне, что я обожаю и искренне влюблена. <…> Император никогда не забывал оказанного ему приёма».

Имение разорившегося князя Михаила Долгорукова Александром II будет взято под собственную императорскую опеку. Юных княжон – сестёр Екатерину и Марию, или, по-домашнему, Катиш и Муш, – при содействии самодержца определят в Петербург, в знаменитый Смольный институт благородных девиц.

Сам Государь примет участие в судьбе сестёр, но Катеньку будет выделять особо. Известен даже мартовский день 1865 года, когда царский взор остановился на очаровательной смолянке Кате Долгоруковой. Её словесный портрет тех юных лет: «Среднего роста, со стройной фигурой, шелковистой кожей цвета слоновой кости и глазами испуганной газели, с соблазнительными губами и светло-каштановыми локонами, – она смотрелась изысканным созданием».

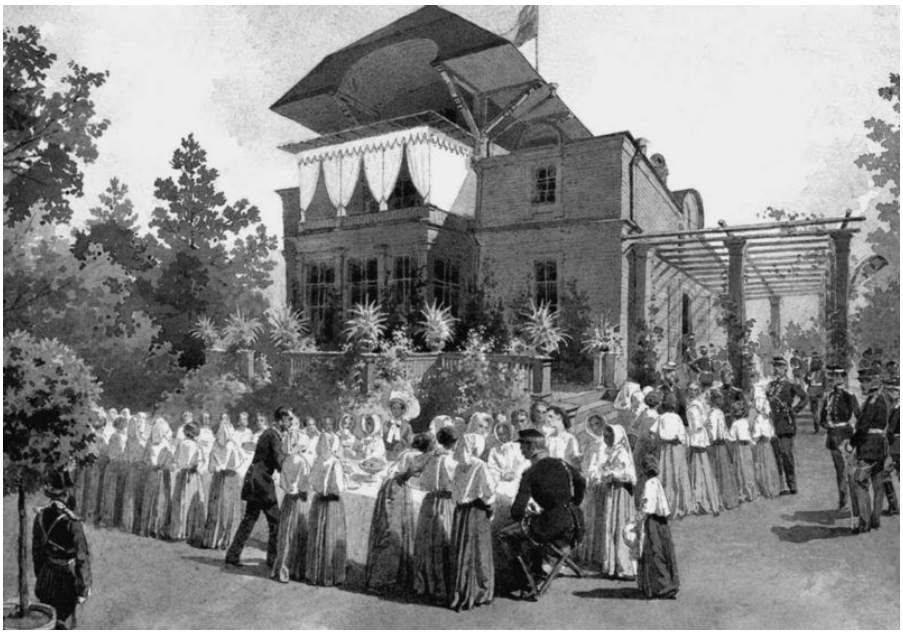
Императору доставляло удовольствие наблюдать за уроками танцев воспитанниц старших классов, за их грациозными па, а после занятий вместе с юными грациями участвовать в традиционном чаепитии.

Смолянки безгранично обожали Александра II, и вот признание одной из них: «Горячая любовь и бесконечная преданность к Государю и его семейству владели нашими сердцами всецело. И если бы кто-нибудь сказал нам, что для спасения Его жизни надо было выпустить из нас нашу кровь всю до капли и нашими жизнями заплатить за его жизнь, я думаю, ни одна из нас тогда не запротестовала бы и отдала бы свою жизнь просто и охотно, без всяких громких фраз и красивых поз».

Подчас то глубочайшее чувство, владевшее девичьими сердцами смолянок, обретало забавные черты. Так, однажды, Государь оставил институткам верного сеттера Милорда, коего величали «тенью императора», на время, как бы вместо себя, обещая, что скоро сам вернётся за своим любимцем. Пользуясь отсутствием его державного хозяина, смолянки поспешили остричь бедного пса, оделив драгоценной шерстью Милорда, к коей прикасалась царская рука, каждую счастливицу.

Визиты Александра II в Смольный институт станут более частыми и продолжительными, а разговоры с юной княжной откровеннее… Так одна из прогулок по аллеям Летнего сада

запечатлелась в памяти императора: «Помнишь ли, когда я тебе это сказал в первый раз. Вы удивились? Я думаю, нет. Потому что вы видели, как я был рад вас встретить, жать вам руку и с вами болтать».



Александр II среди смолянок. Художник М. Зичи. Начало 1860-х гг.

Любопытно, что в любовных посланиях император обращался к Катеньке, часто мешая «Ты» и «Вы». Пушкинские лирические строки, обращённые к Аннет Олениной, – о тех незримых оттенках чувств:

Пустое вы сердечным ты
Она, обмолвясь, заменила…

Непостижимо, но гений Пушкина сумел постичь женскую душу, затронув самые тайные и сокровенные её струны, так тщательно скрываемыми героинями, – любовь к власти, или, вернее, к её всесильным обладателям! К гетману ли Мазепе, увенчанному сединами, к коему воспылала красавица Мария Кочубей, к самозванцу ли Дмитрию, сулившему русский трон надменной пани, – первопричина одна: их избранники наделены великой силой, сродни мистической.

О, как мечтала о московском престоле гордячка Марина Мнишек! «Но, конечно, это была странная красавица, –

размышлял творец „Бориса Годунова“. – У неё была только одна страсть: честолюбие, но до такой степени сильное и бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, вкусив царской власти, опьянённая несбыточной мечтой, отдаётся одному проходимцу за другим…»

Ах, какие же любовные чары таит в себе власть! Вот и княжна Катенька Долгорукова, как и пушкинская Мария, попала в те властные тенёта: в объятиях самодержца и она – царица.

Послушай, гетман, для тебя
Я позабыла всё на свете.
Навек однажды полюбя,
Одно имела я в предмете:
Твою любовь. Я для неё
Сгубила счастие моё…

Властелин огромной империи дарует Катеньке свою любовь, а она властвует над ним! Такое чувство не даруется простым смертным. То высшее наслаждение! Да и сама Екатерина Михайловна много позже признавалась в том, и разница в летах не имела для неё ни малейшего значения:

Твоим сединам как пристанет
Корона царская!

Известно одно откровение Светлейшей княгини, и весьма значимое: «…Император не имел от меня секретов, я была осведомлена о делах в течение 14 лет».

Император Александр II. 1870-е гг.

Не счесть биографов, мнимых и добросовестных, пытавшихся воссоздать ставшими достоянием истории жизнь и судьбу княжны Долгоруковой. Верно, самым известным из них стал французский дипломат Морис Палеолог.

Жорж Морис Палеолог – таково полное имя политика, писателя и пожизненного члена Французской академии.

С января 1914-го и до июля 1917-го он – посол Третьей Французской республики в Российской империи. Имел немало знакомств в аристократических и правительственных кругах тогдашнего Петрограда. В том числе – среди августейших представителей Дома Романовых.

Выйдя в отставку, он, кавалер российского ордена Святого Александра Невского и французского Почётного легиона, занялся литературным трудом. Его перу принадлежат книги «Царская Россия накануне революции», «Царская Россия во время мировой войны» и «Le Roman tragique de l'empereur Alexandre II».

В русском переводе название звучит как «Трагический роман императора Александра II». Книга увидела свет в Париже в 1923 году, когда её героини, Екатерины Юрьевской, уж не было на белом свете.

К чести автора романа, замечу: он не увлёкся морализаторством – напротив, пытался постичь душевные порывы юной княжны. «Не царю она отдалась, а мужчине, – утверждал француз-биограф. – И женский инстинкт не обманул её».

Рискну вступить в спор с Морисом Палеологом, пусть и виртуальный: нет, царю! И уж любила его за то, что царь, – вот здесь женский инстинкт подсказывал, что этого-то выказывать и нельзя, а нужно любить мужчину в… царе!

Автору «Трагического романа» легко было понять чувства стареющего императора: «…В душе Александра естественно росло и крепло чувство любви. Раздуваемое разлукой, воспоминаниями и мечтами, это чувство обращалось в лихорадочную страсть – исключительную, настойчивую, становилось неизлечимой болезнью».

Болезнь любви в душе моей…

Поистине, если любовь – болезнь, а её так нередко именуют, то любовь страстная и вовсе неизлечима. Особенно если приключился сей недуг уж «не по летам».

«Принадлежу тебе совсем»

Год 1866-й для венценосной семьи Романовых ознаменован двумя судьбоносными событиями: свадьбой наследника престола великого князя Александра Александровича с датской принцессой Дагмар, в православии – Марией Фёдоровной, и началом второй тайной семьи самодержца и Государя Всероссийского Александра II.

Правда, по времени второе событие предшествовало первому. Летом того же года в одном из уединённых павильонов петергофского парка случилось то, чего так страстно желал император и чему столь долго противилась юная княжна. Тот день, 1 июля 1866 года, когда она стала невенчанной женой одного из самых могущественных владык в мире, Катенька Долгорукова запомнит навсегда.

«Не понимаю, как я могла противиться ему в течение целого года, как не полюбила его раньше?» – спустя годы будет искренне недоумевать она. И ещё в памяти навсегда останутся слова Государя, сказанные ей при первом свидании: «Увы, я сейчас не свободен. Но при первой возможности я женюсь на тебе, ибо отныне и навеки я считаю тебя своей женой перед Богом…»

Так сердце, жертва заблуждений,
Среди порочных упоений
Хранит один святой залог,
Одно божественное чувство…

О встрече с императором в Петергофе, в павильоне, именуемом Берёзовым домиком (то был рубленый деревянный дом в русском стиле, запечатлённый ещё на открытках начала двадцатого века), Екатерина Михайловна вспоминает как о целомудренной, призывая в свидетели… Господа Бога: «А я ещё не знавшая жизни, невинная душой, не понимала, что в подобных обстоятельствах другой мужчина мог бы воспользоваться моей невинностью».

Княжна Екатерина Долгорукова с сеттером Милордом, любимцем императора. Конец 1860-х гг.

То ли стареющей княгине хотелось представить картину интимного свидания именно в таком умилительном ключе, то ли…

Тебе приятен твой позор…

Однако все домыслы по сему поводу разрушает сам Александр: «…Я никогда не ожидал, что такая юная девушка, как ты была тогда, влюбится в меня таким образом, которому ты дала мне доказательства в наш первый тет-а-тет в Берёзовом домике».

Как целомудрием горда —
Ты прелесть нежную стыда
В своём утратила паденье…

Но отчего-то другой день, уже ноябрьский, император считал днём подлинной близости – когда случилось нечто, после чего он

заключал: «…Принадлежу тебе совсем».

Те царские слова – больше, чем обычное любовное признание: властелин могучей империи принадлежит (!) Катеньке. Всего лишь одной юной барышне из миллионов его подданных! Ни Отечеству, ни законной супруге, ни наследнику, но только ей одной, и полностью!

Соблазном постланное ложе
Ты отчей сени предпочла,
Тебя старик заворожил
Своими тихими речами…

И всё же 1 июля стало для влюблённых «Днём рождения нашего сердца». Столь поэтически называл тот летний день сам император Александр II. История сохранила его слова, обращённые памятью к первому интимному свиданию: «…Я ваш навсегда, и Вы моя, и мы оба счастливы отдать себя другому на всю жизнь. Да будет так».

Как тут не вспомнить схожую романтическую историю, приключившуюся с Александром Первым! Ведь император встречался с любовницей Софьей Вельо в Баболовском дворце, возведённом в укромном уголке Царскосельского парка, чему свидетельством и пушкинские строки:

Прекрасная! пускай восторгом насладится
В объятиях твоих российский полубог.
Что с участью твоей сравнится?
Весь мир у ног его – здесь у твоих он ног.

И юная княжна Катенька полностью отдалась новому для неё неизведанному чувству, в чём открыто признаётся самодержцу, а он, в свою очередь, приходит в восторг от подобных откровений: «И я был этому счастлив, но тогда ты всё-таки ещё не воображала себе, какое блаженство нас ожидает…»

Подчас императору приходилось довольствоваться блаженством иного рода – так, ему доставляло особую радость облачиться в мундир Екатеринославского полка, ведь на его эполетах золотом сияла буква «Е», и никто из офицеров, печатавших шаг на полковых смотрах, не мог и помыслить, что значит для Государя сей символ! Имя его Екатерины.

Словесный портрет Александра, оставленный в 1867 году французским поэтом-романтиком, побывавшим в России, Пьером Жюлем Готье: «Волосы Государя были коротко острижены и

хорошо обрамляли высокий и красивый лоб. Черты лица изумительно правильны и кажутся высеченными художником. Голубые глаза особенно выделяются благодаря коричневому тону лица, обветренного во время долгих путешествий. Очертания рта так тонки и определённы, что напоминают греческую скульптуру. Выражение лица, величественно-спокойное и мягкое, время от времени украшается милостивой улыбкой».

Император Александр II. Конец 1860-х – начало 1870-х гг.

Можно понять и чувства юной княжны, ведь она завоевала сердце красавца-монарха!

Письма к Катеньке донесли сквозь века голос влюблённого Александра: «…Я с такой же неистовой силой, как и Вы, дорогой

Ангел, испытываю нравственную муку от разлуки и пустоту существования без Вас».

Как согласно царское откровение с признаниями Пушкина к жене: «Мне без тебя так скучно, так скучно, что не знаю, куда головы преклонить».

И милую Натали поэт тоже называл своим ангелом: «Тебя, мой Ангел, люблю так, что выразить не могу…»

Государь свято веровал, что Катенька для него – ангел-спаситель! Год 1866-й останется в памяти российского императора Александра II не только началом тайного страстного романа, круто изменившего его судьбу. Он будет омрачён ужасным происшествием, заставившим содрогнуться всю Россию: свершилось неслыханное доселе преступление – на царя, Божьего помазанника, дерзнули поднять руку! У входа в Летний сад, 4 апреля, в императора стрелял Дмитрий Каракозов.

То было самым первым из череды покушений на Александра II, и жизнь его словно тогда же начнёт свой обратный отсчёт…

В тот день император прогуливался по аллеям Летнего сада с юной княжной и простился с ней всего лишь за минуты до дерзкого выстрела Дмитрия Каракозова. И полагал, что своим чудесным спасением обязан только ей, а вовсе не мещанину Комиссарову, оттолкнувшего руку безумца.

Но более всего умилило Государя, что следующим апрельским днём его Катенька, не убоявшись сильнейшего ливня, поспешила в Казанский собор и горячо вместе со всеми молилась о чудесном спасении Государя. Александру II о том стало ведомо: «Это доказательство твоего интереса глубоко меня тронуло и было вдобавок ростком симпатии, которую я уже у тебя вызывал».

Княжна Екатерина Долгорукова. Фотография. Конец 1860-х – начало 1870-х гг.

Особому дару Катеньки – хранить его жизнь – Александр изумлялся не единожды. Так было и в Париже в мае 1867-го, когда в Булонском лесу в русского царя целился фанатик-поляк. Княжна Долгорукова тоже в те дни пребывала в Париже, тайно встречаясь с августейшим возлюбленным. Именно её присутствие там, верил Александр, незримо отвело руку убийцы. За день до

покушения император, переполненный счастьем, признавался своей Кате: «До этих пор мне всё ещё не верится, что всё, о чём мы так долго мечтали, сбылось теперь наяву и где же? В Париже».

Свой вояж во Францию Александр II совершил с целью посетить Всемирную выставку, что во всю ширь развернулась на знаменитом Марсовом поле. Примерно в пять часов пополудни 25 мая русский император выехал с парижского ипподрома Лоншан (Longchamp – крупнейший ипподром Парижа, занимавший часть Булонского леса), где проходил военный смотр. В дорогом вместительном экипаже восседали августейшие особы: Александр II вместе с французским императором Наполеоном III. Государя сопровождали сыновья: великие князья Александр и Владимир Александровичи. В тот самый час, когда экипаж тронулся от ипподрома, к нему быстрым шагом подошёл неизвестный и разрядил свой пистолет в русского царя.

Один из офицеров царской охраны, мгновенно оценив опасность, резко оттолкнул террориста. Пуля попала в круп лошади, и её кровь, фонтаном брызнувшая из раны, буквально обагрила всех царственных седоков.

Террориста схватили, им оказался поляк Антон Березовский. На допросе он дерзко заявил: «Я сознаюсь, что выстрелил сегодня в императора во время его возвращения со смотра, две недели тому назад у меня родилась мысль цареубийства, впрочем, вернее, я питал эту мысль с тех пор, как начал себя сознавать, имея в виду освобождение родины».

Дело в том, что вспыхнувшее в 1863 году в Польше восстание было подавлено русскими войсками, и отнюдь не мягким способом. Березовским двигало чувство мести: мысль убить царя пришла к нему, когда он стал свидетелем пышной встречи в Париже российского монарха. Спустя несколько дней фанатик обзавёлся двуствольным пистолетом и стал ждать нужного момента. То стало вторым покушением на Александра II…

«Я полон любви и нежности к тебе в эту годовщину, когда Бог сохранил меня для тебя, во второй раз таким чудесным образом, и когда ты была, как 4 апреля, моим ангелом-хранителем», – заверял свою Катю влюблённый венценосец. Царское признание звучит несколько странно – выходит, Бог уберёг Александра от гибели не для России, не для августейшей семьи, но лишь для неё одной: «сохранил меня для тебя»!

Да и княжну не оставляла вера, что рука Всевышнего (и, вне сомнений, через неё!) спасает возлюбленного: «Не знаю, как благодарить Бога, который спас тебя, – пишет она спустя годы, – сегодня уже 8 лет этому – для меня. Его воля на тебе, ты благословен во всём, и ты сохранён от несчастий».

Ах, как глубоко ошибалась молодая экзальтированная дама! Но грядущие дни наглухо сокрыты от влюблённых…

Но от неё сохранена
Ещё убийственная тайна.

Ну, а тогда в Париже, романтической столице мира, оба они – юная княжна и седеющий император – испытали небывалое блаженство. «О, какое безумие нас охватило, и как я люблю вспоминать эти 10 дней счастья!» – признавался Александр II. И среди царских сокровищ, быть может, самым дорогим для императора был подаренный ему молитвенник, где рука его ненаглядной Кати начертала удивительное признание: «От той, которая любит тебя без памяти, день и ночь думает о тебе. Ты знаешь, кто она?»

Покушение в Булонском лесу на Александра II. Литография из парижской газеты. 1867 г.

Годом ранее парижской истории любви, в апреле 1866-го, тотчас после придворного и семейного торжества – празднования серебряной свадьбы с супругой-императрицей Марией Александровной (по словам мемуариста, всё прошло без официальных торжеств, и «только самые близкие люди собрались утром для принесения поздравления», венценосный супруг преподнёс императрице «кольцо, подобное обручальному, с цифрою „XXV“ из бриллиантов и золотое пасхальное яичко с двойным числом помолвки и её 25-летней годовщины; то же

число было изображено на браслете с крупной жемчужиной и на портрете Государя в полной парадной форме лейб-гвардии Преображенского полка») – Александр II встретился с юной княжной. Тот знаменательный вечер известен со слов самого императора: «…На самом деле я первый, а не Вы – позволил почувствовать Вам привязанность, которую я испытываю к Вам, когда попросил прийти ко мне 18 апреля. И это Вы, Вы, мой Ангел, Вы всего лишь хотели исцелить ту боль, которую причинили мне своим ответом». И княжна много позже вспоминала о свидании как о «полном безумии» и уж чувствовала, что не может боле противиться чувствам.

…Волнуют, ослепляют страсти.

При встрече император вручил юной княжне свой первый подарок: «браслет с маленьким рубином и маленькими бриллиантами вокруг». С тех давних пор у влюблённых явилась традиция – в этот апрельский день дарить друг другу памятные подарки. И оба – и Александр II, и Катенька Долгорукова – следовали ей долгие годы, и то было величайшей радостью для обоих.

Но куда более драгоценным, чем первый царский подарок, «святой залог любви», явилось для княжны признание августейшего любовника, самого могущественного человека империи: «С тех пор, как я полюбил тебя, другие женщины перестали для меня существовать… В течение целого года, когда ты отталкивала меня, а также и в течение того времени, что ты провела в Неаполе, я не желал и не приблизился ни к одной женщине».

Часовня у Летнего сада на месте покушения на Александра II. Старая почтовая открытка

Да, в своё время, дабы уберечь Катеньку от пагубной страсти, близкие отправили юную барышню в Неаполь в надежде, что южные итальянские красоты исцелят «ужаленное» девичье сердце. Не случилось.

Ключик от счастья

Государь не лукавил – для него более не существовало других женщин, кроме его Кати. И свидетельством тому – великое множество трепетных посланий к княжне, впрочем, как и её, ответных.

…Верь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

Только представить – пять тысяч писем императора Александра II и Екатерины Долгоруковой хранит лишь один российский архив! А сколько ещё интимных эпистол «осело» в частных собраниях, разбросанных по миру!

Княжна Долгорукова. Конец 1860-х гг.

Помню, как кручинился некогда барон Эдуард Фальц-Фейн, что не сумел однажды выкупить с аукциона хотя бы несколько царских писем. И то чувство сожаления не отпускало его многие-многие годы. Но тогда он был молод и беден. «На моей памяти, – рассказывал барон, – состоялось несколько аукционов, на которых продавались личные вещи княгини Юрьевской, её архив,

переписка с царём. Аукцион в Париже в отеле „Drouot“, который состоялся в 1931 году, проходил в полупустом зале, там продавались и письма… В конце аукциона вынесли маленький ключик от тайной квартиры Кати в Зимнем дворце».

Ключ от тайного дворцового покоя, этот ключик от счастья, – верно, княгиня Юрьевская так дорожила им, что не забыла захватить заветный амулет с собой в долгие странствия…

Эдуард Александрович хранил каталог иного аукциона, что прошёл летом 1941-го в отеле «Savoy» в Ницце. Тогда с молотка пошли двести любовных писем Александра II и редкие фотографии. Русские эмигранты, в большинстве своём обнищавшие аристократы, заполнившие зал, лишь горестно усмехались – увы, они ничего не могли приобрести.

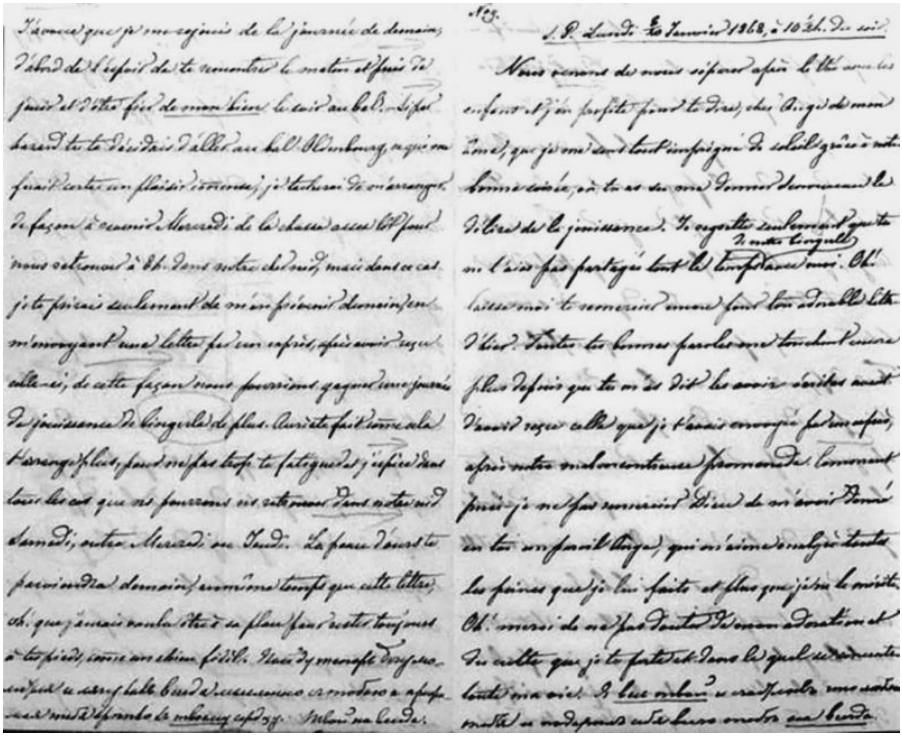
Эпистолярное наследие досталось богатому французу – так, за каждое письмо императора (а первоначальная стоимость одного послания равнялась всего трём франкам!) он заплатил по сто франков, а уникальную фотографию княжны Кати в декольтированном белом атласном платье выкупил за пятьсот. Лишь одно письмо императора княжне, начинавшееся со слов «Я в отчаянии и люблю тебя до безумия», было продано за тысячу триста франков. Да ещё «Новый Завет», принадлежавший Александру II, ушёл с молотка за четыреста франков.

Все те сокровища безымянный француз позднее с большой выгодой перепродал коллекционеру-американцу. Правда, тот позволил биографу княгини, эмигранту из Тифлиса и бывшему гардемарину Морского кадетского корпуса, снять копии с оригиналов, а затем опубликовать отрывки из писем в его бестселлере «Katia: Wife Before God».

Книга Александра Тарсаидзе «Катя: жена перед Богом» вышла на английском. Однако потребовался бережный перевод писем, ведь любовная переписка меж царём и княжной велась исключительно на французском языке.

…Писем много. Иногда за день курьер доставлял княжне Долгоруковой одно царское послание за другим, дожидаясь её ответа. Быть может, это самая полная и откровенная история любви, когда-либо поведанная в письмах.

Историкам ничего не нужно домысливать: Александр II имел смелость исповедаться перед грядущими поколениями. И хотя его интимные письма предназначались одной лишь Катеньке, но в грядущих веках царские послания обратились бесценным наследием.



Одно из писем Александра II княжне Долгоруковой. 1868 г.

Поистине письма имеют бóльшую силу, чем исторические мемуары – на пожелтевших их страницах запеклась кровь событий, тревог и раздумий. И лишь им подвластно в иных столетиях свершить чудо: оживить запечатлённые на бумажных листах чувства и хоть на мгновение содеять невозможное – остановить безудержный поток времени. Так, что голоса давно покинувших мир людей вновь начинают звучать с былой силой и страстью.

…Утром 1 октября 1868 года Екатерина Долгорукова распечатывает письмо Александра II: «После возвращения с утренней прогулки по парку я, переполненный счастьем, занялся своим любимым занятием – чтением твоего письма. <…> Мы двое жаждущих, которые не могут дождаться момента соединения один с другим, и мы неразлучны навсегда, чувствуя счастье быть мужем и женой перед Богом».

Днём любимой летит новое послание: «Несмотря на то, что я дышу только в объятьях моего любимого Ангела, я пользуюсь первой свободной минутой с утра, чтобы тебе написать несколько слов. <…> Я принадлежу тебе и только тобой дышу. Ты знаешь, что твоё внимание – единственное желание моего сердца, и я не буду не благодарен. Спасибо тебе за добрые слова, которые ты

пишешь своему мужу. На этом заканчиваю. У меня много дел».

Тем же вечером влюблённый Государь вновь берётся за перо: «О, мой Ангел, я вспоминаю нашу близость и то, как мы сходили с ума от наслаждения, будучи мужем и женой. <…>

О! Спасибо, спасибо, дорогой Ангел, за все эти нежные воспоминания, которые принесли мне столько удовольствия, как и всё, что мне приносит моя сладкая женушка, которая является центром моей жизни. И я счастлив и горд быть её мужем перед Богом. Не мы виноваты, что упустили своё счастье. Нашему счастью ничто не может помешать. Я так люблю счастливые воспоминания, которые ты даришь мне. Я не могу найти подобное в жизни с Марией, хотя, возможно, я забыл про них в нашем гнёздышке. <…> Обнимаю тебя, душа моя Катя, и счастлив, что я твой навсегда».

Настоящий дневник любовной энергетики, страсти, что бушует в душе Александра II. Его Вселенная, «центр жизни» да и сама жизнь – княжна Екатерина Долгорукова!

И она, как мантру, не устаёт повторять августейшему возлюбленному:

«Мы созданы, чтобы составить священное исключение»;

«Мы единственная пара, которая любит с такой страстью, как мы, и кто знает радость культа, который нам внушён Богом»;

«Мы одни понимаем вполне всю святость этого чувства, которым мы счастливы и гордимся».

А вот и сам Александр спешит признаться любимой:

«Я получил твоё дорогое письмо… и чувствую себя озарённым нашим солнцем»;

«Обнимаю тебя от души и счастлив тем, что ты моя, а я Твой на всегда»;

«Я чувствую, как никогда, что наша жизнь сосредоточена в дорогих моментах, которые мы проводим вместе. Всё меркнет и исчезает для нас перед сокровищем, которым мы владеем, т. е. перед священным культом, который внушил нам Бог и за который мы не перестаём благодарить Его. Пусть он не откажет нам в единственном счастье, которого нам не хватает и которое составляет нашу мечту».

Вот уж поистине ревностные служители некоего, ведомого лишь им двоим, культа! Даже в письмах они не разделяют себя, оба – единое целое, и оба веруют в исключительность любви, внушённой им самим Господом Богом. И невероятно тем счастливы.

Напутствие великого сказочника

Год 1866-й после стольких страданий принесёт счастье датской принцессе – Дагмар вновь станет невестой. И женихом будет наречён брат её незабвенного Никса – великий князь Александр Александрович.

И Александр, поначалу так скептически воспринявший любовные восторги старшего брата, сам не избежал чар обворожительной принцессы.

Копенгаген. Отсюда лежал путь на корабле принцессы Дагмар в Россию. Фотография Л.А. Черкашиной. 2004 г.

Ясным сентябрьским днём датская принцесса покидала своё королевство. На набережной в Копенгагене, в старом порту, где близ причала покачивались на морских волнах датский корабль «Шлезвиг» и русская яхта «Штандарт», пришли проводить красавицу-невесту тысячи горожан, и среди них был великий сказочник Ханс Кристиан Андерсен. Принцесса узнала его, остановилась и протянула доброму волшебнику свою изящную царственную ручку.

Из старого лебединого гнезда между Балтийским и Северным морями, что зовётся Данией, выпорхнул лебедь со славным именем…

Цесаревна Мария Фёдоровна. Фотография. Конец 1860-х гг.

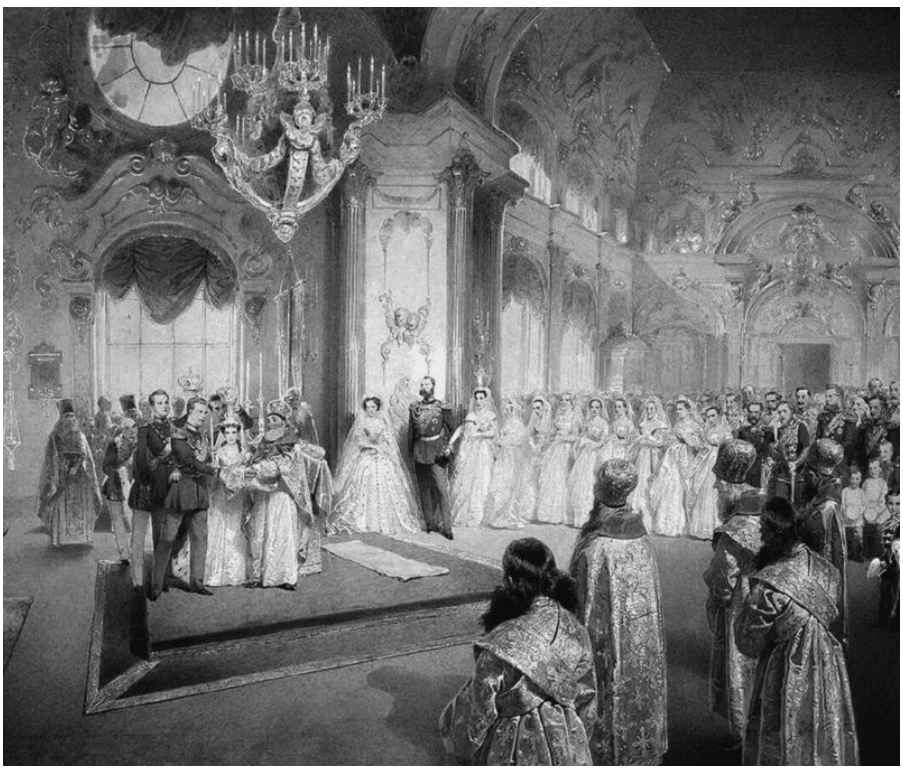
У Андерсена на глаза навернулись слёзы, и он горестно вздохнул о судьбе юной принцессы, ведь та ехала в неведомую ей страну:

«Вчера на пристани, проходя мимо меня, она остановилась и протянула мне руку… Бедное дитя! Всевышний, будь милостив и

милосерден к ней!

Говорят, в Петербурге блестящий Двор и прекрасная царская семья, но ведь она едет в чужую страну, где другой народ и религия, и с ней не будет никого, кто окружал её раньше…»

Под раскаты салюта военной императорской эскадры Россия встречала свою будущую императрицу. Не пройдёт и года, как в мае 1868-го небо над Петербургом и Царским Селом вновь озарится вспышками праздничных фейерверков – у великой княгини Марии Фёдоровны, принявшей новое имя вместе с православной верой, родится сын, продолжатель царской династии, наречённый Николаем. Никакого другого имени у августейшего малютки и быть не могло, – память о почившем в Ницце цесаревиче была ещё так свежа и болезненна…



Венчание великого князя Александра Александровича с Марией Фёдоровной. (Справа от священника – Александр II с супругой Марией Александровной). Художник М. Зичи. 1867 г.

Великий князь Александр Александрович нарёк сына в честь старшего брата, которого любил, по собственному его признанию, «больше всего на свете». Невероятное совпадение: царственный младенец станет полным тёзкой своего несчастного дяди – Николаем Александровичем Романовым. И даже в будущем

присовокупит к монаршему титулу и его, несостоявшийся, – Николай Второй.

1866-й – пролог встречи двух восемнадцатилетних красавиц: Марии и Екатерины. Именно с этого года, желали они того или нет, жизненные пути их будут тесно соприкасаться, и всякий раз подобные «сближения» станут наносить каждой из них новые сердечные раны.

Тайная семья

Тогда их разделяла огромная пропасть – великая княгиня, будущая царица, и фрейлина императрицы, возлюбленная Государя. Вряд ли в первые месяцы жизни в августейшей семье цесаревна Мария Фёдоровна слышала что-либо о своей сопернице.

Нет, княжна Долгорукова вовсе не желала распространять свои чары на её супруга, великого князя, она претендовала на большее – на… русский трон. Не для себя – для своих будущих наследников.

Правда, такой поворот событий поначалу казался мифическим. Вернее, о нём Мария Фёдоровна и не задумывалась, хотя первые признаки раздора в царской фамилии уже появились…

Время шло. В великокняжеском семействе появлялись на свет дети: вслед за Николаем в мае 1869-го у Марии Фёдоровны родился сын Александр (у младенца была недолгая жизнь); в апреле 1871-го – Георгий; в марте 1875-го – Ксения; в ноябре 1878-го – Михаил… И последней появилась на свет в июне 1882-го дочь Ольга, единственное порфирородное дитя, – она родилась, когда её отец был уже увенчан царской короной.

Во второй, сокрытой от сторонних глаз, семье Александра II также рождались дети – тайная связь не замедлила принести свои земные зримые плоды: в один из апрельских дней 1872 года покои чопорного Зимнего дворца огласились младенческим криком: на свет явился мальчик, наречённый Георгием. В его жилах текла кровь Романовых и Рюриковичей, великих князей Черниговских и Московских. На следующий год родилась дочь Ольга, затем – сын Борис (умерший в младенчестве). И следом – младшая Екатерина.

Александр II с супругой-императрицей Марией Александровной в день серебряной свадьбы. 1866 г.

Александр II был нежным отцом, о чём и свидетельствует сам в письме к княжне, вспоминая день, когда маленькая Оля (по-домашнему Oly) «была такой милой в своей постели и также у меня на коленях, когда я давал ей суп, который она ела с большим аппетитом. <…> Гого (Георгий) был очаровательным,

говоря с кучером и отправляясь в коляске с нами».

О детях отец-император особо тревожился, будучи на театре военных действий русско-турецкой войны, а значит, и в опасности: «Надиктованное дорогим пупусей (Георгием) порадовало меня как обычно, привязанность, которую он нам выказывает с самого рождения, поистине трогательна. Храни, Господь, для нас его и Олю, чтобы оба продолжали быть нашей радостью».

На другой день – новое письмо: «Доброе утро, дорогой Ангел моей души, я спал хорошо и переполнен любовью и нежностью к тебе, моя обожаемая маленькая жёнушка… Ох! Как я вспоминаю наши славные послеобеденные часы, когда дети любили спускаться ко мне и рассказывать тебе о чём-нибудь перед тем, как выпить своё молоко. Меня так и тянет к вам. Дай нам Бог вернуться поскорее!»

Переписка между возлюбленными не прерывается ни на день. И вот в ней появляются новые участники: княгиня Юрьевская посылает письма детей, вернее, записывает их нежные слова к отцу-императору, что не могло не радовать и умилять Александра. Увы, те детские письма с надеждой на скорую встречу с любимым папá, канули в Лету…

Зато известно письмо императора, полное боли за Россию и доверия к своей избраннице: «Господи, помоги нам окончить эту войну, обесславливающую Россию и христиан. Это крик сердца, который никто не поймёт лучше тебя, мой кумир, моё сокровище, моя жизнь».

Да, Александр делится со своей Катей «державными трудами» – делами в государстве, вопросами внешней политики – всей тяжестью незримой «шапки Мономаха», венчавшей его седеющую голову. А княжна внимает ему и порой даёт дельные советы, явно польщённая откровениями венценосца.

Когда с ней гетман забывает
Судьбы своей и труд, и шум,
Иль тайны смелых, грозных дум
Ей, деве робкой, открывает?
И дней невинных ей не жаль…

Верно, те чувства, что владели пушкинской Марией, не были чужды и княжне Кате. Особенно в минуты доверительных бесед с коронованным любовником.

Александр II с княгиней Екатериной Юрьевской и детьми: сыном Георгием и дочерью Ольгой. Конец 1870-х гг.

…Так уж совпало, что в 1878-м – знаменательном для России году победоносного завершения войны с Турцией – обе, и великая княгиня Мария Фёдоровна, и княжна Екатерина Долгорукова, разрешились от бремени здоровыми младенцами.

Таинственная незнакомка

История хранит необычный символ противостояния двух соперниц – живописный. В своё время картина Ивана Крамского «Неизвестная» наделала немало шума в обществе, представ впервые в марте 1883-го в Императорской академии наук на выставке художников-передвижников. В красавице-незнакомке, изысканно одетой и гордо восседающей в открытой дорогой коляске, что на минутку остановилась на Невском против дворца, зрителям чудилась… княгиня Екатерина Юрьевская.

Неизвестная. Художник И. Крамской. 1883 г.

Картина-загадка. Нет, в чертах лица странной красавицы особой схожести с княгиней не замечалось. Но величественная стать, но отстранённо-надменный взгляд тёмных глаз, то ли с поволокой, то ли с затаённой печалью, чуть трагический излом бровей, но чувственные губы и само элегантное одеяние, известное при редких выездах Юрьевской в свет (бархатная шляпка с перьями, отороченное мехом пальто, кожаные перчатки тончайшей работы), но драгоценный браслет – всё выдавало её, любовницу царя!

Да и фотография 1880-го, где она, Светлейшая княгиня Юрьевская, в очень схожем наряде – в элегантной шляпке и пальто-накидке, усеянном атласными бантами, – умильно взирает на четвероного царского любимца, что улёгся у её ног, будто приоткрывает завесу тайны.

Княжна Екатерина Михайловна Долгорукова с любимцами-псами. 1870-е гг.

Искусствовед Ирина Чижова, знаток светского этикета, повествует о другом обнаруженном ей любопытном факте: «…И вдруг в одном журнале мне встретилась репродукция с картины

Литовченко с изображением Александра II на манёврах. Рядом с ним сидит его морганатическая супруга, и на ней такой же костюм и шляпка, как на портрете у Крамского».

Историки моды «рассекретили» наряд молодой дамы: «Шляпа „Франциск“, отделанная изящными лёгкими перьями, „шведские“ перчатки, сшитые из тончайшей кожи, пальто „Скобелев“, украшенное собольим мехом и синими атласными лентами, муфта, золотой браслет – всё это модные детали женского костюма 1880-х, претендующие на дорогую элегантность». Однако сделали и несколько парадоксальный вывод: «Кодекс неписаных правил исключал строгое следование моде в высших кругах русского общества», – следовательно, и незнакомка, представшая на полотне Крамского, вряд ли могла принадлежать к высшему свету. И всё же кто она, эта «Русская Джоконда»? Давняя интрига и по сей день не даёт покоя пытливым умам.

Фотопортрет княжны Долгоруковой в доме её немецкой правнучки Клотильды фон Ринтелен в Висбадене.

Ирина Чижова провела своё исследование и нашла убедительнейшие доказательства: изначально «Неизвестная» должна была стать портретом княгини Юрьевской, но после трагедии на Екатерининской набережной Крамской вынужден был отказаться от прежнего замысла, изменив черты лица особы, в одночасье ставшей вдовой и попавшей в немилость к августейшему пасынку Александру III. Ведь картина, начатая ещё

в царствование Александра II, завершена спустя два года после его гибели.

И ещё одно «за» в пользу версии Чижовой: в Висбадене, в доме Клотильды фон Ринтелен, немецкой правнучки русской княжны, мне довелось видеть незнаемую прежде фотографию Екатерины Долгоруковой. Старый снимок, украшавший гостиную, зримо напоминал незнакомку с шедевра Ивана Крамского: тот же взгляд, тот же гордый поворот головы и водружённая на ней элегантная шляпка.

При жизни самодержец любил совершать прогулки в открытом экипаже (схожем с тем, что изобразил на полотне художник) вместе со своей Катей. В одном из писем Александру сохранилось её интимное признание: «Я обожаю управлять твоим кабриолетом, прижимаясь вся к твоему красивому телу, которое моё – так бы всего и съела».

Не отказалась от любимой забавы пара и после венчания. Александра II и Светлейшую княгиню придворные могли часто созерцать в Царском Селе, вместе в одной коляске, не ведая о тайной свадьбе императора и поражаясь дерзости и смелости княгини Юрьевской.

Что стыд Марии? что молва?
Что для неё мирские пени,
Когда склоняется в колени
К ней старца гордая глава…

Молодая красавица на полотне Крамского (она одна в экипаже, без сопровождающих – мужа ли, брата либо компаньонки – явно нарушает незыблемый этикет!), вызывающе устремившая свой взор, представлена на фоне тающего в петербургской дымке Аничкова дворца, резиденции Александра III и его молодой супруги. Вызов царице вновь брошен!

На Галерной

Но задолго до взрыва на петербургской набережной «гордой главе» Александра II не давала покоя одна мысль: каким явится будущность для детей, его и Кати? Не будет ли суждена им безрадостная участь бастардов? Посему ещё летом 1874-го монарх издал Указ Правительствующему Сенату: «Малолетним Георгию Александровичу и Ольге Александровне Юрьевским даруем Мы права, присущие дворянству, и возводим в княжеское достоинство с титулом Светлости». Ещё со времён Петра

Великого титулом тем удостаивались подданные за особые заслуги перед царём и Отечеством.

Дом на Галерной в Петербурге, где поселилась молодая чета Пушкиных.

В том памятном году княжна Катя Долгорукова поселилась в снятой для неё великолепной квартире на Галерной, где частым гостем бывал сам император. «О, какое удовольствие доставило мне видеть наконец твоё милое жилище в твоём новом доме, – восхищается Александр. – В нём всё мило и уютно, а всего милее милейшая хозяйка». Катенька не медлит с ответом, вторя возлюбленному: «…О, какое удовольствие доставил мне вчера твой визит в мою комнату, почему мы не можем остаться вместе навсегда?»

Исторические параллели. «На Галерной, в доме Брискорн» – адрес первой семейной квартиры поэта в Петербурге. Именно сюда из Царского Села, где прошли счастливые месяцы супружества, в октябре 1831-го поэт привозит свою Натали в дом на Галерной.

Вероятней всего, переехать на Галерную посоветовал Пушкину его шурин Дмитрий Гончаров, временно поселившийся на ней, а затем навестивший сестру и её мужа в Царском Селе. О

своих петербургских новостях извещает он дедушку Афанасия Николаевича: «Прибывши сюда благополучно… переехал в Галерную улицу в дом Киреева… Я видел также Александра Сергеевича, между ими царствует большая дружба и согласие; Таша обожает своего мужа, который также её любит; дай Бог, чтоб их блаженство и впредь не нарушалось. Они думают переехать в Петербург в октябре, а между тем ищут квартиры».

Выбор Пушкина остановился на квартире, что сдавала внаём вдова тайного советника госпожа Ольга Константиновна Брискорн. Прежде таких дорогих квартир в Петербурге поэту снимать не доводилось. «Женясь, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро», – пенял он на дороговизну петербургской жизни другу Нащокину.

На новой квартире Пушкиным предстояло прожить осень – первую в их совместной жизни, встретить новый 1832 год и весну. Сюда на Галерную из мастерской Александра Брюллова, брата великого Карла, возвращалась с портретных сеансов Натали – художник работал тогда над акварельным портретом красавицы Пушкиной. Супруг жаждал поскорее увидеть творение мастера: «Брюллов пишет ли твой портрет?»

В дом на Галерной доставлялись из Москвы «Милостивой государыне Наталии Николаевне Пушкиной» письма мужа-поэта. Исполненные любовных признаний и беспокойства:

«…Тоска без тебя; к тому же с тех пор, как я тебя оставил, мне всё что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поедешь во дворец, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лестницы».

Натали уже носила под сердцем дитя…

Первые месяцы супружеского счастья, или, по Пушкину, покоя и воли. А ведь ещё недавно друзей Пушкина так занимала его будущая свадьба: не погасит ли проза семейной жизни святой огонь поэзии?

Мудрец Василий Жуковский, пристально наблюдая за душевным состоянием женатого Пушкина, нашёл, что его семейная жизнь пошла на пользу и поэзии.

В этом доме Натали и сама дерзнула писать стихи, или, точнее, послать их на отзыв мужу. «Стихов твоих не читаю. Чёрт ли в них; и свои надоели. Пиши мне лучше о себе, о своём здоровьи», – её робкие поэтические опыты Пушкин безжалостно пресёк. Почти как Онегин, резко одёрнувший милую Татьяну. Продолжала ли юная поэтесса втайне заниматься стихотворчеством? Кто может ныне ответить… Однако супружеская жизнь потребовала от неё вскоре иных забот, и дом на Галерной стал для Натали своего рода «школой молодой

хозяйки».

И петербургская Галерная, и Царское Село явились неким вневременным перекрёстком для двух влюблённых пар.

Венчание в Царском Селе

Императрица Мария Александровна скончалась в Санкт-Петербурге в мае 1880 года…

Минут недели, и овдовевший супруг-император Александр II предстанет перед алтарём со своей избранницей Екатериной Долгоруковой. Император спешил узаконить их давние отношения, нарушая не только придворный этикет, но и чисто человеческие понятия о трауре – времени скорби и горестных раздумий.

Вот как повествует о том Морис Палеолог: «…Ровно месяц спустя после того, как он (Александр) похоронил императрицу, он неожиданно обнял княжну Долгорукую и сказал спокойно и серьёзно: „Петровский пост кончится в воскресенье, 6-го. Я решил в этот день обвенчаться с тобой перед Богом“».

И как ни умоляли ближайшие друзья императора и его придворные – граф Александр Адлерберг, министр Двора, и оба генерал-адъютанта: Александр Рылеев и Эдуард Баранов, – отсрочить венчание, император ответил отказом. Словно предчувствуя беду, Александр желал обвенчаться как можно скорее, несмотря на увещевания придворных и глухой ропот своих взрослых детей.

Парадный въезд в Царскосельский дворец. Конец XIX – начало

XX в.

Свадьба в Царском Селе. Знаменательный тот день – 6 июля – был памятен и в семействе поэта: Александр Александрович Пушкин, его старший сын и любимец, отмечал свой день рождения. А ровно месяцем ранее полковник-гусар Пушкин был на открытии памятника своему великому отцу в Москве.

Памятник поэту, творение скульптора Опекушина, думалось открыть 26 мая (по старому стилю), в день рождения Пушкина. Но за несколько дней до задуманного торжества умерла императрица Мария Александровна, и открытие пушкинского монумента пришлось перенести. Однако траур по почившей государыне очень уж стремительно завершился венчанием вдовца-императора. Как торопил Александр тот заветный для него день! Но кто может ныне сказать, было ли это желание самого Государя или его возлюбленной Кати, лелеявшей мечту стать законной женой?

Все события, и события неоднозначные, судьбоносные, словно затеяли некую игру вперегонки – и смерть несчастной императрицы, и всенародное пушкинское торжество, и тайная свадьба Государя! Безумный тот калейдоскоп будто промелькнул в истории России.

Для обряда венчания предназначен был один из залов Большого Царскосельского дворца. Государь в тот день предстал в голубом гусарском мундире, княжна облачилась в светлое скромное платье. «По длинным коридорам Александр Николаевич и княжна Долгорукая прошли в уединённую комнату без всякой мебели, выходящую окнами во двор, – продолжил Морис Палеолог. – Там уже находились протоиерей, протодьякон и дьячок. В середине комнаты стоял походный алтарь – простой стол, на котором находилось всё необходимое для совершения обряда: крест, Евангелие, две свечи, венцы и обручальные кольца. <…>

Протоиерей трижды повторил торжественные слова венчания, старательно упоминая каждый раз императорский титул супруга. Он исполнял при этом специальное указание царя, сказавшего: „С Екатериной Михайловной венчается не просто Александр Николаевич, но император“. И священник трижды повторил: „Обручается раб Божий, благоверный Государь, с рабой Божьей Екатериной Михайловной“».

После венчания Александр II предложил жене вместе со старшими детьми Георгием и Ольгой прокатиться в коляске по Царскосельскому парку. Похоже, мемуаристу удалось «подслушать» царские речи, что велись в той свадебной поездке:

«Обратив к жене свой восторженный взгляд, он (Александр) сказал: „О, как долго я ждал этого дня. Четырнадцать лет. Что за пытка! Я не мог её выносить, у меня всё время было чувство, что сердце не выдержит более этой тяжести“.

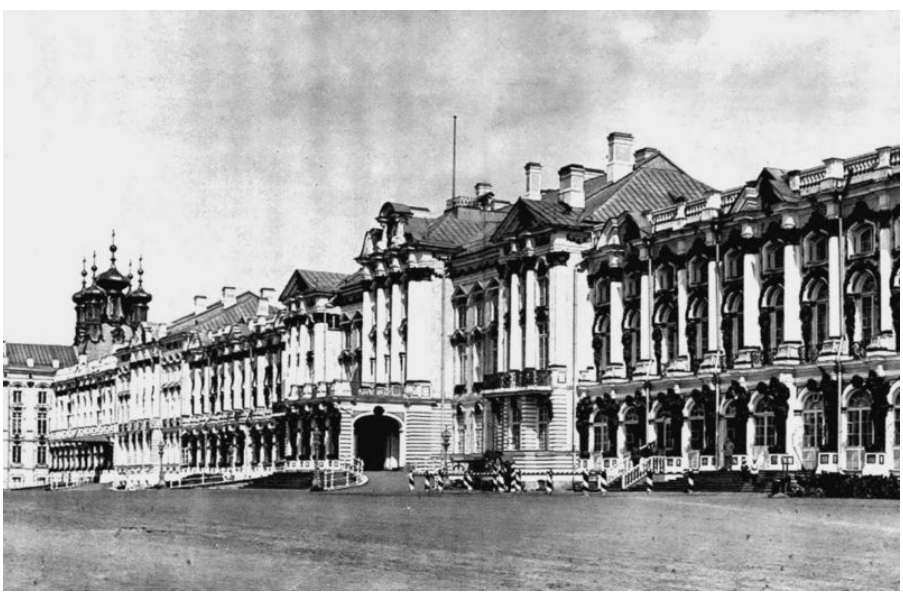
Но внезапно его лицо приняло трагическое выражение: „Я боюсь своего счастья, я боюсь, что меня Бог слишком скоро лишит его“.

После минутного молчания он прибавил: „Если бы отец знал тебя, он бы тебя очень полюбил“».

Как важно было Александру одобрение августейшего отца, царя, кого именовали «последним рыцарем Европы»! Но в год, когда Николай I закончил земной путь, будущей его невестке сравнялось всего семь лет…

И другой значимый разговор «расслышал» французский дипломат. Обращаясь к любимцу-сыну, Александр II произнёс: «Гого, дорогой мой, обещай, что ты меня никогда не забудешь». Семилетний мальчик поначалу не понял, о чём просит его отец, но мать пришла на выручку, подсказав сыну нужные слова, и Георгий твёрдо ответил: «Обещаю тебе, папа́».

Растроганный до глубины души Государь шепнул жене: «Это настоящий русский, в нём по крайней мере течёт только русская кровь».



Большой Екатерининский дворец в Царском Селе, где венчался Александр II с княжной Долгоруковой. Конец XIX – начало XX в.

На исходе того июльского дня Александр II подписал Указ Правительствующему Сенату: «Вторично вступив в законный брак

с княжною Екатериной Михайловной Долгорукой, Мы приказываем присвоить ей имя княгини Юрьевской, с титулом Светлейшей. Мы приказываем присвоить то же имя с тем же титулом присвоить Нашим детям: сыну Нашему Георгию, дочерям Ольге и Екатерине, а также тем, которые могут родиться впоследствии, Мы жалуем их всеми правами, принадлежащими законным детям…»

Выбор исторического титула был неслучаен. Княжеский род Долгоруковых, бравший свои истоки от легендарного Рюрика, происходил от древних черниговских князей. В числе именитых предков княжны был и великий князь Юрий Долгорукий, сын славного Владимира Мономаха. Так что сама царская династия Романовых не могла соперничать древностью происхождения с княжеских родом Долгоруковых. Написание исторической фамилии – иногда она звучит как Долгорукие – разнится так же, как и мнения генеалогов по сему поводу.

По другой версии, фамилия дана в честь бояр Захарьиных-Юрьевых, живших в Москве в XV–XVI веках. Племянник Юрьевской, сын её сестры Марии, Борис фон Берг писал, ссылаясь на материнский рассказ: «Когда стали искать брачные связи между Долгоруковыми и Романовыми, вспомнили, что первый царь из династии Романовых Михаил был женат на княжне Марии Долгоруковой. Кроме того, Михаил был прямым наследником боярина Юрия Захарьина. <…> Отсюда имя Юрьевские».

Этой же версии – фамилия княгине была дана от Юрьевых, древнего прозвища Романовых, – придерживаются и современные исследователи.

В любом случае род Екатерины Долгоруковой прославлен в истории России многими именами: сенаторов, полководцев, публицистов, генерал-губернаторов, поэтов и генеалогов. Княжеский род Долгоруковых, или Долгоруких, Рюриковичей, внесён в «Бархатную книгу». Патриархом обширного рода, в том числе и князей Оболенских, семейные предания именуют князя Михаила Всеволодовича Черниговского. Родоначальник же фамилии – князь Иван Андреевич Оболенский, живший в первой половине XV века и получивший прозвище Долгорукий якобы за свою мстительность.

Среди князей Долгоруких – окольничие и бояре; воеводы в Пелыме, Калуге, Кашире, Твери; стольники царей Фёдора Алексеевича и Петра Алексеевича, цариц Натальи Кирилловны и Прасковьи Фёдоровны…

И, тем не менее, брак Александра II и княгини Юрьевской признавался морганатическим, то есть неравнородным. Ведь супруга монарха не принадлежала ни к одному из владетельных

европейских домов.

Прежде ни для кого из приближённых не являлось секретом существование второй, незаконной, семьи императора. Однако поведение монарха не обсуждалось, и на все разговоры о княжне Долгоруковой и её детях было наложено строжайшее табу.

Мария Фёдоровна могла делиться своими опасениями, и вовсе не напрасными, лишь с мужем, великим князем и наследником Александром Александровичем. Но что оба они могли предпринять?! Лишь вздыхать и утешать друг друга.

«Живёт только для меня»

Ничто после венчания, казалось, не могло омрачить счастья Государя. Тотчас он спешит поделиться радостной вестью с сестрой Ольгой Николаевной, королевой Вюртембергской, жившей в немецком Штутгарте: она единственная из семьи поддерживала своего царственного брата: «Княжна Долгорукая, несмотря на свою молодость, предпочла отказаться от всех светских развлечений и удовольствий, имеющих обычно большую привлекательность для девушек её возраста, и посвятила всю свою жизнь любви и заботам обо мне. Она имеет полное право на мою любовь, уважение и благодарность. Не видя буквально никого, кроме своей единственной сестры, и не вмешиваясь ни в какие дела, несмотря на многочисленные происки тех, кто бесчестно пытался пользоваться её именем, она живёт только для меня, занимаясь воспитанием наших детей, которые до сих пор доставляли нам только радость».

Ольга Николаевна отвечала брату, что, вне сомнений, выбор его «мог пасть лишь на достойную по своим сердечным качествам особу». Однако не исключала возможности ссор между княгиней и супружеской четой цесаревича, советуя проявлять деликатность с обеих сторон и «главное – не торопить событий».

И ещё одному человеку была доверена тайна царского венчания – графу Лорис-Меликову. Граф, срочно вызванный в Царское Село, склонив голову, слушал своего Государя: «Я знаю, что ты мне предан. Впредь ты должен быть также предан моей жене и моим детям. Лучше других ты знаешь, что жизнь моя подвергается постоянной опасности. Я могу быть завтра убит. Когда меня больше не будет, не покидай этих столь дорогих для меня лиц. Я надеюсь на тебя, Михаил Тариэлович».

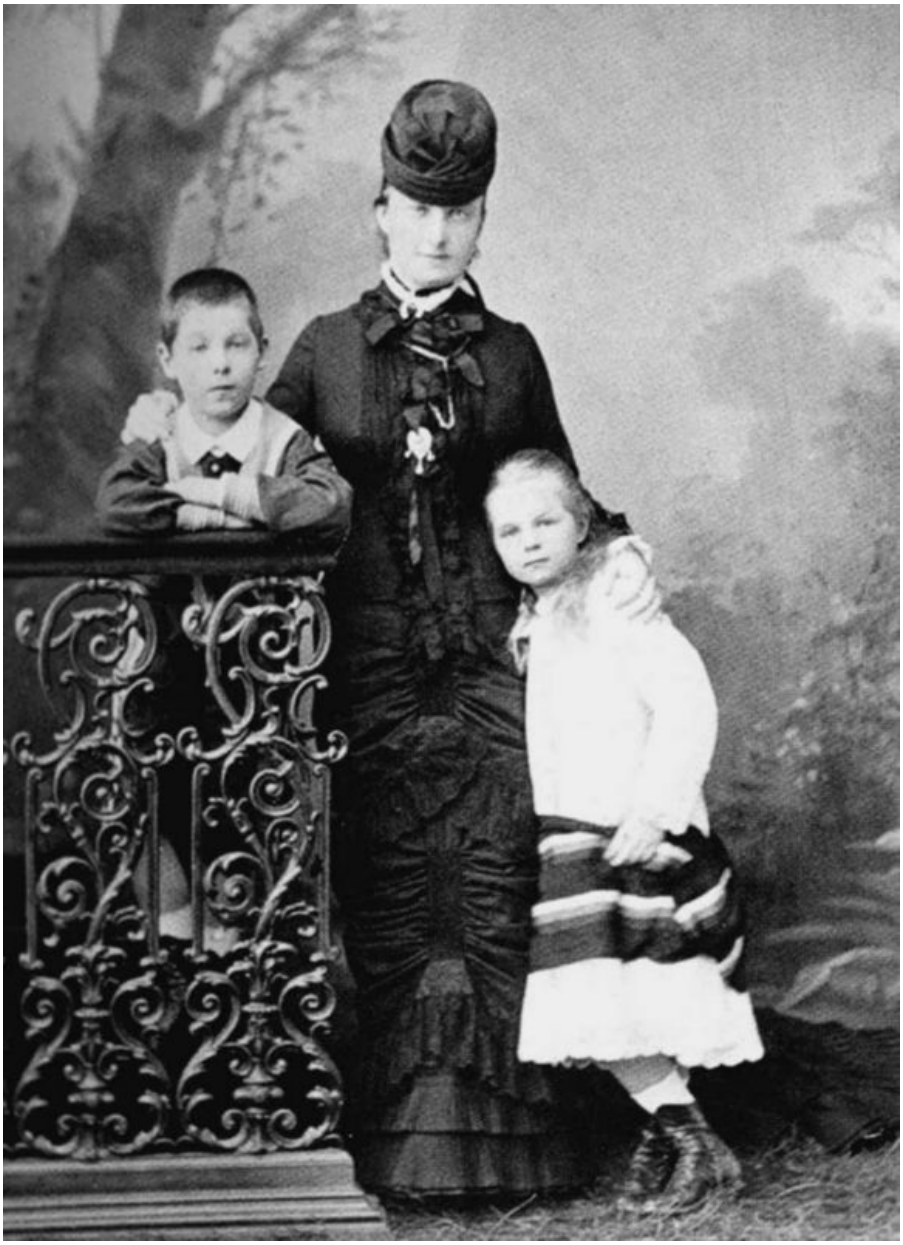
Вряд ли генерал-адъютанту и министру внутренних дел Лорис-Меликову показалась странной просьба императора: угроза жизни Александру II была слишком явной. Но вот чему бы граф несказанно подивился, так это будущему родству с самодержцем!

Правда, супружество их внуков, связавшее царственный род с древним армянским, случится много позже.

Вскоре в Петербург вернулся великий князь Александр Александрович, лечившийся на одном из курортов. И тотчас был призван к императору, где и узнал новость о женитьбе августейшего отца, потрясшую наследника. Но к чести великого князя стоит заметить, он достойно принял очень горькую для него весть.

Император посчитал нужным заручиться словом сына-цесаревича, что тот в случае непредвиденных обстоятельств позаботится о мачехе и единокровных сёстрах и брате: «…Ты их не оставишь и будешь их покровителем и лучшим советником».

В сентябре того же года Александром II было составлено завещание и внесено в Государственный банк более трёх миллионов рублей в процентных бумагах на имя Светлейшей княгини Юрьевской и троих детей. Всё то огромное состояние, по мысли императора, должно быть «поровну разделено между Нашими детьми… после их совершеннолетия или при выходе замуж Наших дочерей».



Светлейшая княгиня Екатерина Юрьевская с сыном Георгием и дочерью Ольгой. Фотография. Конец 1870-х гг.

После венчания Александра II его невестка-цесаревна и княгиня Юрьевская словно поменялись ролями. Светлейшая княгиня из любовницы превратилась хоть и в морганатическую, но всё же законную жену императора, а следовательно, в свекровь (!) для Марии Фёдоровны. Вот тут-то для бывшей датской принцессы и начались настоящие страдания, ведь всё, что должно

было перейти к ней по праву, – корона государыни, держава и скипетр для наследника, – в одночасье могли стать достоянием её счастливой соперницы. И её сына Георгия.

Великий князь Александр Михайлович живо воссоздал атмосферу, царившую тогда в большой, но отнюдь не дружной, а, напротив, раздираемой неприязнью семье Романовых:

«Голос церемониймейстера… звучал неуверенно.

– Его Величество и Светлейшая княгиня Юрьевская!

Мать моя (великая княгиня Ольга Фёдоровна. – *Л.Ч.*) смотрела в сторону, а моя будущая тёща, жена наследника престола Мария Фёдоровна, потупилась…

Император быстро вошёл, ведя под руку молодую красивую женщину… Княгиня Юрьевская любезно отвечала на вежливые поклоны великих княгинь и князей и села рядом с императором в кресло покойной императрицы… Мне понравилось выражение её грустного лица и лучистое сияние, идущее от светлых волос. Было ясно, что она волновалась…

Долгая совместная жизнь нисколько не уменьшила их взаимного обожания. В шестьдесят четыре года Александр II держал себя с нею, как восемнадцатилетний мальчик. Он нашёптывал слова одобрения в её маленькое ушко. Он интересовался, нравятся ли ей вина. Он соглашался со всем, что она говорила. Он смотрел на всех нас с дружеской улыбкой, как бы приглашая радоваться его счастью…»

Но безграничное счастье супруга-императора разделяла, увы, лишь его Катя. Августейшие родственники негодовали. Вот великая княгиня Мария Павловна, невестка императора, выказывает своё недовольство гессенскому принцу Александру: «Она (Юрьевская) является на все семейные ужины, официальные или частные, а также присутствует на церковных службах в придворной церкви со всем двором. Мы должны принимать её, а также делать ей визиты. И так, как княгиня весьма невоспитанна, и у неё нет ни такта, ни ума, вы можете себе представить, как всякое наше чувство просто топчется ногами, не щадится ничего».

Когда твои младые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права…

Нелестные мнения о княгине Юрьевской витали в салонах и гостиных аристократического Петербурга. Но говорили о ней, передавая и скабрёзные сплетни, шёпотом, дабы не навлечь гнев самодержца.

Другая яркая картинка вновь оживает под пером великого князя Александра Михайловича: «Когда Государь вошёл в столовую, где уже собралась вся семья, ведя под руку молодую супругу, все встали, и великие княгини присели в традиционном реверансе, но отводя глаза в сторону… Княгиня Юрьевская элегантно ответила реверансом и села на место императрицы Марии Александровны. По любопытству я внимательно наблюдал за ней… Она была явно очень взволнованна. Часто она поворачивалась и слегка пожимала его руку. Её усилия присоединиться к общему разговору встретили лишь вежливое молчание… Когда мы возвращались домой, моя мать сказала отцу (великому князю Михаилу Николаевичу, младшему сыну Николая I. – *Л.Ч.*): „Мне неважно, что ты думаешь или делаешь, я никогда не признаю эту наглую авантюристку“».

Мемуарист объективен: бедной «авантюристке» приходилось несладко под колкими взглядами августейших родственников. Но страдала не только она.

Крымская идиллия

Самым тяжёлым испытанием для цесаревны стали месяцы, проведённые ею в Ливадийском дворце в Крыму, осенью 1880-го, вместе с императором и его новым семейством. Марии Фёдоровне пришлось изрядно поволноваться – отныне, после вступления её самодержца-свёкра в брак с княжной Долгоруковой, у Ники появился реальный соперник, претендент на российский престол – Георгий, которого Александр II любил больше, чем своего внука. Так, по крайней мере, ей казалось. Да и в целебном крымском воздухе носились болезненные и обидные для цесаревны слухи…

Александр выехал в Крым с супругой и старшими детьми, Георгием и Ольгой, на исходе августа. Княгиня Юрьевская с детьми отправилась в путешествие в царском поезде. Впервые для неё и для свиты Государя – придворные терялись в догадках, отчего император оказывает ей столь высокую честь? Удивлению не было предела, когда княгиня остановилась в самом… Ливадийском дворце! Ведь прежде она всегда жила поблизости, на даче в Бьюк-Сарае. О том, что княгиня Юрьевская – супруга императора, знали лишь избранные.

Вид Ялты. Художник К. Боссоли. Начало 1840-х гг.

То были дни счастья для царской четы. Наконец исполнилась

давняя мечта – они могут вместе кататься верхом, вместе обедать, вместе любоваться красочными морскими закатами. И наблюдать за резвившимися в саду детьми. Не скрываясь более и не боясь чужих глаз. Вот она, семейная идиллия!

Но и государственные дела требовали внимания императора. Благо при нём неотлучно находился граф Лорис-Меликов. Морис Палеолог приводит одно замечание графа, касавшееся недавней женитьбы императора и обращённое к нему: «Было б большим счастьем для России иметь, как встарь, русскую императрицу». Отсыл к старине прозрачен: первой женой царя Михаила Фёдоровича была русская княжна Долгорукая.

Александр III с императрицей Марией Фёдоровной и августейшим семейством. Петербург. Конец 1880-х гг.

Ещё один эпизод из книги французского дипломата: «В другой раз, когда император работал со своим министром на веранде, сын Александра II Георгий, игравший около них, вскарабкался к нему на колени. Поиграв с ним немного,

Александр Николаевич сказал: „Теперь поди, мы должны работать“.

Лорис-Меликов, посмотрев вслед уходящему ребёнку, о чём-то задумался, а потом, обратившись к царю, сказал: „Когда русский народ познакомится с сыном Вашего Величества, он весь, как один человек, скажет: „Вот этот наш“. Эти слова произвели сильное впечатление на Александра II, так как ему показалось, что министр отгадал одну из самых заветных его мыслей“».

Другие мысли и чувства владели той крымской осенью великой княгиней Марией Фёдоровной: «Я плакала непрерывно, даже ночью. Великий князь меня бранил, но я не могла ничего с собой поделать… Так или иначе я переносила ежедневные унижения, пока они касались лично меня, но, как только речь зашла о моих детях, я поняла, что это выше моих сил. У меня их крали, как бы между прочим, пытаясь сблизить их с ужасными маленькими незаконнорождёнными отпрысками. И тогда я поднялась, как настоящая львица, защищающая своих детёнышей. Между мной и императором разыгрались тяжёлые сцены… Совместные прогулки с новой семьёй прекратились, и княгиня крайне раздражённо заметила мне, что не понимает, почему я отношусь к её детям, как к зачумлённым».

Александра II возмутило подобное поведение невестки. «Прошу не забываться и помнить, – резко выговорил он цесаревне, – что вы лишь первая из моих подданных!»

Екатерина III

Почти открыто поговаривали, что сын, рождённый от русской княгини, будет наречён наследником. И будто бы сама Светлейшая княгиня готовится к скорой своей коронации, и уже отдано распоряжение – изготовить для будущей императрицы вензель.

К разработке грядущего церемониала был привлечён и Лорис-Меликов. По воспоминаниям, один из священников «даже ездил в Москву, чтоб из архивов извлечь подробности о коронации Екатерины I… Добыв в Москве архивные сведения для будущей коронации, он с торжеством возвращался в Петербург, как вдруг на полпути узнал о событии 1 марта».

Другое свидетельство. Действительный тайный советник Анатолий Куломзин оставил запись: «…Носились зловещие слухи о желании Государя короновать княгиню Юрьевскую… Всё это волновало до глубины души… Повелено было найти в архиве Министерства двора церемониал коронования Петром Великим Екатерины I. Узнав об этом, наследник объявил, что если

произойдёт это событие, то он с женой и детьми уедет в Данию, на что последовала со стороны Александра II угроза в случае такого отъезда объявить наследником престола рождённого до брака от Юрьевской Георгия».

Ни в каких официальных бумагах тот царский брак не именовался морганатическим. Однако в лексиконе придворных особ нередко мелькало то тяжёлое нерусское слово, словно каменной оградой отделявшее княгиню Юрьевскую от «правильной и законной» великосветской жизни, – так её дворцовые апартаменты именовались «морганатическими покоями», а приёмы – «морганатическими обедами»!

Герб Светлейших князей Юрьевских, утверждённый императором Александром II. Санкт-Петербург. 18 января 1881 г.

В декабре 1880-го император, ведя под рукуСветлейшую

княгиню, вместе с сыном Георгием, прошёл на молебен в церковь Зимнего. Одна из фрейлин была потрясена сим явлением: «Едва Государь и княгиня Юрьевская вошли в церковь, как все служители вздрогнули, будто разорвалась бомба. Дьякон, произносивший литии, сбился, клир фальшивил, и обыкновенно звучный голос архиерея Рождественского потерялся».

Не правда ли, какой зловещей мистикой звучит сравнение всеобщей растерянности со взрывом бомбы?!

А в январе грядущего нового года на торжестве водосвятия Светлейшая княгиня явилась уже с двумя детьми: Георгием и Ольгой. И вновь – скандал в свете. В Аничков дворец, резиденцию наследника, срочно затребовали министра внутренних дел Михаила Тариэловича Лорис-Меликова и, как вспоминала Юрьевская, «сделали ему сцену по поводу того, что дети показались, между тем, как это не был большой свет; и слёзы, и стенания».

Никогда ещё такая волна ненависти и обид не разделяла этих двух женщин – Светлейшую княгиню и цесаревну – в их соперничестве за трон. В конце февраля 1881-го начался Великий пост, и накануне исповеди всё августейшее семейство собралось в Малахитовом зале Зимнего дворца, дабы испросить прощения друг у друга. Цесаревич исполнил всё, как и должно. «Старший сын (императора Александра II) принёс мне извинения, – вспоминала Екатерина Михайловна, – чувствуя свою вину передо мной, я ему ответила, что прощаю его от всего сердца, и обняла его».

Мария Фёдоровна же, нарушив каноны, предписывавшие испросить прощения у близких и дружески обняться, расцеловавшись, лишь сухо пожала княгине Юрьевской руку. Александр II пришёл в ярость от неподобающего поведения цесаревны и со всей строгостью отчитал своенравную невестку. Одна из фрейлин стала невольной свидетельницей семейного скандала: «Император обрушил ливень возбуждённых слов, наполненных накопившимся за месяцы гневом. „…Саша хороший сын, – кричал он, – но Вы – у Вас нет сердца!“»

Великой княгине пришлось оправдываться – дескать, она не ведала, что княгиня Юрьевская, как и она, будет исповедоваться.

Чуть поостыв, Александр сказал своей Кате, что «ужасно сердит, так как это было уж слишком, так неделикатно и так глупо». И, помедлив, в сердцах произнёс: «И это те люди, которые должны позаботиться о вас после моей смерти». Будто ему ведомы были грядущие дни…

Тревожится и цесаревич Александр Александрович, ожидая в январе 1881-го приезда братьев – великих князей Сергея и Павла

– в Петербург: «Я с отчаянием думаю о возвращении братьев сюда и как они сживутся с этой новой обстановкой их семейной жизни! Нам, старшим братьям, было это невыразимо тяжело и грустно».

Взрыв

Уникальный случай в истории православной страны – царь, Божий помазанник, долгие годы имел одновременно двух жён: законную – императрицу Марию Александровну и непризнанную – княжну Екатерину Долгорукову.

Клубок невероятных жизненных коллизий с вплетениями из государственных тайн, любовных признаний, светского злословия, придворных интриг, лести и зависти распутала всемогущая смерть. Она и дописала последнюю страницу закрученного по всем канонам жанра любовного остросюжетного романа.

Всё изменилось в один день, все волнения и надежды разом разрешил взрыв на набережной Екатерининского канала, мощным эхом отозвавшийся по всей России: на жизнь Государя было совершено покушение, последнее из шести.

Буквально накануне трагедии Александр II исповедовался у своего духовника протопресвитера Василия Бажанова. Счастье, как того и боялся Александр, длилось недолго…

Свершилось великое злодеяние: в Петербурге в царский экипаж была брошена бомба. И когда Государь вышел из кареты, чтобы ободрить раненых, под ноги ему полетела ещё одна бомба… Истекавшего кровью императора по его воле доставили в Зимний. «Во дворец… Там умереть хочу», – чуть слышно прошептал он.

Княжна Екатерина Долгорукова. Фотография. 1878 г.

…Бытует легенда о мистическом предсказании Пушкиным судьбы будущего царя. Увидев бюст наследника у Жуковского в Царском Селе, поэт, пристально вглядевшись в мраморного двойника цесаревича, вдруг произнёс показавшиеся всем странные слова:

«Вижу славное царствование, великие дела и – Боже – какой ужасный конец! По колени в крови!»

Последние слова Пушкин, словно в забытьи, повторил

несколько раз…

Кто может сказать ныне, где и когда встречался поэт с великим князем Александром Николаевичем, – на придворных церемониях, балах, церковных службах? Но один день известен: суббота, 18 июня 1832 года. Пушкин провожал до Кронштадта Жуковского – вместе с наследником он отплывал в дальний заграничный вояж на пароходе «Николай I». Вероятно, в тот день Василий Андреевич представил поэта цесаревичу, зная, какое отрадное впечатление произведёт та встреча на его августейшего воспитанника. Сам он свято верил в своё высокое предназначение: «Я принадлежу наследнику России, эта мысль сияет передо мной как драгоценная звезда!»

Государь Александр II в своём кабинете в Зимнем дворце. 1870-е гг.

Свидетельств об увлечении цесаревича пушкинской поэзией немного, но всё же они есть, – им сделан список с «Песни о вещем Олеге»: рука великого князя вслед за поэтом вывела и эти

провидческие строки:

Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Роковой жребий выпадет в грядущем обоим: и самодержцу, и поэту…

Вот запись из дневника великого князя Александра Николаевича, сделанная 29 января 1837 года: «Во время обеда узнали, что бедный Пушкин от раны скончался в ¾ 3 часа…»

Сколь много сострадания и боли заключено в этой скупой записи!

По словам петербургского приятеля поэта Николая Любимова, чиновника Министерства иностранных дел, а затем сенатора, в скорбные январские дни цесаревич приезжал в дом на Мойке, чтобы справиться о самочувствии Пушкина.

Достойно удивления, что умирающий Пушкин в последние свои земные часы вспоминает о цесаревиче…

В апреле 1834 года Пушкин не явился в Зимний дворец, где пышно отмечалось совершеннолетие наследника Александра Николаевича, чтобы засвидетельствовать свои верноподданнические чувства, хотя и подробно описал в дневнике торжество, назвав его «государственным и семейственным».

В письме к жене поэт сообщил главную петербургскую новость: «Нынче великий князь присягал; я не был на церемонии, потому что рапортуюсь больным, да и в самом деле не очень здоров». Но и пожалел, «что не видел сцены исторической и под старость нельзя… будет говорить об ней как свидетелю». И всё же со всей твёрдостью заявил: «К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди, и мне, вероятно, его не видать».

К несчастью, слова те оказались пророческими. Не привелось Александру Сергеевичу дожить до судьбоносного дня – увидеть свободную Россию под скипетром нового монарха.

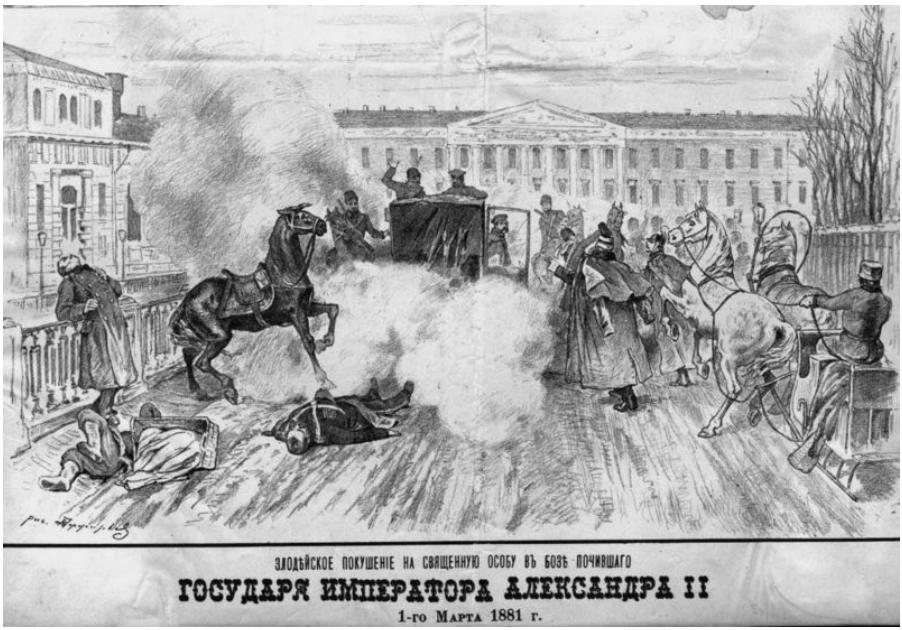
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И Рабство, падшее по манию царя…

Именно Александру II суждено было подписать столь долгожданный манифест об отмене крепостного права и войти в историю России Царём-Освободителем!

«Царь с евангельскою душою, с любовью к ближнему

святою» – эти тютчевские строки выверены всей жизнью Александра II. И особенно зримо – участием к семье Пушкина: к помощи императора не единожды прибегали вдова и дети поэта, – не было случая, чтобы он ответил отказом.

Нет, не уберегли милостивого Государя от злой смерти ни царская охрана, ни вышколенные жандармы, ни его ангел Катя.



Злодейское покушение на Александра II 1 марта 1881 года. Художник Порфирьев. 1881 г.

…Александр II мученически умирал в дворцовых покоях. Как вспоминала княгиня Мария Мещерская: «Император уже потерял сознание и оставался весь бледный, с восковым лицом, с лёгкой раной над бровью. На обеих ногах кости были совершенно раздроблены…»

Слово великому князю Александру Михайловичу: «Княгиня Юрьевская вбежала полуодетая. Говорили, какой-то чрезмерно усердный страж пытался задержать её при входе. Она упала навзничь на тело царя, покрывая его руки поцелуями и крича: „Саша! Саша!“ Это было невыносимо. Великие княгини разразились рыданиями».

Оправившись от удара и проявив редкое самообладание, Екатерина Михайловна ухаживала за умирающим мужем: давала ему дышать кислород, растирала виски эфиром, помогала хирургам перевязывать его раздробленные ноги, пыталась говорить с ним то по-русски, то по-французски…

Царственный мученик страдал недолго, он умер в тот же день

– 1 марта 1881 года. Но что пришлось испытать его супруге!

Александр Михайлович продолжил горестные воспоминания: «Лейб-хирург, слушавший пульс царя, кивнул головой и опустил окровавленную руку.

– Государь Император скончался! – громко промолвил он. Княгиня Юрьевская вскрикнула и упала как подкошенная на пол. Её розовый с белым рисунком пеньюар был весь пропитан кровью. <…>

Из комнаты почившего вынесли бесчувственную княгиню Юрьевскую в её покои».

Какое невероятное стечение обстоятельств: именно в этот день император обещал своей «дорогой Катрин» вернуться раньше, чтобы вместе с ней отправиться на прогулку в Летний сад. Туда, где впервые грянул пистолетный выстрел. Будто грозное предупреждение… И там, где он уверовал: милая Катя стала ему ангелом-хранителем.

Но ведь в тот злополучный мартовский день Екатерина Михайловна тревожилась и умоляла супруга не покидать Зимний. На что он ласково успокаивал любимую, заметив, что не может же он, Государь, быть в заточении, подобно птице в золотой клетке…

По воспоминаниям, «последний вечер Его драгоценной жизни, в который Он занимался чтением Святого Евангелия с княгиней».

Наступившим воскресным днём император отправился в Манеж, где наблюдал развод войск, а после в Михайловский дворец, пить чай с кузиной, великой княгиней Екатериной Михайловной.

Но террористы-метальщики, изготовившись, уже заняли свои места вдоль набережной Екатерининского канала…

Сердца многих русских людей полнились в те дни великой скорбью. И одно из них – Петра Чайковского. «Известие это так поразило меня, – делится композитор горестными раздумьями с госпожой фон Мекк, – что я едва не заболел. В такие ужасные минуты всенародного бедствия, при таких позорящих Россию случаях тяжело находиться на чужбине. Хотелось перелететь в Россию, узнать подробности, быть в среде своих, принять участие в сочувственных демонстрациях новому Государю и вместе с другими вопить о мщении. Неужели и на этот раз не будет вырвана с корнем отвратительная язва нашей политической жизни? Ужасно подумать, что, быть может, последняя катастрофа ещё не эпилог всей этой трагедии».

А вот какими размышлениями предавались в Зимнем дворце. Великий князь Александр Михайлович, очевидец того страшного

дня, вспоминал:

«Ночью, сидя на наших кроватях, мы продолжали обсуждать катастрофу минувшего воскресенья и опрашивали друг друга, что же будет дальше? Образ покойного Государя, склонившегося над телом раненого казака и не думающего о возможности вторичного покушения, не покидал нас.

Мы понимали, что что-то несоизмеримо большее, чем наш любящий дядя и мужественный монарх, ушло вместе с ним невозвратимо в прошлое. Идиллическая Россия с Царём-Батюшкой и его верноподданным народом перестала существовать 1 марта 1881 года.

Мы понимали, что Русский Царь никогда более не сможет относиться к своим подданным с безграничным доверием. Не сможет, забыв цареубийство, всецело отдаться государственным делам. Романтические традиции прошлого и идеалистическое понимание русского самодержавия в духе славянофилов – всё это будет погребено, вместе с убитым императором, в склепе Петропавловской крепости.

Взрывом прошлого воскресенья был нанесён смертельный удар прежним принципам, и никто не мог отрицать, что будущее не только Российской Империи, но и всего мира, зависело теперь от исхода неминуемой борьбы между новым русским Царём и стихиями отрицания и разрушения».

Внезапная смерть Александра II помешала исполнению его тайной мечты – наследовать трон должен был Георгий, сын его и (наконец-то!) княжны русской крови, а не немецкой принцессы. Но все монархические и жизненные планы смешал роковой взрыв на набережной Екатерининского канала. Каким непостижимым образом имя любимой российского самодержца соединилось с местом его гибели!

Тот день стал единственным, когда горе примирило соперниц, и они, забыв былые обиды, обе, обнявшись, рыдали в осиротевшем дворце.

…После минутного замирения весы судьбы вновь качнулись: Мария Фёдоровна из цесаревны обратилась царицей, а княгиня Юрьевская – вдовой императора. Но и сей горький её титул был отвергнут Романовыми!

Ах, как корила себя несчастная Катя, что в тот роковой день не сопровождала любимого мужа, а значит, и не отвела от него смерть! Она умоляла супруга не покидать дворец, а накануне злосчастного дня обсуждала с Лорис-Меликовым меры безопасности охраны императора.

Но тогда, тотчас после убийства Александра II, княгиню чуть ли не обвиняли в беспечности к венценосному супругу. Но более

всех досталось Михаилу Тариэловичу. «Теперь расскажите, – язвительно вопрошал некий аноним в письме в редакцию газеты „Голос“, – чем Лорис-Меликов занимался в то время, когда делали подкоп на Садовой и снаряжали бомбы для 1 марта, успокаивал Государя, льстил Юрьевской, любезничал со всеми».

А простонародье будоражили и вовсе невероятные слухи – «будто помещики наняли армянского генерала, чтобы убить царя».

Страшные, горькие для России дни, полные отчаяния и брожения в умах.

Но страдания, что испытывала княгиня-вдова, были ужасающими: её ноги и руки сводило страшной судорогой, а пальцы – «крючками», она рыдала ночами напролёт и мечтала лишь о скорой своей смерти, признаваясь в том молодому Государю Александру III: «…Призываемая мною смерть не является, а мучения только усиливаются, и положительно не знаю, что делать».

Битва шедевров

А для молодой государыни настал миг торжества. И как символично, что её парадный портрет в тот год заказывается живописцу Ивану Крамскому, автору «Неизвестной»!

Портрет Марии Фёдоровны завершён в июле 1881-го в петергофском коттедже «Александрия». Самого художника буквально ослепил блеск драгоценностей, что сияли на точёной шее позировавшей ему молодой государыни. «Эффект бриллиантов словами решительно нет возможности определить, – дивился Крамской. – На Невском есть, конечно, в магазинах похожие, но дело в том, что они там всё же положены изредка, а здесь всё сплошь залито блеском. В таком огромном количестве, как у Императрицы, бриллианты имеют особый переливающийся блеск».

Представленный на выставке «Портрет императрицы Марии Фёдоровны в русском парадном платье» вызвал восторг не только публики, но и знатоков живописи. О том свидетельствовал и журнал «Всемирная иллюстрация»: «Самым изящным по тонам ансамбля и грации выражения оказывается большой портрет Ея Величества Государыни Императрицы в орденском костюме Св. Екатерины. Блеск белого глазета и приятность вообще белых тонов при благородстве выражения не могут не поразить при всматривании в этот портрет-картину».

Светлейшая княгиня Екатерина Юрьевская. Художник К. Маковский. 1880 г.

Не беру на себя смелость утверждать, что выбор царицей орденского наряда Святой Екатерины являлся неким посылом её былой сопернице. Но как знать…

Немного истории. Орденом Святой Великомученицы Екатерины (или орденом Освобождения) в Российской империи награждались великие княгини и дамы высшего света. Он имел две степени: «Большой крест» – для царственных особ и «Малый крест» – для дам высшего дворянского сословия. Учреждён ещё Петром Великим в честь героического поступка супруги Екатерины Алексеевны во время Прутского похода.

Женский орден обладал и двумя девизами: «За любовь и Отечество» и «Трудами сравнивается с супругом». На кресте ордена с лучами из драгоценных камней золотом сиял медальон, где святая держала в руках крест и пальмовую ветвь. А ещё орден Святой Екатерины служил царским оберегом, ведь в нём читались начальные буквы латинского заклинания: «Domine, salvum fac regum» – «Господи, спаси царя». Будто код сакрального шифра.

К ордену полагался особый костюм: знак Большого креста носился на красной с золотой каймой ленте, переброшенной через правое плечо. Без сомнения, имела бы орден своей небесной покровительницы и Екатерина Юрьевская. Не судьба…

Но и, будучи вдовой, она стремилась получить заветный орден, хотя и сознавала, что вряд ли сможет предстать в свете в желанном орденском обличье: «…Мне в жизни вероятно никогда не придётся одевать этот орден ввиду моей уединённой жизни».

Но то, что однажды в Доме Романовых нарушен был строгий запрет, княгиня знала. Исторический факт: морганатическую жену великого князя Константина Павловича, польскую красавицу-графиню Жанетту Грудзинскую, тотчас после венчания пожаловали орденом Святой Екатерины. И титулом Её Светлости княгини Лович. Правда, морганатический сей брак стал для цесаревича Константина поводом отречься от русского престола…

Есть в том некая символика: портрет Марии Фёдоровны в парадном орденском одеянии работы Крамского вплоть до 1918-го, пока не попал в Эрмитаж, украшал покои Аничкова дворца. Именно на его фоне художник рискнул некогда изобразить прелестную незнакомку – правда, весьма хорошо известную молодой императрице.

Кисть и другого прославленного живописца, Константина Маковского, запечатлела царственный облик непримиримых красавиц: Светлейшей княгини Екатерины Юрьевской, в то время

обвенчанной с императором (по словам придворных, он восхищался портретом супруги и требовал от них тех же восторгов!), и чуть позднее – молодой государыни Марии Фёдоровны.

Императрица Мария Фёдоровна. Художник И. Крамской. 1881 г.

Итак, год 1880-й. Крымская осень. Ливадия. Модный и любимый царём художник Константин Маковский (Александр II называл его «мой живописец») пишет портрет Светлейшей княгини, облачённой в элегантный голубой капот и мирно сидевшей в кресле.

Почти одновременно Маковский работал над портретом детей: Гого, Оли и Кати. Ежедневно за живописцем в Кореиз, где тот остановился, посылалась из Ливадии коляска. Государь часто присутствовал при живописных сеансах, был любезен с художником, шутил с ним, подчас давал осторожные советы, иногда успокаивал расшалившегося сына. И даже доверительно делился с Маковским о неладах в августейшей семье, особенно – с невесткой-цесаревной.

Графу Сергею Шереметеву, адъютанту наследника, довелось, по его словам, стать «свидетелем многого, чего бы не желал видеть, и очевидцем смутной и мрачной эпохи (полнейшего разложения и упадка обаяния царской власти)». Он же не без раздражения замечал: «Маковский в то время делал портрет княгини Юрьевской; нужно было ходить им любоваться… Можно сказать, что семейный быт царской семьи представлял из себя целый ад».

Ну а чуть позже, когда «семейный ад» для цесаревны сменился райским покоем, молодая царица предстала на полотне Маковского в драгоценном обрамлении жемчугов и бриллиантов.

Вот уж поистине – битва живописных шедевров! Будто прежнее соперничество продолжилось уже на ином поле.

…Через годы императрице Марии Фёдоровне предстояло испытать те же душевные страдания, что выпали на долю её морганатической свекрови. Но, в отличие от Светлейшей княгини, ей будет дарована горькая отрада проститься с умирающим супругом, слышать последние слова Александра III: «Чувствую конец, будь спокойна, я совершенно спокоен».

Но не было спокойствия в убитой горем душе императрице. Всего через неделю после похорон почившего Государя, в ноябре 1894 года, в придворной церкви Зимнего молодой император Николай II венчался с великой княгиней Александрой Фёдоровной, в девичестве – гессенской принцессой Аликс.

Августейший поэт К.Р., великий князь Константин Константинович, свидетель того торжества, был глубоко потрясён душевными страданиями царственной вдовы, да и самим её видом: «Больно было глядеть на бедную Императрицу. В простом, крытом белым крепом вырезном платье, она казалась ещё бледнее и тоньше обыкновенного, точно жертва, ведомая на закланье…»

Отныне и до скончания дней Марии Фёдоровны титул

вдовствующей императрицы станет её печальным достоянием.

В Мраморном дворце

Вдове убитого императора Светлейшей княгине Юрьевской не судьба была стать государыней Екатериной Третьей. Да и в России, своём Отечестве, она чувствовала себя лишней.

Правда, по велению императора Александра III за Светлейшей княгиней сохранялись её апартаменты в Зимнем дворце, дарованный ей Малый Мраморный дворец в Петербурге, дачи в Царском Селе и Петергофе, поместья в Крыму. Она обеспечивалась рентой из государственной казны – сто тысяч рублей в год (по тем временам – сумма значительная, позднее увеличенная вдвое); дочери Ольга и Екатерина имели право на царское приданое, а Георгий – на достойное для сына императора образование.

Не единожды, особенно в спорных ситуациях, княгиня Юрьевская обращалась к августейшему пасынку: «Убедительно прошу Вас из любви к Вашему отцу прочитать его завещание, в котором он просил Вас быть нам защитником и другом».

Государь Александр III от обещаний отцу-императору и не мыслил отрекаться. Символом его истинно царского попечения о судьбе осиротевшего семейства стал Малый Мраморный дворец, что красовался на Гагаринской улице. Ранее сей петербургский дворец в стиле флорентийского ренессанса, облицованный розовым и серым мрамором, возведён был графом Кушелевым-Безбородко, меценатом и любителем живописи. После смерти просвещённого владельца, аристократа Екатерининской эпохи, хозяином дворца, сей «драгоценной шкатулки» Петербурга, именовался великий князь Николай Константинович. Но недолго. За серьёзную провинность (кражу фамильных драгоценностей!) молодой аристократ был выслан из Северной столицы, закончив свои дни, к слову, весьма печально, в далёком Туркестане.

Император Александр III. Литография. 1881 г.

Вот у него-то, опального Романова, изгоя в августейшем семействе, и приобрёл император Александр III Малый Мраморный дворец для мачехи, ставшей в одночасье вдовой, и своих единокровных сестёр и брата.

Внутреннее убранство дворца отличалось изысканностью: пол нижнего вестибюля цвета спелой вишни усеян был звёздами из золотистого мрамора, а парадная лестница, с бронзовыми канделябрами и классическими скульптурами, словно излучала нежно-розовое мраморное сияние.

При входе, в дворцовом вестибюле, княгиня Юрьевская распорядилась поставить чучело матёрого медведя, некогда

добытого на охоте Александром II. Не только тот царский охотничий трофей – всё в жилище княгини-вдовы полнилось памятью об убитом супруге.

Сердцем дворца, его святыней, стала мемориальная «Опочивальня Его Величества». В самом её центре, украшенном лепным гербом Светлейших князей Юрьевских, возвышалась двуспальная кровать с табличкой: «Проведена последняя ночь жизни до 1 марта 1881 Государем Императора Александра II». Все предметы в опочивальне не были немыми свидетелями былой жизни – каждый из них, даже самый обыкновенный рукомойник, будто повествовал, рассказывал свою историю: «Государь Император Александр II употреблял… до 1 марта 1881 в Зимнем дворце». Или: «…У зеркала, где причёсывался…» Другая памятная вещица – канделябры – вещала: «Подарено Императором Александром II Его Жене Княгине Юрьевской».

Стены дворцовых покоев сплошь покрывали портреты и фотографии возлюбленной пары. Казалось, жизнь Екатерины с ненаглядным её супругом не замерла после того злосчастного мартовского дня. И Любовь свершила невозможное – победила саму смерть.

Явись, возлюбленная тень…

Мечта царственной вдовы: «Всё, что было употребляемо до самой мелкой вещи я прошу собрать и из всего этого сделать маленький музей <…> Все портреты Государя и мои и фотографии должны быть в музее, и публика беспрепятственно может входить по воскресеньям».

Малый Мраморный дворец

В Малом Мраморном дворце устроена была домовая церковь во имя Святого князя Александра Невского, всем своим убранством напоминавшая походную церковь в Царском Селе, где не столь давно княгиня стояла перед аналоем с дорогим ей Александром.

Младшая дочь царственной пары, Екатерина Александровна, вспоминала: «Эти комнаты с их драгоценными и любимыми реликвиями стали местом, к которому русские совершали паломничество. Я могла видеть их печаль и благоговение от этих живых напоминаний об императоре, которого они так сильно любили».

Сама же княгиня-вдова каждый божий день вместе с детьми совершала печальный маршрут: в Петропавловскую крепость, в собор, где покоился страдалец-супруг. Могила императора благодаря заботам Екатерины Михайловны буквально утопала в венках и гирляндах из свежих цветов. Сама же она из тех надгробных цветов составляла букетики и раздавала их простым петербуржцам, кои они с благодарностью принимали, почитая за святыню.

Пересказывали как чудесную легенду: во время похорон Александра II княгиня Юрьевская остригла свои прекрасные косы и, свернув их венком, вложила в руки почившему супругу. То не легенда – именно так поступила обезумевшая от горя молодая вдова.

Эмиграция

Светлейшей княгине немного довелось прожить в своём петербургском «гнезде»: уже через год после трагедии она вместе с детьми покинула его.

Вилла в Ницце. Старинная гравюра

Путь Екатерины Юрьевской лежал во Францию – в Париж, где она обосновалась в роскошном особняке в престижном районе Нейи-Сюр-Сен, близ Булонского леса. Не в память ли о прежних днях счастья с возлюбленным Александром, когда она, юная княжна, тайно отправилась вслед за императором в Париж?!

Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Сломленная горем молодая женщина не могла противостоять царской семье, могущественному клану Романовых. И прежде всего – соперничать с Марией Фёдоровной, отныне законной мператрицей.

Светлейшая княгиня в траурном одеянии покидала Россию. С собой она захватила дорогие её сердцу реликвии – ученические тетрадки Александра с лекциями Василия Жуковского, рубашку венценосного супруга с пятнами засохшей крови, его Евангелие и карманные часы с оставшейся от удара о мостовую вмятиной (цепочку от часов – печальное украшение – она всегда носила поверх платья). Взяла со стола в императорском кабинете перо с застывшей капелькой чернил на конце. (Утром своего последнего дня Александр II работал над новой российской конституцией, долженствовавшей стать мирной преобразовательной силой в России.) Не забыла и последнее одеяние супруга, в чём застала его смерть: венгерку, фуражку, рейтузы, а также запонки с царской рубашки, с гравировкой памятного дня венчания: «6 июля 1880». И ещё Екатерина Михайловна захватила с собой тысячи писем, адресованных ей Александром и вдохновлённых его великой любовью.

Мгновенья жизни дорогие
Давно прошли, давно их нет!
Что делать ей в пустыне мира?

Иногда княгиня наведывалась в Санкт-Петербург. Молодой император Александр III поначалу довольно чутко относился к мачехе, позволив ей обращаться к нему на «ты». Но вскоре внешняя участливость сменилась холодной учтивостью. Известен случай, когда, в очередной раз приехав в Петербург, княгиня Юрьевская поделилась с Государем планами на будущее: вскоре, как только её дочери повзрослеют, она вернётся в свой дворец и будет давать балы. На что Александр III холодно, но веско заметил: «На вашем месте, вместо того чтобы давать балы, я бы заперся в монастыре».

Парадный вход на виллу княгини Юрьевской «Георг» в Ницце.

И лишь спустя годы, когда на российский трон взошёл Николай II, Екатерина Михайловна вернулась в покинутое жилище. Вероятно, к этому времени относятся воспоминания великой княгини Ольги Александровны, жившей неподалёку от Малого Мраморного дворца. Младшая сестра Государя, с душой чуткой и сострадательной, симпатизировала княгине Юрьевской, говоря, что «очень привязалась» к собеседнице, слушая её рассказы. Ольга Александровна, не раз встречавшаяся с ней, была буквально поражена той безграничной любовью, что питала вдова к её несчастному деду. И тому, как ревностно хранила Екатерина Юрьевская память о погибшем императоре.

Великая княгиня вспоминала: «Всякий раз, как я приходила к ней, мне казалось, будто я открываю страницу истории. Жила она исключительно прошлым. Она только о нём и говорила».

Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткий миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно…

Екатерина Михайловна сберегла все мундиры Александра II, его кивера, кирасы, шинель… Не был забыт ею даже домашний халат императора. И конечно же, царские ордена, орденские ленты и оружие: искуснейшей работы сабли, ружья, шашки, пистолеты. Все эти дорогие свидетельства бытия любимого хранились под стеклом в домашней часовенке.

Жемчужина Средиземноморья – Ницца. Фотография Л.А. Черкашиной. 2002 г.

Позднее княгиня Юрьевская решилась-таки расстаться с петербургским дворцом. Продала всё, кроме личных вещей Александра II и его августейшего отца Николая I.

Все фамильные сокровища были доставлены в её парижский дом. Но им вскоре предстояло ещё одно путешествие – в Ниццу. Выбор Екатерины Михайловны пал на этот красивейший курортный городок. Так неожиданно город на Лазурном Берегу стал перекрёстком судеб Светлейшей княгини и молодой русской императрицы!

Ницца, где некогда датской принцессе предстояло пережить самые скорбные часы, Ницца, одарившая её надеждой новой жизни, стала прибежищем для бывшей соперницы!

Русский собор

Верно, им предстояли печальные встречи и в этом благословенном земном уголке: императрица Мария Фёдоровна приезжала сюда не раз, ведь под её августейшим покровительством возводился величественный православный собор.

Мысль о строительстве нового храма в Ницце (старая церковь во имя святителя Николая и святой мученицы царицы Александры уже не вмещала многочисленных русских прихожан) возникла у неё в 1896 году, когда она совершила вояж на Французскую Ривьеру вместе с сыновьями Георгием и Михаилом и дочерью Ольгой. Минуло более трёх десятилетий с того дня, как здесь, в Ницце, умер её жених, – и собор Святителя Николая Чудотворца, или Свято-Николаевский собор, должен был стать данью памяти и любви русской императрицы.

Николай II горячо поддержал желание матери, и Мария Фёдоровна приступила к осуществлению давнего духовного обета. Создан был строительный комитет, одобрен проект собора, великолепного образца храмовой русской архитектуры, и место его возведения – парк «Бермон», принадлежавший лично Николаю II и великодушно подаренный им будущему храму.

Императрица Мария Фёдоровна, чьим замыслом воздвигнут русский собор в Ницце. Художник В. Маковский. 1912 г.

12 апреля 1903 года, в годовщину смерти наследника, в основание храма заложили первый камень. И лишь в декабре 1912-го, в преддверии трёхсотлетия Дома Романовых, был отслужен торжественный молебен, и Свято-Николаевский собор близ бульвара Царевича предстал во всей своей празднично-

величественной красе.

Ему суждено было стать самым красивым и самым большим православным храмом в Западной Европе. Поистине, красавица Ницца обзавелась новой «драгоценной шкатулкой».

Собор во имя Святителя Николая в Ницце. Старая почтовая открытка.

А святыней православного собора явилась икона Николая Чудотворца. Этот образ принадлежал больному Николаю Александровичу и во время тяжких страданий царевича находился у его изголовья. Позже икона была водружена над входом в часовню, возведённую на месте царской виллы. Но солнце, дождь и морской ветер сделали своё дело – за долгие годы святой лик превратился в одно тёмное неразличимое пятно. Икону сняли с часовни и перенесли в новый храм, развернув образ к алтарю. И через двадцать лет свершилось чудо – краски посветлели, и лик Святителя вновь проявился. Научных объяснений тому феномену нет. Да, верно, и быть не может…

Русская церковь во имя святого Николая и святой царицы Александры. Старая открытка.

Прихожанкой храма, возведённого заботами вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, станет и Светлейшая княгиня Юрьевская. В его сокровищницу она передаст дорогие её сердцу фамильные реликвии – безмолвные свидетели давней трагедии. Долгие годы они будут покоиться в крипте – церковном подземелье. Каким долгим эхом отзовётся взрыв на заснеженной петербургской набережной в солнечной Ницце!

Однако не всё было безоблачным в жизни самой княгини: часть аристократической русской колонии питала враждебность к Екатерине Михайловне, упрекая её за «царские замашки» и стремление именовать себя вдовой Александра II.

Зато августейшие «домочадцы» Романовы (правда, далеко не все!) со временем смягчились к Юрьевской и почитали долгом, будучи в Ницце, наносить ей визиты. Посещали роскошную виллу на бульваре де Бушаж великие князья Константин и Михаил Николаевичи. Да и великий князь Владимир Александрович, сын Александра II, очень по-доброму относился к «Светлейшей мачехе».

А в 1911 году Екатерина Михайловна со всей пышностью отметит в Ницце юбилей главного деяния в жизни незабвенного супруга, наречённого Царём-Освободителем, – пятидесятилетие отмены крепостного права в России.

«Как неразгаданная тайна»

Ранее ещё одно памятное торжество прошло на роскошной вилле Светлейшей княгини – свадьба старшей дочери Ольги.

Княгиня Юрьевская, как и всякая мать, готовилась к столь знаменательному событию. Екатерине Михайловне вовсе не хотелось быть забытой Романовыми, своими царственными родственниками. Кто, как не она, мать, должна позаботиться о будущем старшей дочери, её положении в обществе? Ведь дочери и сын приходились единокровными сёстрами и братом императору Александру III. Прошлое для княгини было не столь далёким, помнились обиды, нанесённые ей как любовнице императора и матери его незаконнорождённых детей.

В своё время и она принесла душевные страдания императрице Марии Александровне. Больной государыне невыносимо было слышать топот детских ножек и шаги любовницы мужа, что гулко раздавались над её опочивальней. Известны слова, сказанные Марией Александровной одной из верных фрейлин: «Я прощаю оскорбления, нанесённые мне как монархине, но я не в силах простить тех мук, которые причиняют мне как супруге».

Император Александр II. Литография. 1858 г.

…Когда-то, путешествуя по Европе, наследник российской короны встретил четырнадцатилетнюю принцессу Марию Гессенскую и был настолько покорен её юной прелестью, что тотчас объявил августейшим родителям о страстном желании

жениться. Через год принцесса прибыла в Россию и, приняв крещение с именем великой княгини Марии Александровны, обручилась с великим князем Александром Николаевичем. Вскоре в Петербурге праздновали их пышную свадьбу.

В общем хоре приветствий и славословий высокородной невесте слышались и недовольные голоса. Правда, суждения, подобные тем, что поведал дневнику Леонтий Васильевич Дубельт, вслух не произносились: «Государь Наследник Цесаревич обручён. Виноват, эта партия мне не нравится… Не знаю, что-то сердце сжимается при мысли, что такой молодец, как наш Наследник, делает партию не по сердцу и себе не по плечу».

Странно, почему милая и скромная гессенская принцесса так не понравилась главному российскому жандарму? Но его недоброе предчувствие сбылось…

Семейная жизнь и вправду не принесла счастья императрице, хотя в самом её начале она была любима и любила. И, верно, не раз вспоминались ей те безмятежные часы, когда на маленьких дворцовых вечерах, где царили весёлость и непринуждённость, собирались гости, и муж-цесаревич был неизменно ласков и приветлив с ней.

Императрицей Марией Александровной восторгалась её фрейлина Анна Тютчева: «…Она была необычайно изящна, тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера, соединяющих некоторую строгость и сухость форм со своеобразной грацией в движении и позе, благодаря чему во всем их существе чувствуется неуловимая прелесть и как бы проблеск души сквозь оболочку тела. Ни в ком никогда не наблюдала я в большей мере, чем в цесаревне, это одухотворённое и целомудренное изящество идеальной отвлечённости…»

Цесаревна Мария Александровна. Акварель. 1847 г.

И другое откровение дочери поэта: «По-моему, у неё очень много обаяния; во всем её существе есть то высшее изящество, которое гораздо лучше красоты. Но в ней есть то, что ещё глубже проникает мне в сердце, это её голос, её манера говорить».

К слову, Анна Фёдоровна Тютчева, дочь поэта, узнав о тайной свадьбе Государя, тотчас поспешила покинуть двор, чем вызвала недовольство Александра II, посчитавшего этот протест умницы-фрейлины неким дамским капризом…

А ведь ранее она, восхищаясь императрицей, называла Марию Александровну «счастливой женой и матерью, боготворимой своим свёкром (императором Николаем I)».

После рождения в 1860 году последнего, восьмого, ребёнка, сына Павла, силы императрицы начали таять – чахотка

незаметно, но верно вершила своё роковое дело. Придворными врачами предписано было Её Величеству жить в тёплом климате – в Крыму и на юге Франции. Встретившись с государыней Марией Александровной в Ницце, Фёдор Тютчев посвятит ей проникновенные строки:

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней —
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет её очей.
Земное ль в ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвётся обожать…

Поэтические строки легли на бумажный лист в ноябре 1864-го, совсем незадолго до того, как в Ниццу привезли больного цесаревича Николая. Смерть сына-наследника, скончавшегося в молодых летах, стала сильнейшим ударом для императрицы Марии Александровны.

Неожиданная кончина наследника престола потрясла не только августейшую семью, но и всю Российскую империю. Но более всех – императрицу-мать. Великая княгиня Ольга Николаевны в своих мемуарах «Сон юности» сумела тонко обрисовать тогдашнее душевное состоянии Марии Александровны, заметив, что она только внешне казалась собранной, неукоснительно выполнявшей свой долг государыни и даже будто бы интересовалась внешними событиями, но близкие ведали, что со смертью сына-цесаревича «из неё вынули душу».

Императорская чета: Александр II и Мария Александровна. 1870-е гг.

Да, ей предстояло пережить и душевные потрясения, и мучительные нравственные страдания. Но Мария Александровна достойно несла свой крест: оставаясь русской царицей, не

выказывая ропота и обид, зная, что у обожаемого ею супруга есть другая, любимая женщина, к которой тот стремится всем сердцем, – княжна Екатерина Долгорукова.

Особенно нестерпимым для Марии Александровны стало решение императора поселить его возлюбленную и детей в Зимнем дворце, над её покоями. Князь Пётр Алексеевич Кропоткин вспоминал: «…Она умирала в Зимнем дворце в полном забвении: Александр II, живший в другом дворце, делал своей жене ежедневно лишь короткий официальный визит. Придворные дамы, кроме двух статс-дам, глубоко преданных императрице, покинули её, и весь придворный мир, зная, что того требует император, заискивал перед его любовницей княжной Е.М. Долгоруковой».

Свою жизнь государыня посвятила делам благотворительности. Она покровительствовала обществам «Восстановления христианства на Кавказе», «Российскому миссионерству», «Распространения духовно-нравственных книг». Заботилась о женском образовании в России: содействовала открытию всесословных женских гимназий и епархиальных училищ. Появление первого в России отделения общества Красного Креста – заслуга императрицы; при её поддержке в годы Русско-турецкой войны (1877–1878) открылись крупные военные госпитали.

«Её сфера – астральный мир, а не развращённый мир земной действительности», – говорили те, кто преклонялся пред душевным строем государыни.

Мария Александровна выгодно отличалась от представительниц Дома Романовых своей начитанностью. Её золовка, великая княгиня Ольга Николаевна, уверяла, что после «императрицы Елизаветы Алексеевны ни одна немецкая принцесса не владела так хорошо нашим языком и не знала так нашу литературу, как знала Мари».

Есть в том своя неслучайность, что на сооружение памятника Пушкину в Москве государыня внесла триста рублей – самую значительную сумму из пожертвований всех августейших почитателей поэта! И так уж совпало, что её смерть (Мария Александровна скончалась 22 мая 1880-го) вызвала отсрочку торжеств: памятник русскому гению в Первопрестольной был открыт лишь в июне.

В бумагах почившей императрицы нашли письмо к венценосному супругу: в последнем послании она благодарила его за годы, прожитые вместе. А ранее, в дневниковой записи, царица будто обозначила своё жизненное кредо: «Принадлежа другим в течение всей своей жизни, мы не имеем права

принадлежать себе и после смерти…»

К чести августейшего вдовца, стоит вспомнить одно благое его деяние: в том печальном 1880-м Александр II из личных средств пожертвовал миллион рублей на устройство больницы в память супруги.

Похоронена императрица в царской усыпальнице, в Петропавловском соборе, а в память её на Святой земле, в Иерусалиме, воздвигнут храм во имя равноапостольной Марии Магдалины.

Кончина Марии Александровны стала невосполнимой потерей для её осиротевших детей. Император Александр III с грустью признавался: «Если есть что доброе, хорошее и честное во мне, то этим я обязан единственно нашей дорогой милой мама́». Вторил ему и младший брат, великий князь Сергей Александрович: «Всё, что у меня было святого, лучшего, – всё в Ней я потерял – вся моя любовь – моя единственная сильная любовь принадлежала Ей».

Императрица Мария Александровна. 1870-е гг.

Спустя годы после кончины матери-императрицы, в день её памяти, Александр III не перестаёт сокрушаться: «Ангел-хранитель улетел, и всё пошло кругом и чем дальше, тем хуже, и, наконец, увенчалось этим страшным, кошмарным, непостижимым 1 марта!»

Из-за княгини Юрьевской случился разлад в августейшем семействе. Из-за неё рыдала ночами в своей опочивальне цесаревна Мария Фёдоровна. Но и княгиня за любовь к своему Александру заплатила непомерно высокую цену. Да и кто возьмёт на себя смелость судить любовь, великую любовь, презревшую земные законы и запреты?

Свадьба Светлейшей княжны

Из Ниццы княгиня Юрьевская пишет письмо императору Николаю II с просьбой быть посажённым отцом на свадьбе дочери. Она полна надежды, что ей не будет отказано. Ведь молодой самодержец Николай II, Ники, как его звали близкие, – почти ровесник её старшим детям: Георгию и Ольге. При жизни Александра II они вместе отдыхали в Ливадийском дворце, в Крыму, вместе тешились невинными ребячьими забавами. Так что и воспоминания детства, думалось княгине, должны были связывать наследников погибшего Государя.

Но благим мечтаниям Екатерины Михайловны не суждено было сбыться. Впрочем, как и прочесть эти строки Николая II, адресованные в Ниццу брату, великому князю Георгию Александровичу, в декабре 1895 года: «Чрезвычайно скучно близкое соседство княгини Юрьевской; она, наверное, употребит все усилия для того, чтобы привлечь тебя в её общество… Прошлою весною у меня было с ней столкновение, к счастью, на бумаге, по поводу свадьбы старшей дочери, у которой я должен был быть посажённым отцом. Мама́ при этой мысли была в отчаянии, а я весьма вежливо и хладнокровно той отказал, за что она была в сильной обиде!»

То письмо, предназначенное княгине Юрьевской, о коем упоминает молодой император, много-много позже всплывёт на одном из аукционов во Франции и будет продано безымянному богачу, собирателю автографов.

Вот как описано то событие Александром Тарсаидзе в его книге «Катя: жена перед Богом»: «Человек, ответственный за аукцион, время от времени зевал и торопился: „Интересное письмо Николая II княгине Юрьевской по случаю помолвки её дочери, пятьдесят франков – кто предложит больше?“

Было предложено 100 франков, а затем 200 франков. Аукционист с грохотом опустил свой костяной молоток. Уходили последние письма и фотографии, призраки давным-давно потерянного и затонувшего мира. Молоток опускался всё быстрее, и мне показалось, что кто-то торопливо забивает последние гвозди в гроб Екатерины Михайловны Юрьевской».

Многие бесценные письма и документы, сетует автор, попали тогда «в коммерческие руки» и бесследно исчезли…

Однако как характерно суждение Николая II, обращённое к брату Георгию, о пришедшей в отчаяние дорогой Мамá – даже от одной мысли о возможном согласии её сына-самодержца быть на той свадьбе!

Прошлое так близко, и былая соперница, даже из далёкой Франции, всё ещё наносит душевные обиды Марии Фёдоровне. Она, как и некогда грустной для неё крымской осенью, оберегает своих уже взрослых сыновей от общения с княгиней Юрьевской. Сын Георгий, страдавший тяжёлым недугом, ту зиму по совету докторов, проводил в Ницце с её мягким целебным климатом…

Но и обиду Светлейшей княгини на отказ молодого Государя стать посажёным отцом на свадьбе дочери легко понять, ведь его участие явилось бы признанием кровного родства её осиротевшей семьи с Домом Романовых. А Екатерине Михайловне то было жизненно важно!

Исторические параллели порой выравнивают, сглаживают горестные и счастливые события. Спустя ровно тридцать лет после кончины цесаревича Николая его единокровная сестра Ольга, дочь Александра II, венчалась с графом Георгом фон Меренбергом, внуком русского гения Александра Пушкина. В том же русском храме, где отпевали несчастного царевича…

Строительство православного храма замыслила вдовствующая императрица Александра Фёдоровна – её духовное начинание поддержали и русские, лечившиеся в Ницце в те годы. Императрица первой внесла восемь тысяч франков, а затем нужную сумму для начала строительства собрала вся русская колония.

Был выкуплен участок земли, однако одним из условий возведения храма стал запрет городских властей на строительство колокольни со звоном, дабы не нарушать тишины курортной Ниццы.

Светлейшая княжна Ольга Юрьевская. Ницца. 1895 г.

Любопытный исторический факт: после посещения Ниццы императрицей с её огромной свитой жизнь приморского городка резко изменилась.

Прежде Французскую Ривьеру как здравницу облюбовали английские аристократы, и вдруг их потеснили русские с их пышными балами и парадными обедами. Англичане в знак протеста отказались отдыхать в Ницце.

Ну а русские, как писали местные газеты, чувствовали себя здесь превосходно: «В отсутствие англичан, которые в этом году

бойкотировали Ниццу, русские офицеры выглядят настоящими львами стиля. У них на балу самая увешанная крестами униформа, они бросают самые красивые букеты… Их золотые эполеты так сверкают, что кажется, будто они освещают сцену, рядом с которой они собираются каждый вечер».

Однако, при всей склонности к празднествам и веселью, русским людям как воздух нужна была церковь. Посему декабрьским днём 1858 года и состоялась её закладка. Ни разу ещё на небольшой улочке Лоншан не собиралось столь много блестящих особ: офицеров в парадных мундирах, дам в изысканных модных нарядах, священников в праздничных ризах. Все православные иереи прибыли с русских военных кораблей, стоявших на рейде ближайшего средиземноморского порта. Своим присутствием почтили торжество августейшие персоны: великий князь Константин Николаевич, генерал-адмирал, его супруга великая княгиня Александра Иосифовна, великая княгиня Екатерина Михайловна, великий князь Николай Константинович…

Церемония освящения храма прошла ровно через год после его закладки. При участии великой княгини Марии Николаевны, герцогини Лейхтенбергской, дочери Николая I; представителей русских аристократических семейств, дипломатов. По нездоровью не смогла приехать в Ниццу в тот заветный для неё день вдовствующая императрица Александра Фёдоровна.

Но она позаботилась прислать любимому детищу ценные дары: трёхъярусный дубовый иконостас, сработанный в Санкт-Петербурге, со святыми ликами на нём, исполненными в стиле византийских фресок; плащаницу, хоругви, полные церковные облачения для причта. В алтаре на престоле возвышалась дарохранительница искуснейшей работы: из кованого серебра в форме креста – дар храму от Войска Донского.

При русской церкви тотчас образовалась и приходская библиотека – об её устройстве хлопотал князь Пётр Вяземский: за стёклами массивных шкафов мерцали тиснённым золотом старые фолианты, в их числе – и пушкинские томики. Лаконична запись тех времён Александра Булгакова, всё ведавшего московского почт-директора: «Вяземский в восхищении от Ниццы. Там любят русских».

Русская церковь во имя св. Николая и св. Александры в Ницце. Фотография Л.А. Черкашиной. Из собрания Николая Солдатенкова, потомка Пушкина. 2002 г.

…12 мая 1895 года под сводами православного храма во имя святителя Николая и святой мученицы царицы Александры в Ницце свершилось великое таинство: молодых Ольгу и Георгия нарекли супругами. Бесспорно, невесте отрадно было сознавать, что чудесный резной иконостас храма преподнесён был в дар императрицей Александрой Фёдоровной, её бабушкой, а великолепные бронзовые канделябры – отцом-императором.

В этой русской церкви на Лазурном Берегу возносила свои молитвы о душе убитого мужа-поэта вечно печальная Наталия Николаевна – родная бабушка жениха Георга. Хотя прекрасную Натали невозможно вообразить бабушкой в преклонных летах, будто природа не захотела увядания своего совершенного творения…

Как причудливо вела судьба к встрече Светлейшую княжну Ольгу Юрьевскую и графа Георга Меренберга! Сколько должно было произойти событий – и великих, мирового масштаба, и обыденных, семейных, чтобы настал для них этот счастливый день! Так неожиданно южный французский город стал перекрёстком судеб наследников великого поэта и российского самодержца.

…Молодой император Николай II в Ниццу так и не прибыл, и свадебные торжества на вилле Светлейшей княгини состоялись без его высочайшего участия.

Жаль. Ведь там могла произойти встреча Николая II с дочерью Пушкина, пред коим Государь благоговел, – Наталией Александровной. Графиня Наталия фон Меренберг, приехавшая из Висбадена, была и на пышном венчании в храме, и на роскошном свадебном обеде у Екатерины Юрьевской, своей сватьи.

А в следующем, 1896-м вдовствующая императрица приехала в Ниццу навестить больного сына Георгия. Видимо, княгиня Юрьевская решилась сделать попытку примирения, отправив Марии Фёдоровне телеграмму с благими пожеланиями цесаревичу-сыну и надеждой на встречу с ней. Но, по словам одной из фрейлин, императрица сумела избежать нежелательного визита, «опасаясь болтливости французских газет».

…Где и когда впервые встретились Светлейшая княжна Ольга и граф Георг? Не знает никто. Думается, на Лазурном Берегу. Ведь в Каннах, на вилле «Казбек», Георг фон Меренберг не раз гостил у замужней сестры – графини Софи де Торби. Могла наведываться к своему кузену – великому князю Михаилу Михайловичу, супругу Софи, – и Ольга Юрьевская. Ведь княжну связывали добрые отношения с отцом Миш-Миша – Михаилом Николаевичем, она переписывалась с дядюшкой, и бывший всесильный наместник Кавказа, облечённый некогда немалой властью, тепло относился к милой племяннице, помня её маленькой девочкой.

Вот Ольга Александровна, уже графиня фон Меренберг, в ноябре 1897 года пишет дядюшке: «Мои мысли постоянно с тобой, мой дорогой Дядя, и ты не можешь себе представить, до какой степени я была рада и счастлива Тебя увидеть в Каннах».

Более того, великий князь Михаил Николаевич стал крёстным отцом её младшего сына, Георга-Михаэля. Старшему, Александру, названному в честь деда-императора, суждена была слишком короткая жизнь – он умер в младенчестве.

Строки из другого письма графини Ольги к «дяде Мише»: «Мой муж много ездит верхом и очень любит свою службу. Мы очень, очень счастливо живём вместе…»

Удивительное признание молодой супруги! Обожаемый супруг, дети, размеренная жизнь в курортном Висбадене, светские развлечения… Из письма Ольги явствует, что и муж Георг фон Меренберг, подобно его русскому деду-поэту, любил верховую езду и, верно, слыл знатоком кровных лошадей.

Нет сомнений, что опальный Миш-Миш, презревший брачные устои царского дома и женившийся на красавице-графине, хорошо знал кузину Ольгу. И по-родственному принимал её в своём доме в Каннах. Так что первое свидание незнакомых прежде молодых людей случилось, вероятно, на вилле «Казбек», в обрамлении её изысканно-романтических интерьеров.

Памятная тарелка с императором Николаем II (несостоявшимся посажёным отцом княжны-невесты Ольги Юрьевской), изготовленная во Франции в 1895 г. Фотография Л.А. Черкашиной. Публикуется впервые

Встреча та будто предопределена всем ходом истории, и любовные драмы, что разыгрывались некогда в семьях будущих супругов, хоть и замысловатыми кружными путями, но вели именно к ней. И так важно, что любви Георга и Ольги никто не противодействовал – ни родители жениха, ни мать невесты, ни царственные особы. «Морганатический брак» – этот суровый общественный приговор – уж не витал над их головами, омрачая нежные любовные чувства и повергая молодые души в уныние. Супружество царской дочери и внука поэта, верно, можно назвать безмятежным: тридцать лет счастья и покоя – немало по земным меркам.

…А великолепная вилла «Георг» («George»), по-французски «Жорж», свидетельница двух свадебных торжеств, названная Светлейшей княгиней Юрьевской в честь сына-первенца, так и не взошедшим на российский престол, и по сей день стоит на бульваре де Бушаж в центре аристократической Ниццы.

Навеки в Ницце

В умиротворённой Ницце, с её вечно ласковым солнцем и безбрежным бирюзовым морем, отойдёт в мир иной Светлейшая княгиня Юрьевская. Княгиня покоится на русском кладбище «Кокад».

Ей не судьба была стать русской царицей Екатериной III, но она осталась в истории великой вдовой. Будто и после смерти августейшего супруга исполняла его волю, памятуя слова Александра, что он написал ей в самом начале их любовного романа: «Не забудь, что ты никогда никому другому принадлежать не будешь».

И другие слова, воистину пророческие, сказанные им некогда, запали ей в сердце – Государь тревожился, как будет жить она, Катя, когда его не станет…

> Последний ключ – холодный ключ забвенья,
> Он слаще всех жар сердца утолит.

Екатерина Юрьевская тихо почила в Ницце, пережив все войны и чудовищные революции, захлестнувшие Россию, гибель близких к трону высоких особ, крах Российской империи и расстрел в Екатеринбурге Николая II и всей царской семьи. И не миновать бы подобной печальной участи ни самой княгине, ни её детям, в жилах коих текла кровь Романовых, если бы задолго до всех потрясений не приняла она спасительное решение –

покинуть страну, где первой жертвой фанатизма пал её возлюбленный супруг.

Светлейшая княгиня Екатерина Юрьевская. Ницца. Фотография. Конец 1910-х – начало 1920-х гг.

Ведомо было княгине, что её дальний родственник Василий Александрович Долгоруков, генерал-майор свиты и гофмаршал двора Его Императорского Величества, застрелен был чекистами в Екатеринбурге в июле 1918-го, чуть ранее казни августейшей семьи.

Именно он, глубоко преданный Государю Николаю II, добровольно последовал за ним в Тобольск, к месту царской ссылки. Всегда находился рядом – то пилит дрова, то чистит снег, не только помогая в обыденных делах, но и всеми силами пытаясь защитить опального императора. Но вот августейшему семейству избрали иное место ссылки – Екатеринбург. Князь Василий Долгоруков отправился следом, но, как только достиг Екатеринбурга, был арестован и брошен в тюрьму. Большевики обвинили: князь готовил побег царской семьи. Убит в лесу близ Екатеринбурга вместе с генерал-адъютантом Татищевым.

Белогвардейцы, захватив вскоре город, обнаружили останки преданных царю офицеров, а сёстры Ново-Тихвинского монастыря погребли их, вероятно, на местном монастырском кладбище.

Русской православной церковью за границей Василий Александрович был канонизирован как Святой мученик воин Василий. Быть может, князь Долгоруков оказался самым верным из всех приближённых и родичей последнего русского царя. И вне сомнений, Светлейшая княгиня обращала свои молитвы и за него, воина Василия, и особо – за страдальца-царя. Ей ли было не помнить, как Николай II не раз выручал её в труднейших жизненных обстоятельствах?!

Но вряд ли Екатерине Михайловне довелось читать дневниковую запись уже отрёкшегося от престола Государя, сделанную им в мартовский день фатального для него восемнадцатого: «Тридцать восьмая годовщина кончины Анпапа́. В 2 часа у нас была отслужена панихида». В такие тревожные для всей августейшей семьи дни её опальный глава и в ссылке не забывал своего царственного деда! И день, когда его не стало…

Ещё одна знаковая зарубка: в том же году, в апреле, семья Романовых – те из них, кто смог эмигрировать из большевистской России, – почтила память Александра II: столетие со дня рождения императора. Зловеще-мистическая цепочка лет: 1818-1881-1918. Император Николай II примет смерть ровно через сто лет после рождения в Москве, под перезвон пасхальных колоколов, будущего венценосца и его деда!

…Словно предтечей чудовищной казни в Екатеринбурге стал взрыв на Екатерининской набережной в Петербурге, унёсший жизнь императора Александра II. Как ни парадоксально, но тот

гибельный взрыв стал спасением для Светлейшей княгини и её детей! Будто бы собственной смертью Государь уберёг их от гибельной участи – воистину, «смертию смерть поправ».

Как созвучны с вечной скорбью княгини Юрьевской об убитом супруге проникновенные поэтические строки:

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет – и не может…

Поразительно, но именно эти стихи Фёдора Тютчева переписала в свой альбом, на лист с траурной каймой, вскоре после гибели императора Светлейшая княгиня-вдова. Тогда ещё и не помышлявшая о жизни в блистательной Ницце…

Ницца – город с русской кровью. Здесь вершилась история России последних двух столетий. И судьба династии Романовых теснейшим образом соединена с этим городом на Лазурном Берегу.

Так уж случилось, что именно в Ницце, столице Французской Ривьеры, словно в едином нервном узле сошлись пути и судьбы российских венценосцев и наследников великого поэта. И многих-многих русских людей, носивших звучные, поистине звёздные имена: философов, меценатов, художников, полководцев, поэтов.

Кто только не прогуливался по знаменитой Английской набережной! Её камни помнят и царственную походку императрицы Александры Фёдоровны, и тяжёлую поступь самодержца Александра II, и лёгкие шаги Наталии Николаевны, вдовы поэта, и её младшей дочери Наталии, графини фон Меренберг. По набережной, подковой окаймляющей морской берег, прохаживались великий князь Михаил Михайлович, внук Николая I, со своей очаровательной супругой графиней Софи де Торби, внучкой Пушкина, Светлейшая княжна Юрьевская, Ольга Александровна, царская дочь, с избранником графом Георгом фон Меренбергом, внуком поэта, Светлейшая княгиня Екатерина Юрьевская…

Жемчужина Средиземноморья имела в девятнадцатом веке и другое название – Русская Ницца. Русские стали обживать её ещё в царствование Николая I. Вернее, его супруга, государыня Александра Фёдоровна сделала почин в открытии благодатного уголка Южной Франции, настоящего земного рая.

Но есть и потаённая Ницца, скрытая от чужих любопытных глаз, – Ницца православная. Русских путешественников становилось всё больше, и военная походная церковь уже не

могла вместить всех прихожан: на исходе 1859 года на улице Лоншан был заложен первый православный храм во имя Святой мученицы Александры и Святителя Николая. А ещё через несколько лет в Ницце появилось и русское кладбище.

Там, на западной окраине города, на крохотном кусочке земли, что на склоне холма Кокад, давным-давно купленного имперской Россией для установки батареи (но русские пушки так и не сделали ни единого выстрела со своего стратегического плацдарма!) словно сошлись три века отечественной истории: девятнадцатый, двадцатый и двадцать первый.

Православное русское кладбище в Ницце, получившее название «Кокад». Прямоугольники надгробий, каскадом спускающиеся по цветущему склону, похожи на огромные разбросанные книги. Книги бытия, книги судеб. Они написаны, но так до конца и не прочитаны. Эти мраморные книги навечно захлопнуты…

Все литературные жанры представлены в этом печальном собрании: романы, мемуары, эссе, водевили, драмы и трагикомедии. Не изменить уже ход сюжетных линий, монологи героев, время и место действия событий, не внести последнюю правку в завершённую рукопись. Ничего не исправить – всё написано набело. Всё свершено и всё совершенно.

Сколь строго и придирчиво свершался этот таинственный отбор, как долго кружила судьба, как причудливо вела по земным дорогам столь несхожих меж собой русских людей, чтобы соединить их так далеко от родины, – здесь, на красивейшем Лазурном Берегу, в Ницце, на живописном склоне холма Кокад.

И могли ли предположить они в своей земной жизни, что в неведомом будущем их собеседником (звучит странно!) и слугой одновременно станет один-единственный человек – Евгений Верёвкин?

Его, обычного кладбищенского сторожа, называли великим подвижником. Этот удивительный человек, самобытный философ, посвятил свою жизнь служению русской культуре. Сыну офицера-деникинца и француженки, рождённому во Франции, суждено было стать проводником между двумя великими культурами – русской и французской!

Евгений числил себя больше французом, нежели русским – до двадцати семи лет он не знал ни одного русского слова. Дома, в школе, на улице – только французская речь. А русской бабушки, как в семьях его сверстников, хранительницы языка и традиций, у него не было. Зато потом ему повезло – он женился на симпатичной бурятке, она-то и научила супруга русскому языку да и привила ему вкус к русской литературе. С этого времени

Евгений проникся безмерным уважением не только к России и её великой культуре, но и к одному из её сибирских народов – бурятам. И считал их одними из самых умных и образованных в мире.

Его жизненная миссия, как ни парадоксально это звучит, – служить мёртвым. Но грани между миром здравствующих и миром ушедших для него почти не существует. Он – посредник между двумя мирами: зримым и неведомым. Хранитель памяти исторических российских имен.

Для Евгения Верёвкина все эти давно умершие люди, что покоятся на вверенном ему кладбище, стали своеобразными собеседниками, близкими, почти родными. Словно дарил он ту теплоту души, не возданную им при жизни, да и после смерти неблагодарными согражданами. И искренне радовался, когда удавалось раздобыть новые сведения о прошедшей жизни тех, чьи имена выбиты на каменных плитах, или встретиться с их далёкими потомками.

Ему, Евгению, будто доверены сокровенные знания, не дарованные простым смертным. Были у него и свои привязанности, и, подходя к их могилам, он испытывал чувство восторга и благоговения. Иные имена вызывали досаду и горечь, к ним Евгений Верёвкин относился недоверчиво, с опаской, будто они и впрямь могли вмешаться в его жизнь и доставить ему какие-либо неприятности. Старался поскорей выполнить свои прямые обязанности кладбищенского смотрителя: почистить каменную плиту, подрезать кусты, полить цветы и поскорее отойти.

Он любил беседовать со Светлейшей княгиней Юрьевской, Катенькой Долгоруковой, рассказывать ей обо всем, что случилось в мире после её ухода, и каждое утро приносит ей свежесрезанные розы. В усыпальнице, перед овальным портретом княгини в скромной овальной рамке, – всегда живые цветы. И ещё он любил эти стихи:

Как холоден Санкт-Петербург!
Тепла и беззаботна Ницца,
На русском кладбище Кокад
Каскадом мраморным гробницы.
И на холме, над морем синим,
Лежит Светлейшая княгиня.
И белый саркофаг открыт ветрам и солнцу…
А там, на севере, занозой золотой,
Вонзённый в небо шпиль.
И ангел в облаках, прижавшийся к кресту…

И царственный страдалец Александр
В соборе царском бредит немотой…

1 марта 1881 года – горький день для России. И самый страшный в жизни княгини Юрьевской. Россия лишилась императора Александра II, она – обожаемого супруга…

Светлейшая княгиня Юрьевская скончалась в феврале 1922 года, – чуть более ста лет назад. Временной отрезок невелик по историческим меркам, но, чудится, с тех пор минула целая эпоха.

Евгений готов был рассказывать о судьбе княгини Юрьевской часами. Он преклонялся пред добротой души княгини, её любовью к «братьям нашим меньшим». Ведь любила она не только домашних четвероногих питомцев, но и брошенных, заботилась о них. И даже настояла, чтобы мэрия Ниццы выстроила поилки для бездомных собак и кошек, что так важно для жизни в жарком южном городе. Память о том её давнем благодеянии не забылась и поныне…

– Сколько же было в истории любви Светлейшей княгини придворных интриг и политических хитросплетений! Не на одну жизнь хватит! Екатерина Михайловна – вторая жена царя Александра II. Почему их брак называют неравным, морганатическим? Она ведь происходила из старого русского рода князей Черниговских, более древнего, чем царский род Романовых. Она княжна «Рюриковой крови» – её предком был сам Юрий Долгорукий!

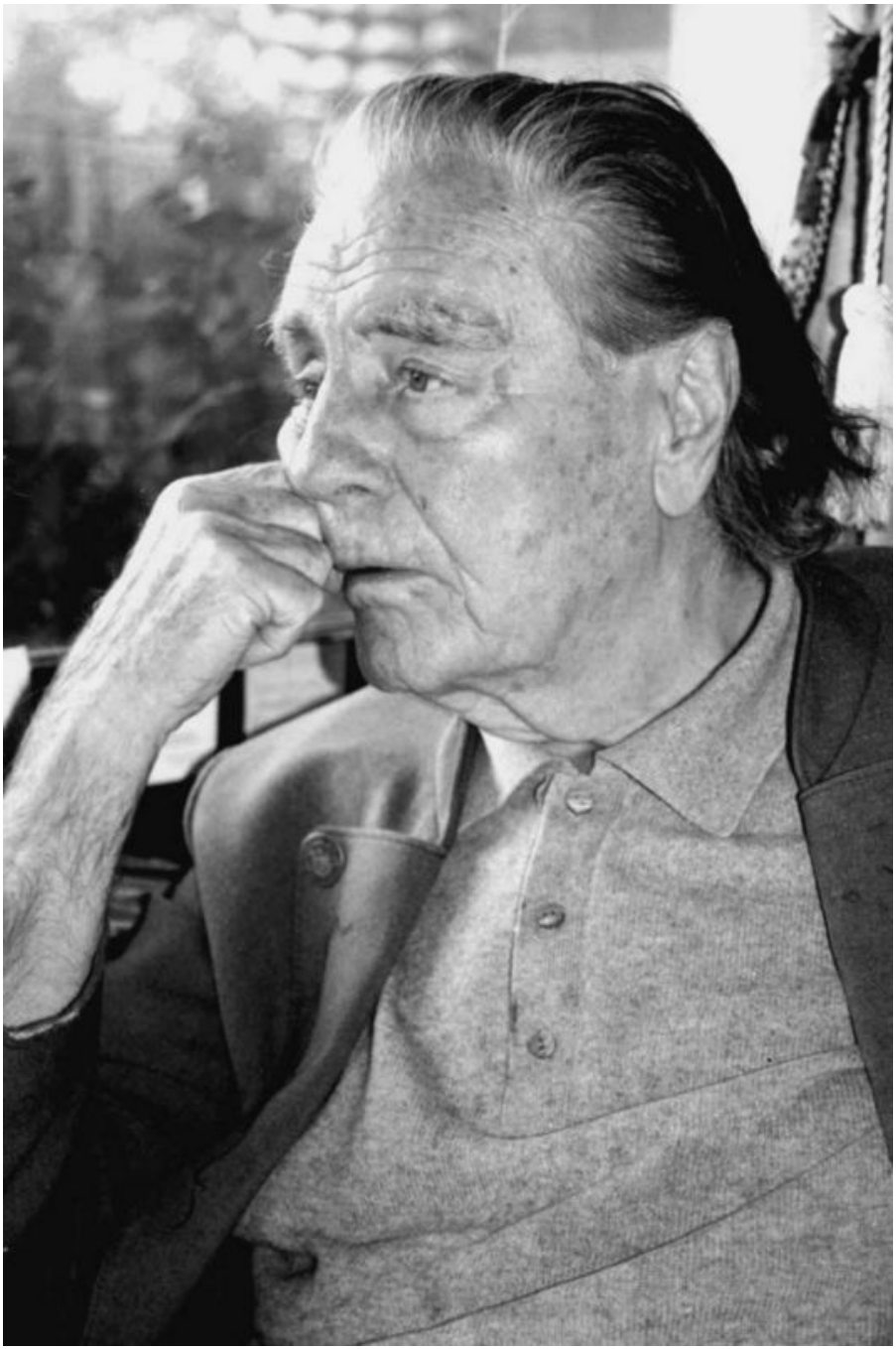
Да и первой женой родоначальника царской династии Михаила Романова была княжна Мария Долгорукова. Но царица умерла очень рано, прожив в супружестве всего несколько месяцев.

Не раз говорил Евгений Верёвкин о той давней исторической несправедливости с бароном Эдуардом Фальц-Фейном. Как получилось так, что брак, освящённый церковью, считается «второсортным»? Или причиной тому старое поверье, что жёны Долгоруковы приносят Романовым несчастья, идущее со времён Петра II: юный царь скончался накануне своей свадьбы с княжной Екатериной Долгоруковой.

Светлейшая княгиня Екатерина Юрьевская обрела свой последний предел в Ницце, под «лазурью чужих небес». Вместе с ней похоронена младшая сестра Мария (Муш, как ласково звали её в семье), бывшая смолянка, затем и фрейлина. В первом браке – княгиня Мещерская, во втором – графиня фон Берг. Мария Михайловна скончалась в феврале 1907-го, как констатировали врачи – от малокровия.

Горю Светлейшей княгини не было предела. «Мария скончалась – безумно скорблю», – телеграфировала она брату Анатолию. Муж-вдовец Георгий фон Берг первым воздвиг на русском кладбище скромный памятник. Через пятнадцать лет рядом с Марией была похоронена и её старшая сестра Екатерина.

Сёстры покоятся в мраморной усыпальнице, воздвигнутой заботами и попечением легендарного барона Фальц-Фейна.



Барон Эдуард Фальц-Фейн, хранитель памяти Светлейшей княгини. Вадуц. Фотография Л.А. Черкашиной. 2005 г.

Барон сам успел поведать о той грустной истории: «Долгие годы за могилой никто не ухаживал. Крест упал, и никто не собирался его поправлять. Я привёл в порядок её надгробие и дал

сторожу денег, чтобы он делал всё, что полагается, чистил, весной сажал и поливал цветы.

В 1970-х по телевидению крутили чудный фильм „Катя“, который сделали французы… Он имел невероятный успех во всей Европе. Я как раз был в Ницце у мамы и написал в газету „Nice Matin“ письмо. Рассказал, что прекрасная Катя жила в Ницце, похоронена на русском кладбище. Рубашка в пятнах крови царя и его мундир также находятся в Ницце в крипте русского собора, где старые эмигранты устроили маленький музей. Катя привезла эти вещи, уезжая из России после гибели своего мужа.

Моё письмо было опубликовано, а главный редактор поблагодарил меня за неизвестные сведения. Читатели повалили на кладбище посмотреть на её могилу. А сторож удивлялся: „В чём дело?“ – „Да ведь фильм был „Катя““».

Эдуард Александрович не был знаком со Светлейшей княгиней – её не стало ровно за год до того, как в Ницце обосновалось его семейство. Да и вряд ли то знакомство оставило бы яркий след в памяти десятилетнего мальчика. Зато матушка Вера Николаевна, урождённая Епанчина, ещё до революции не раз гостила у княгини Юрьевской на её роскошной вилле «Георг».

Барон хорошо знал младшую дочь Александра II, княжну Екатерину, и её второго супруга, князя Сергея Оболенского, так что он считал себя близким другом этого семейства.

За Эдуардом Александровичем давно и прочно утвердилось звание «народный барон»: странный «титул» словно и создан был для одного-единственного в мире человека. Кто ещё мог сравниться с бароном Фальц-Фейном бескорыстием и широтой души, дерзостью и авантюризмом, оригинальностью ума и трезвостью расчёта?! Он разыскивал по всему миру и возвращал России, казалось бы, безнадёжно утраченные живописные шедевры, бесценные исторические документы – письма, дневники, архивы и целые библиотеки. Он дарил России её же былое достояние. Список огромен: живописные полотна Репина, Константина Коровина, Бенуа, Лебедева, редкостные гравюры, раритетные книги, утраченные архивы…

Воронцовскому дворцу в Алупке Эдуард Александрович передал редчайший «Портрет князя Григория Потёмкина» кисти Левицкого, приобретённый у нью-йоркского антиквара. Одна из его самых удачных находок. Ныне гостям крымского дворца-музея медная табличка под портретом екатерининского вельможи напоминает о дорогом подарке барона.

Крыму повезло особо: барон не скупился на щедрые дары для его музеев. Вот и дворцу в Ливадии барон подарил ковёр ручной работы с изображениями Николая II, Александры Фёдоровны и

цесаревича Алексея – дар иранского шаха царской семье к трёхсотлетию Дома Романовых. Персидский ковёр, прежде украшавший крымскую резиденцию русского императора, Эдуарду Александровичу посчастливилось купить на аукционе в Германии.

К слову, до недавнего времени он был единственным на земле, кто помнил тепло рук императора: в апреле 1914-го, во время визита к Фальц-Фейнам (император прибыл на яхте из Ливадии в заповедную «Асканию-Нова»), Николай II держал на руках маленького Эди, лаская смышлёного и симпатичного мальчугана. В честь родового имения в Южной России, где прошли счастливые годы юного наследника «империи Фальц-Фейнов», Эдуард Александрович назвал и свою виллу в Лихтенштейне – «Аскания-Нова».

…Эдуард Фальц-Фейн прожил большую и насыщенную событиями жизнь, встретив свой сто шестой год рождения! Не затаив обиды на Россию, в далёком семнадцатом превратившую его, пятилетнего мальчугана, в эмигранта.

– Меня никто здесь не понимает, – размышлял барон. – Говорят, ну, зачем же ты помогаешь России, даришь ей такие дорогие подарки?! Ведь твою семью лишили всех богатств, бабушку расстреляли, отец умер в эмиграции, твоя мать, сестра и ты сам приняли столько лишений…

Он отвечал: «Это же другая Россия, и другие люди, – я просто переворачиваю страницу. И всё».

Возмущала Эдуарда Александровича явная историческая несправедливость – ведь князя Георга Юрьевского, живущего в Швейцарии, власти не признают наследником царского рода.

– Какой он Юрьевский?! Он – настоящий Романов! Правнук Александра II! Забывают: император Александр II венчался с княжной Екатериной Долгоруковой (о, какая это была любовь!) и даровал ей титул Светлейшей княгини Юрьевской.

Мавзолей-усыпальница княгини Екатерины Юрьевской и её сестры графини Марии фон Берг. Ницца. Фотография Л.А. Черкашиной. 2002 г.

К слову, многие современные историки, знатоки династического права, полагают, что именно князь Георг является ныне единственным (правда, виртуальным) претендентом на монарший престол в России.

Огорчало барона и то, что его молодой друг, князь Георг, почти не знает русского языка. Был убеждён: «Русские люди с историческими фамилиями должны говорить по-русски!»

Именно барон Фальц-Фейн первым привёл своего друга на православный некрополь в Ницце, чтобы тот смог поклониться памяти прародительницы.

…Не столь давно и сам Эдуард Александрович обрёл своё вечное пристанище на «Кокаде», неподалёку от царственной вдовы и великой любовницы, Светлейшей княгини Екатерины Юрьевской. Или Кати, как ласково звал её царственный супруг.

Возвращение в Россию

Вдовствующей императрице, как и её былой сопернице, также было даровано чудесное спасение в страшные годы безвременья. Но цена его оказалась непомерно высокой – двое сыновей и пятеро внуков Марии Фёдоровны, принесённых в жертву революционному Молоху. До конца дней она упорно

отказывалась верить в гибель сына, последнего русского императора Николая II и всей его семьи…

В апреле 1919-го британский дредноут «Мальборо», на борту которого находилась вдовствующая императрица с дочерью Ксенией и внуками (её зять Александр Михайлович покинул Крым ранее), великими князьями-братьями Петром и Николаем Николаевичами, их семьями, отшвартовался от крымских берегов и взял курс на Босфор. И далее, минуя Константинополь, на Мальту. Несколько недель августейшее семейство пользовалось радушием и гостеприимством мальтийских властей (не столь уж давно в Ла-Валлетте, в президентском дворце Святого Антония, была освящена русская часовня, где молилась безутешная императрица), а затем путь продолжился по Средиземному морю, мимо прекрасных берегов Французской Ривьеры, мимо Ниццы.

Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна покидает Крым на борту крейсера «Мальборо». 1919 г.

В последний раз пути двух великих вдов – русской императрицы и Светлейшей княгини – оказались максимально сближенными. Более никогда уже в земной жизни не довелось им встретиться. Разве лишь в беспокойных старческих снах…

Давным-давно на корабле датская принцесса Дагмар прибыла в Россию, морем же, на корабле, и покидала её. Как оказалось, навсегда.

Она вернулась из России, где прожила более полувека и где всё напоминало страшную сказку, – страну словно раздирали злые волшебные силы, – и на копенгагенской пристани старый Андерсен не встречал свою милую принцессу.

Императрица Мария Фёдоровна скончалась в октябре 1928 года, на вилле Видёре под Копенгагеном, пережив на несколько лет свою ровесницу, Светлейшую княгиню Екатерину Юрьевскую. И была похоронена в Роскилле, в Кафедральном соборе – усыпальнице датских королей.

Великий князь Александр Михайлович размышлял о почестях, возданных вдовствующей русской императрице, увы, после её кончины: «В последний раз за годы земного странствия и впервые после революции оказалась она во главе той процессии, что следует за всеми монархами, пока те способны раздавать награды и жаловать чины. В день своей смерти вдовствующая императрица Всероссийская вдруг вернула себе то, что утратила в день отречения сына – центральное место на сцене. И пусть ближайшие её родственники были изгнанниками без гроша за душой, за гробом её шло чуть не полсотни коронованных особ, и столько посланников и чрезвычайных послов набилось в Копенгагенский кафедральный собор, что впору было развязывать ещё одну мировую войну».

Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна в Дании. 1910-е гг.

В новом столетии императрице Марии Фёдоровне предстояло триумфальное «возвращение» в Россию. Почти как и давным-давно, когда датская принцесса впервые вступила на русский берег, её возвращение в сентябре 2006 года было встречено пушечными залпами Петропавловской крепости. Прах императрицы Марии Фёдоровны был доставлен морем в Санкт-Петербург и с подобающими почестями погребён в Петропавловском соборе, рядом с обожаемым венценосным супругом.

Усыпальница на русском кладбище «Кокад», на одном из холмов Ниццы, и саркофаг в Петропавловском соборе – последние вехи надежд, странствий, разочарований и великой любви, которой судьба сполна одарила двух царственных соперниц.

И между ними, как в самом начале пути, вновь пролегли тысячи земных вёрст и сотни морских миль…

Ну а жизнь продолжалась, закручивая невероятные сюжетные линии. И если о судьбах августейших детей и внуков императрицы Марии Фёдоровны, подчас трагических, известно досконально, то о наследниках Светлейшей княгини сведений немного.

Часть II. «Да будут ясны дни твои»

Георгий: любимец императора

Ты взором, мирною душой,
Небесный ангел утешенья.

Александр Пушкин

«Наш ангел»

Так уж случилось, что имена ещё не рождённым младенцам две супружеские пары, не сговариваясь, дали одинаковые. Цесаревна Мария Фёдоровна произвела в апреле 1872 года на свет сына, наречённого Георгием. А ровно через три дня и княжна Долгорукова разрешилась первенцем, и новорождённого тоже назвали Георгием.

Судя по ответному письму Екатерины возлюбленному, ожидание дитяти было счастьем для неё: «…Ты с радостью говоришь, что это ты во мне». А младенец уже подавал первые признаки жизни, и для будущей матери то были новые необычные впечатления: «…Я почувствовала первый раз движение дорогого существа во мне, он так толкал меня, что рука, которая лежала сверху, поднялась в воздух».

Свершилось! В одном из покоев Зимнего дворца 30 апреля раздался крик новорождённого. Император, бывший при начале родов и взволнованный тем событием, вынужден был по неотложным делам покинуть Зимний. Но придворный акушер, принимавший роды, заверил венценосного отца, что они прошли довольно легко, так что роженица начала даже мечтать и о втором дитяти. Верно, Александр II лишь загадочно улыбнулся…

Поистине мальчик родился с золотой ложкой во рту! Его детство прошло в ореоле безграничной отцовской любви. Отец-император называл сына Георгия ребёнком с «золотым сердцем», что почиталось в семье наивысшей оценкой маленького человека.

Государь слыл заботливым отцом и сведениями о здоровье детей, – о том ему утром ежедневно докладывали, – спешил поделиться с Катей. Вот одно из тех писем: «Р. говорит, что пупуся был совсем меланхоличным в своей постели без меня».

За буквой «Р» скрыто имя Александра Михайловича Рылеева, генерала от инфантерии и генерал-адъютанта в свите Его Величества. Александр Рылеев – личность историческая. Один из самых доверенных людей императора, он удостоился чести быть шафером на тайном венчании Александра II с княгиней Юрьевской. А ранее сама Екатерина Михайловна с детьми жила в

доме коменданта Императорской Главной квартиры Рылеева. Холостой и бездетный генерал всей душой прикипел к вверенным его опеке царским детям и занялся их воспитанием более по зову сердца, нежели по служебной обязанности.

Так что Александр II не ошибся, поручив надзор за детьми своему тёзке, честному и доброму человеку. Но и сам отец-император не уставал наблюдать, как растёт маленький сын, как развивается его обожаемый «пупуся»:

«Я никогда не видел ребёнка в этом возрасте такого умного и ласкового»;

«Это особенно понятливый ребёнок, который откликается на всё»;

«Я редко видел такого терпеливого и ласкового ребёнка»;

«Он наш ангел и наша радость».

Князь Георгий Юрьевский, любимец-сын Александра II. Конец 1870-х гг.

Сколько других милых признаний рассыпано на страницах царских писем: вот крошечный Гога не сводит с отца глаз, вот снимает с его головы шапку, или же мальчик резвится на отцовских коленях. Неслучайно одна из приближённых светских дам уверяла: «Государь любил этого ребёнка страстно, любовался им, как Божеством».

А это строки из письма Александра II, отправленного любимой в мае 1875-го: «О, сколько сладких впечатлений я храню от нашего первого дня в Эмсе. Всё было хорошо, начиная с радости присутствовать при завтраке нашего обожаемого пупуси, который казался очень довольным видеть своего Папá, которого

обожает, как и его дорогая маленькая Мама. <…>..И я был рад также Гого и позднее нашей прогулкой с ним по нашему дорогому лесу. Я так доволен также иметь возможность присутствовать при его укладывании и что мы ещё немного погуляли вместе, потому что всё хорошо в присутствии того, кого любишь».

Спустя год во вторую семью императора пришло несчастье: тяжело заболел и умер новорождённый сын Борис. В те горестные дни четырёхлетний Георгий выказал необычайную чуткость к страданиям отца. «Гого заметил, что я был печален, – пишет Александр своей Кате, – начал меня обнимать и повторять мне Я любу Папá». А позднее, мальчик уже подрос, отец-император вновь приводит слова «пупуси», «что он любит Папá и Мамá».

Екатерина Михайловна также считала сына своим любимцем, признаваясь его венценосному отцу: «…Мы обожаем его одинаково. Это наш ангел, которого невозможно не любить».

«Ангел Гога» давал тому немало поводов, – он рос добрым, ласковым и впечатлительным ребёнком. Однако мальчик не мог избежать физических наказаний – без них не мыслилось в те годы правильное воспитание. Но и во время наказаний ласковый Гого умудрялся признаваться в любви к отцу, чем бесконечно трогал его сердце.

Повзрослевшего Георгия возили в Зимний дворец, где Александр II сам любил кормить сына обедом. Император с удовольствием отвечал на всевозможные вопросы мальчика, показывал ему картинки в детских книгах, рассказывая о славной истории России. «Я люблю, когда он (сын) устраивается на твоих коленях, чтобы играть с твоими сигаретами и твоим крестиком. Его улыбка неотразима и его заставляет бегать за тобой», – признавалась Александру княгиня-мать.

…Спустя полгода после трагедии на Екатерининской набережной молодой Государь Александр III обнаружил в Ливадийском дворце детские рисунки маленького Георгия, что сберегал император-отец, и счёл за нужное отправить их мачехе: «Я уверен, что они будут хранить для Вас и дорогого Гого навсегда драгоценные воспоминания о счастливых временах».

Поистине царский поступок, не лишённый благородства.

…Александр II, как и все Романовы, стремился привить любовь сыну к ратному делу – к воинской форме, смотрам и парадам. Как-то на Рождество Георгию сделали чудесный для мальчика подарок: полную казачью форму, украшенную серебряными галунами, с небольшой шашечкой; голову мальчугана венчала высокая меховая шапка. Придворный фотограф запечатлел Гого в его воинственном одеянии, а

император, увидев маленького «казачьего атамана», пришёл в восторг: «Пупуся бесценен со своей шашкой и в своей шапке. Точно как у Папа́». А когда Георгию сравнялось шесть лет, отец взял его на военный парад: сын с младых лет должен гордиться силой и мощью России!

Увы, высоким надеждам, что возлагал августейший отец на любимца-сына, не суждено было сбыться.

Моряк и гусар

Князю Георгу Юрьевскому, внуку царского любимца, посчастливилось разыскать редкостный документ, связанный с историей семьи и хранящийся ныне в городском архиве Ниццы, бывшем особняке его большого друга, барона Эдуарда Фальц-Фейна:

> «11 мая 1895 года в час пополудни в присутствии Альциари де Малосена Франсуа, кавалера Ордена Почётного Легиона и мэра Ниццы… составлен акт о браке между,
>
> с одной стороны – графом Меренбергом Жоржем Никола, 24 лет, рождённым в Висбадене, герцогство Нассау, Германия, 13 февраля 1871 года, подпоручиком 7-го гусарского полка (Пруссия), проживающим в Висбадене, сыном Его Высочества принца Николя де Нассау, и графини Натали де Меренберг, урождённой Пушкиной, его супруги, проживающей в Висбадене, присутствующей здесь и выразившей свое согласие, с другой стороны – мадемуазель княжной Юрьевской Ольгой, рождённой в Ялте, Крым, Россия, 27 октября 1873 года, старшей дочерью Его Величества покойного русского императора Александра II и Её Светлости княгини Катерины Михайловны Юрьевской, урождённой княжны Долгорукой, его вдовы, проживающей в Ницце, присутствующей здесь и выразившей своё согласие.
>
> Свидетели:
>
> 1. Его Высочество, 23 лет, офицер русского военного флота, брат невесты, проживающий в Санкт-Петербурге…»

Русский морской офицер, которого в детстве император-отец ласково звал Гогой, и стал дедом князя Георга.

Светлейший князь Георгий Александрович Юрьевский, мичман российского флота. 1894 г.

Спустя пять лет в роскошном особняке Светлейшей княгини вновь гремели здравицы в честь новобрачных: Георгия Юрьевского (к тому времени за его плечами были учёба в Парижском университете, служба на флоте, морские походы на корвете «Рында», эскадренном броненосце «Император Николай I») и его молодой супруги графини Александры Зарнекау.

О жизни любимца императора известно немного. После потери августейшего отца десятилетний Георгий вместе с

матерью и сёстрами покинул Россию. Молодые годы провёл во Франции, где учился в лицее Кондорсе. Затем настали годы студенчества в прославленной Сорбонне, и княгиня Юрьевская не без гордости уверяла приятельниц, что сын её имеет отныне учёную степень бакалавра.

Однако лавры учёного не прельщали Георгия: он вернулся в Петербург, где поступил в Морской кадетский корпус. Служил в одном из экипажей Балтийского флота. «Блажь поступить к нам во флот, – иронизировал его сослуживец, – пришла молодому человеку, видимо, потому что он с ранних лет увлекался яхтенным спортом на прозрачных водах Лионского залива под лазоревым небом юга Франции».

Вначале морская служба (в экипаже Балтийского флота) началась для юнкера Юрьевского с похода к берегам Северной Америки, затем его перевели в Средиземноморскую эскадру. Следом – новое назначение: с бронепалубного корвета «Рында» на броненосец «Николай I». Но на флагманском броненосце, именованном в честь августейшего деда мичмана Юрьевского, сослуживцы встретили его без особой радости: «Матросская форма казалось не подходящей для его слишком крупной и дородной фигуры. Он выглядел выросшим из своего костюма а l'enfant (ребёнка. – *фр.*). Говорил он по-русски, иногда спотыкаясь и подыскивая выражения».

Корвет «Рында», где служил мичман Юрьевский. 1890-е гг.

Да и генерал-адмиралу великому князю Алексею Александровичу, главе Морского ведомства и председателю Адмиралтейств-совета, приходилось делать выговоры единокровному брату, упрекая того в лености и безалаберности: «…И на суше, и на море во время плавания он просто не хочет делать вообще ничего». И полагал, что Юрьевскому «лучше было бы перейти в сухопутную службу, поскольку он никогда не станет хорошим моряком». К советам Алексея Александровича надлежало бы прислушаться, ведь он почитался преданным другом Светлейшей княгини и, по воспоминаниям, «добрейшим из родственников» для неё.

Ну, а затем вдруг приключился казус: мичман Юрьевский самовольно покинул броненосец (тогда он служил на «Петре Великом») и умчался в Петербург. Произошло то в мае 1895-го, вскоре после того, как Георгий веселился в Ницце на свадьбе сестры Ольги, будучи свидетелем с её стороны. Над морским

офицером реально нависла угроза военного суда, но дело решили не предавать огласке, замять и вовсе прекратить.

Чуть позже Георгий каялся в том великому князя Владимиру Александровичу, коего он боготворил: «Я, ты знаешь, страшно наглупил весной, но теперь, хоть уже поздно, но очень сожалею, я страшно хотел бы служить и на службе бы загладить своё прошлое поведение».

Изменить ничего не удалось, и с осени 1895-го Юрьевский стал обучаться премудростям иного рода – в Офицерской кавалерийской школе, на её драгунском отделении. Гордился тем, что сумел преодолеть себя: «В мои годы, когда трудно человеку снова садиться на школьную скамью, я проделал это». Правда, без особого успеха.

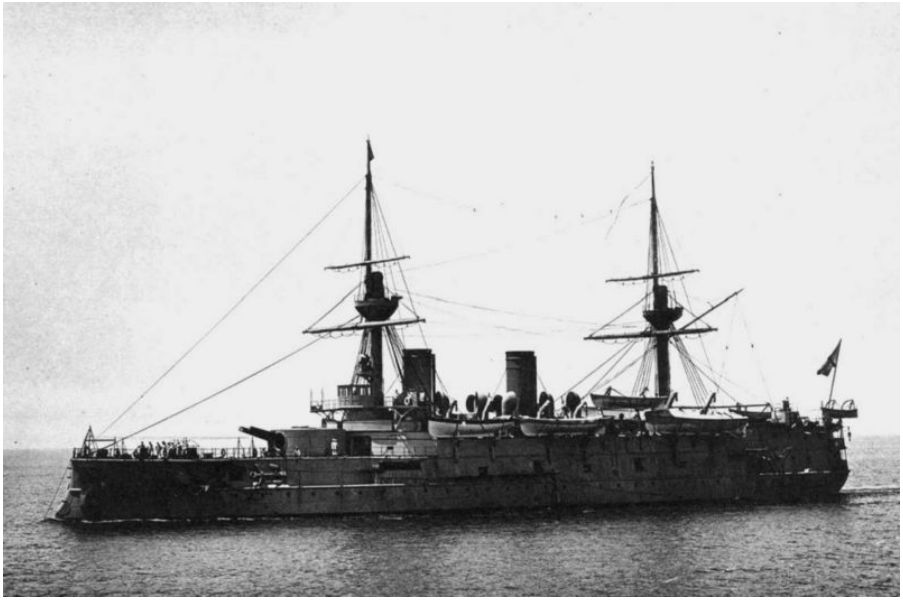
Молодой император Николай II, следивший за карьерой родственника, упоминает о переменах: «Между прочим, Юрьевский теперь в кавалерийской школе…»

По выпуску из школы князь был прикомандирован ко 2-му эскадрону лейб-гвардии гусарского полка. Но долго в кавалерийском седле не удержался – вскоре вышел в отставку в чине штабс-ротмистра.

Вот послужной список князя Георгия Александровича, довольно-таки скромный:

Мичман (с февраля 1894-го);
переведен в гвардейскую кавалерию корнетом (с сентября 1895-го);
поручик (с декабря 1898-го);
штабс-ротмистр (с декабря 1902-го).

Однажды на пути августейшего гусара, поистине баловня судьбы, повстречалась Анна Масальская, роковая цыганка. У черноокой жгучей красавицы, возмечтавшей о свадьбе с Георгием, были на то веские причины, ведь Анна уже подарила наследников князю Юрьевскому. Её дети (сын Георгий и дочь Ольга!) удивительнейшим образом соединили в себе знойную цыганскую кровь с царской! Но возможную свекровь Анны, Светлейшую княгиню, некогда бывшую в схожей ситуации, привела в ужас сама возможность породниться с цыганским племенем – она спешно подыскала любимцу достойную невесту. Графиню Александру Зарнекау.



Эскадренный броненосец «Николай I», где служил мичман Юрьевский. Конец XIX – начало XX в.

Ну а бывшей пассии сына Екатерина Михайловна обязалась выплачивать по восемь тысяч рублей ежегодно, с тем лишь условием, что она не будет более искать встреч с князем и не дозволит ему видеться с детьми. Правда, это условие не раз нарушалось – в Петербурге Георгий Александрович тайно встречался и с цыганкой Анной, и детьми. Известно лишь, что после революции Анна Масальская с детьми эмигрировала из России. Кто они, потомки «цыганских внуков» русского царя, и как сложились их судьбы – Бог весть…

Августейший гусар Георгий Юрьевский. Вторая половина 1890-х гг.

Но тогда, на заре нового двадцатого века, случилось чудо: Георгий, поначалу резко противившийся материнскому замыслу, вдруг испытал страстное чувство и влюбился в… «назначенную» ему невесту.

Принцы Ольденбургские

Немного о родословии невесты – юной графини Александры, стараниями Екатерины Михайловны ставшей именоваться, как и она, княгиней Юрьевской.

А тестем Георгия суждено было стать Его Высочеству принцу Константину Ольденбургскому. Будущий генерал-лейтенант родился в Петербурге в апреле 1850-го, несказанно порадовав своим появлением родителей, Петра Ольденбургского и Терезию Нассаускую.

Сам же принц Пётр Георгиевич, к слову, знакомец и большой поклонник Пушкина, – сын великой княгини Екатерины Павловны. Его матушку называли одной из самых обаятельных и образованных женщин своего времени. Красоту и ум великой княжны Екатерины воспел Державин, её советам, касавшимся внутренней и внешней политики империи, внимал Александр I, почитавший сестру преданным своим другом.

Принц Пётр Ольденбургский. 1860-е гг.

Свидетельств о встречах Пушкина с Екатериной Павловной нет, да и вряд ли они могли быть. Но поэт знал о той заметной роли, что довелось великой княгине сыграть в судьбе знаменитого историографа: «…О пребывании Карамзина в Твери в 1811 году, при Дворе блаженной памяти Государыни великой княгини Екатерины Павловны, матери Его Светлости принца Петра Ольденбургского. Известно, что Карамзин читал тогда в присутствии покойного Государя и августейшей сестры его некоторые главы Истории Государства Российского…»

В пушкинской рукописи осталась ёмкая строка о Екатерине Павловне, как женщине «с умом необыкновенно возвышенным и образованным».

Сын русской великой княгини и принца Георга Ольденбургского, Пётр Георгиевич, достиг немалых успехов на военной стезе – дослужился до генерала от инфантерии.

Он имел счастье дважды встречаться с Пушкиным: в январе 1836-го в стенах Академии, о чём упоминал сам поэт: «Российская Академия была удостоена присутствия Его Светлости принца Петра Ольденбургского, избранного ею в почётные члены»; и в декабре того же года в Михайловском дворце, на вечере у великой княгини Елены Павловны.

В 1840-х, когда лицей из Царского Села был переведён в Петербург и переименован в Императорский Александровский, принц Ольденбургский становится его попечителем. К Петру Георгиевичу обращают свои надежды выпускники-лицеисты: близится полувековой юбилей лицея и время исполнить давнюю мечту – воздвигнуть близ славных стен памятник знаменитому воспитаннику.

Принц Ольденбургский лично передал прошение Александру II, ведь с монархом его связывала дружба, возникшая ещё с юных лет.

История распорядилась по-своему: памятник поэту в Царском Селе был сооружён много позже, и видеть его Александру II не довелось. Но зато императору предстояло стать августейшим «крёстным» знаменитого московского монумента – его высочайшим указом создан Комитет по сооружению памятника Пушкину! Бесспорно, утверждая председателем Комитета принца Петра Ольденбургского, Государь прекрасно знал, что давний его приятель – истинный почитатель русского гения, ведь ещё при жизни поэта Пётр Георгиевич перевёл на французский пушкинскую «Пиковую даму».

Принц немало порадел, чтобы в центре Москвы, на Тверском бульваре, близ Страстного монастыря, встал во всей своей величественной простоте памятник Пушкину – гениальное творение Опекушина.

В тот знаменательный день – 6 июня 1880 года – явились возвышенные строки графа Владимира Соллогуба, ныне почти забытые:

В столице Пушкину любезной,
В Москве, в виду монастыря,
Поднялся ныне лик железный
Родного нам богатыря.

Принца Петра Георгиевича чествовали как самого дорогого и почётного гостя. Газеты спешили оповестить читателей: «Августейший председатель бывшего Комитета по сооружению памятника, подойдя к членам семьи великого поэта, поздравил каждого из них в отдельности и в сопровождении… высокопоставленных лиц и семейства Пушкина обошёл памятник».

Пётр Ольденбургский, сын великой княгини Екатерины Павловны, заслужившей столь лестные отзывы Пушкина, был знаком со всеми детьми поэта, приглашёнными в те июньские дни в Москву.

Думается, особо приятно было встретиться ему с графиней Наталией фон Меренберг, младшей дочерью поэта и… своей родственницей. Ведь жена Петра Георгиевича, принцесса Терезия-Вильгельмина, приходилась единокровной сестрой принцу Николаю Нассаускому, мужу Наталии Александровны. А значит, внуки поэта и дети Петра Ольденбургского (они же – внуки великой княгини Екатерины Павловны) – двоюродные братья и сёстры. А сын, принц Константин, доводился кузеном графине Софи де Торби и графу Георгу фон Меренбергу. Такие вот необычные родственные «сближения»!

…Мистика судьбы: Пётр Георгиевич скончался вслед за другом юности, императором Александром II. На кончину принца – его величали «просвещённым Благотворителем» – откликнулся поэт Алексей Апухтин:

Он был нам примером, он жил для добра…

Старался во всём следовать отцу и его наследник – сын Константин.

Константин Петрович, человек просвещённый, имел много талантов, но более всего – музыкальный дар. Обладая совершенным слухом, состоял в «Обществе любителей духовой музыки». Его создатель – сам цесаревич Александр Александрович: великий князь прекрасно играл на валторне, трубе, трубе-баритоне. Да и на других духовых инструментах.

Репетиции зачастую проводились весной в Царскосельском саду, в Аничковом дворце для матери-императрицы Марии Фёдоровны и приближённых давались концерты. В них вместе с цесаревичем участвовал и принц Константин.

Казалось бы, весь вид крепкого и могучего, словно выточенного из единой глыбы, наследника русского престола

несовместим с обликом тонкого ценителя и знатока музыки. Однако именно он в 1872 году основал музыкальное общество, поначалу именовавшееся «Хором наследника цесаревича Александра Александровича». Великий князь в течение девяти лет принимал участие в репетициях и концертах своего любимого детища. Лишь трагедия, случившаяся 1 марта в Петербурге, заставила молодого императора, принявшего на себя «державные труды», отречься от прежних музыкальных выступлений.

Принц Константин Ольденбургский с супругой графиней Зарнекау. 1882 г.

Но не от музыки. В ней он находил успокоение и силы для нелёгкой царской работы. Восхищали и вдохновляли Александра III творения Чайковского, особо – опера «Пиковая дама», впервые прозвучавшая в 1890-м на сцене Мариинского театра. Когда Пётр Чайковский оказался в трудной жизненной ситуации, его поклонник-император пришёл ему на помощь: композитору была назначена солидная государственную пенсия.

Вступивший на престол Александр III, узнав о бедственном положении Петра Ильича, пишет записку Победоносцеву, обер-прокурору Святейшего Синода: «Посылаю Вам для передачи Чайковскому – 3000 р. Передайте ему, что деньги он может не возвращать. Александр». Ведь прежде Пётр Ильич просил выдать ему эту сумму «заимообразно» – с тем, чтобы долг его казне погашался постепенно.

Ранее Чайковский посвятил императрице Марии Фёдоровне двенадцать романсов. Положены они были на поэтические строки Пушкина (романс «Соловей»), Фета («Я тебе ничего не скажу»), Плещеева («О, если б знали вы»), Апухтина («Ночи безумные»)…

Сама же императрица, в знак признательности, подарила композитору свою фотографию с автографом, что и поныне украшает гостиную дома-музея Чайковского в подмосковном Клину. Дорожил композитор и полным собранием пушкинских творений, признаваясь, что их чтение дарит ему божественное вдохновение.

Сохранились редкостные воспоминания графа Сергея Шереметева о музыкальных пристрастиях Александра III. В памяти мемуариста запечатлелся один из вечеров в Гатчинском дворце, где звучала музыка Чайковского: «Хор играл в этот день особенно хорошо, и впечатление было сильное. Государь пожелал повторения и слушал с видимым наслаждением, да и нельзя было иначе. <…> Вообще он очень любил музыку, но без всяких предвзятых, партийных мыслей, без всякой претензии на музыкальность. Конечно, он восторгался Глинкой и знал многие его романсы. Особенно любил он „В крови горит огонь желанья“».

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.

Восхищался Государь и гениальной оперой любимого

композитора «Евгений Онегин».

Но вернёмся к другому августейшему любителю музыки и поклоннику Чайковского – принцу Константину Ольденбургскому. Подчас правнуку несчастного Павла I приходилось менять фагот и кларнет на гусарскую шпагу, храбро сражаясь на поле брани. Но не офицерская доблесть принесла известность Константину Ольденбургскому.

Многие годы жизни принц провёл на Кавказе, где его трудами буйно зазеленела, потянувшись к жаркому грузинскому солнцу, виноградная лоза. Виноградарство стало новой страстью принца, а Кутаиси его стараниями снискал славу «столицы шампанских вин».

Дело в том, что ранее некий француз Шотье устроил в городе цех по разливу шампанского, – его-то и приобрёл у француза принц Ольденбургский. Константин Петрович сумел в разы увеличить производство легендарного шампанского, а, чтобы добиться его отменного вкуса, приглашал из Франции лучших виноделов.

В Кутаиси же в октябре 1882-го (в тот самый год, когда княгиня Юрьевская покинула Россию) Константин Петрович венчался с грузинкой Агриппиной Дадиани.

Первым мужем Агриппины был князь-вдовец Тариэл Дадиани. Род в Грузии известный и некогда владетельный. Так, Екатерина Александровна Дадиани, вдова князя Давида I, именовалась правительницей Мингрелии. Она же приходилась младшей сестрой красавице-княжне Нине, завоевавшей любовь поэта и дипломата Александра Грибоедова.

Но супружество с представителем знатной грузинской фамилии не стало счастливым для Агриппины Дадиани. Как-то на одной из модных в ту пору «живых картин», представлявшей сцену из поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре», принц увидел красавицу-грузинку. Страстно влюбился в неё и сделал всё возможное и невозможное, дабы увести прелестницу от мужа. Поговаривали, что для сего Ольденбургский заплатил все долги, и немалые, грузинского князя, другие же утверждали, что князь Дадиани проиграл принцу свою супругу в карты…

Так это или иначе, но после расторжения брака княгине Дадиани в новом её замужестве, признанном, правда, морганатическим, великий герцог Ольденбургский даровал титул графини Царнекау. В России графский титул именовался на иной манер – Зарнекау.

Известный уроженец Тифлиса Сергей Юльевич Витте, министр финансов, а затем и председатель Совета министров, не преминул, как «старый кавказец», заметить, что принц

Константин «женился на имеретинке», ведь его жена по рождению принадлежала к княжеской фамилии Джапаридзе из Имеретии, исторической области в Западной Грузии, некогда именовавшейся Имеретинским царством.

Обосновалась супружеская пара в Кутаиси, где в фамильном дворце один за другим появлялись на свет дети: Александра, Екатерина, Николай, Алексей, Пётр, Нина.

Супруги часто бывают в Тифлисе, где возводится их новый дворец; навещают в горном Абастумани великого князя Георгия Александровича – там подолгу живёт молодой цесаревич, страдающий болезнью лёгких; наведываются и в Петербург, благо в столице тоже есть дворец, «родовое гнездо» Ольденбургских.

В дружном семействе подрастают дети, что требует новых родительских забот: дать достойное образование юношам-сыновьям, да и помыслить о женихах для барышень-дочерей. Так уж совпало, что переезд Ольденбургских в Северную столицу совпал с кончиной Александра III, друга юности принца Константина…

Но вот и счастливая весть: Светлейший князь Георгий Юрьевский делает предложение руки и сердца старшей дочери!

Лишь на венчании и свадьбе Александры, ставшей вдруг невесткой русского царя, и посчастливилось побывать Константину Петровичу. До свадебных торжеств остальных детей дожить ему, увы, не довелось.

Он внезапно скончался в Ницце в марте 1906-го. Усопшего принца перевезли в Россию и со всеми почестями погребли в Троице-Сергиевой пустыни в Стрельне. Скорбный церемониал почтил Государь Николай II, да и весь аристократический Санкт-Петербург отдал дань памяти достойного человека – принца Константина Ольденбургского.

Катастрофа

Ну а чуть ранее календарь исправно отсчитывал дни февраля 1900 года. В один из них молодая чета – Светлейший князь Георгий Юрьевский и графиня Александра Зарнекау (она же, в действительности, принцесса Ольденбургская!) предстала пред образами русского храма в Ницце. В единственном тогда православном храме во имя святителя Николая и святой мученицы царицы Александры. После венчального обряда украшенные цветами и лентами модные экипажи, с молодожёнами и гостями яркой вереницей потянулись к вилле Екатерины Михайловны, где всех их ждал праздничный свадебный обед и где новобрачные внимали витиеватым тостам с

пожеланиями долгих лет безоблачной жизни.

Так уж случилось, что узы брака соединили наследников двух морганатических супружеских союзов, но это ни для невесты, ни для жениха не имело ни малейшего значения. Как весело начиналась семейная жизнь Георгия с юной женой, ведь его Сашеньке минуло лишь шестнадцать! Супружество то, по словам современницы, обратилось цепью «непрерывных удовольствий: балы и ужины до рассвета».

…А на исходе того райского для молодых супругов 1900 года мир о своём явлении оповестил младенец, наречённый в честь венценосного деда Александром. Восторженный отец из Ниццы телеграфировал в Петербург великому князю Владимиру Александровичу, старшему единокровному брату: «Бог дал нам маленького мальчика Александра. Саша (супруга Александра. – *Л.Ч.*) в порядке. Обнимаю». Семейная жизнь обрела смысл и полновесность.

Графиня Александра Зарнекау, в первом замужестве Светлейшая княгиня Юрьевская, во втором – княгиня Нарышкина

Однако счастье мужа, безумно влюблённого в свою очаровательную супругу, оказалось кратким. Молодая жена не отличалась верностью и вскоре предпочла ему, Георгу, царскому сыну, князя-богача Льва Нарышкина. Правда, и Лев Васильевич приложил немало усилий, дабы заполучить в жёны красавицу с

южной грузинской кровью.

Начался долгий бракоразводный процесс. В январе 1908-го обманутый муж подал в Духовную консисторию Санкт-Петербурга иск с просьбой расторгнуть его брак. Причина называлась одна – «нарушение супружеской верности». Да и свидетели показали, что княгиня Александра жила с ротмистром лейб-гвардии гусарского полка и бывшим сослуживцем покинутого мужа на правах законной супруги.

Удручённая крахом семейной жизни любимца-сына, Светлейшая княгиня заверяет обер-прокурора Синода о неверности бывшей невестки: «…В феврале прошлого 1907 г. покинула своего мужа и открыто живёт с своим любовником, чем попрала святость их брачного союза». Развод свершился, однако бывшим супругам не возбранялось вступить в новый брак. И в октябре 1908-го Александра Константиновна, воспользовавшись тем вердиктом, вновь стояла под венцом, и бывшая княгиня Юрьевская, как того и хотела, стала именоваться княгиней Нарышкиной. Однако желанное супружество завершилось для Александры Константиновны скорым фиаско: она развелась и со вторым мужем. И комфортно обосновалась в Париже. Вместе с детьми от нового брака.

В свою очередь, её покинутый супруг, князь Георгий Юрьевский, пытаясь обустроить незадавшуюся жизнь, запутался, наделал массу долгов и по решению Парижского суда должен был уплатить кредиторам сорок тысяч франков. На помощь родственнику не замедлил прийти Николай II – по распоряжению императора все заграничные долги князя были погашены.

Но сей благородный жест русского царя не мог исправить линию судьбы князя Юрьевского – дни его были уж сочтены…

Любимцу Александра II, его «ангелу Гоге», не удалось свершить в жизни ничего значимого. Да и, как уверял современник, одна лишь «знатность происхождения… не может дать человеку ни славы, ни любви со стороны окружающих, ни уважения».

Как торжествовал Александр II, когда однажды в Германии, в толпе приветствующих его людей, он сумел «выделить глазами дорогую фигуру пупуси в его морской шапочке и послать поцелуй»! Увы, той детской морской шапочке лишь на время довелось обратиться офицерской морской фуражкой…

Но, право, многое в судьбе, да и в характере Георгия Александровича скрыто под непроницаемой завесой тайны. Сей полог слегка приоткрывает младшая сестра Кати, к тому времени княгиня Барятинская, самозабвенно ухаживавшая за тяжелобольным братом. Георгий обретает в её мемуарах милые

трогательные черты: «…Его очаровательная личность и живое чувство юмора делали его лучшим спутником, каким только возможно. Он был полон веселья и рассказывал невозможные истории в совершенно фантастической манере <…> Он также имел свои периоды депрессии, и любил, чтобы я пела ему, когда он был печален или болен». Известно, любимая песня, что напевала ему сестра, имела щемящее завершение: «Скажи, что ты сам сделал со своей юностью?» Ах, как горьким этим вопросом, верно, задавался и сам Георгий!

Увы, на разные забавы
Я много жизни погубил!

Быть может, вспоминалось Георгию, как в Тулоне, где в честь русской эскадры устроили Цветочный карнавал, он с балкона ресторана пригоршнями швырял в толпу двадцатифранковые золотые, и французы опрометью кидались за ними, давя друг друга? А ему было так весело и смешно! Хотя и сам частенько сидел без гроша в кармане, но знал, что мать не оставит его в нужде и непременно в конце месяца пришлёт тысячу франков. Правда, порою и терпению Светлейшей княгини наступал конец, – она сетует барону Владимиру Борисовичу Фредериксу, что сын совершает «неожиданные и экстраординарные» траты, горько констатируя: «…Чем чаще я их плачу, тем больше он их делает». Ему же, министру Императорского двора, обращены и другие, благодарные строки Екатерины Михайловны: «Кажется, Вы носите до сих пор вензеля императора Александра II. Он этого ожидал от своего флигель-адъютанта. Отблагодарите Его, помогая мне, которую Он более защитить и обеспечить не может».

Одно время финансовая брешь столь «расползлась», что княгине пришлось заложить бриллиантовые колье и серьги, некогда подаренные Александром.

Печалился о своих непомерных долгах на исходе жизни и первенец царской четы. Известны письма Георгия к великому князю Владимиру Александровичу, где он сетовал адресату на ошибки, что совершил, пенял на безрадостную свою судьбу. Но изменить что-либо в ней бедный Георгий уже не мог…

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина…

Светлейший князь Юрьевский скончался от нефрита в

немецком Марбурге, славном своим старинном университетом, одним из студентов коего был некогда сам Михайло Ломоносов. Георгия Александровича не стало в августе 1913-го – в тот год, когда вся Россия пышно и возвышенно праздновала трёхсотлетие Дома Романовых.

Князь Юрьевский похоронен в Висбадене. Без почестей, что полагались царскому сыну. Но надо отдать должное вдовствующей императрице: Мария Фёдоровна выразила скорбь в телеграмме бедной матери, княгине Юрьевской, столь рано потерявшей единственного сына.

Ольга: из Светлейшей княжны в графини

Меж лучших жребиев земли
Да будет жребий твой прекрасен.

Александр Пушкин

Маленькая Оли

Вскоре после рождения первенца-сына молодая мать узнала, что вновь находится в счастливом ожидании. «Если ты снова в положении, – волнуется Александр, – я надеюсь, что Бог благословит твою беременность, как в первый раз! Положимся на Его волю».

Император на сей раз мечтал о дочери, и даже имя заранее ей придумал – Ольга. Девочка появилась на свет в Ливадии 27 апреля 1873 года, ровно через год после рождения брата. Вторые роды были очень долгими и тяжёлыми, врач всерьёз опасался за жизнь роженицы. Близкая приятельница княгини вспоминала, что на протяжении целой недели у Екатерины Михайловны «каждую ночь были муки, а разрешиться не могла. Утром Государь уезжал в сильной тревоге. Акушер Крассовский прямо волосы на себе рвал, боясь дурного исхода». Да и сам император был «более, чем в страхе»…

И наконец, ярким апрельским утром на свет появилась девочка! «Дорогой малыш здоров, но очень устал», – отправляет короткую записку молодая княгиня-мать императору.

Как счастлив был встревоженный отец получить заветную весть: мать и кроха-дочь вне опасности. «О, мой ангел, моё сердце переполнено любовью к тебе и благодарностью к Богу за то, что твои роды закончились хорошо и что Он благословил нас дочерью, как мы желали. Позволь мне сказать, что ты была ангелом терпения во время этого долгого ожидания и во время последних болей, которые были такими долгими. Я также благодарен Богу, что Он позволил мне тебе помогать, но поверь мне, что я страдал за тебя и вместе с тобой, и как мне была ужасна необходимость покинуть тебя. Я ещё в каком-то чаду, но легко на сердце после нашего долгого и томительного ожидания».

После столь трудных родов возлюбленной Кати император стал опасаться возможных беременностей и, как писал он сам, «любая новая из них привела бы меня в отчаяние из-за страха перед неприятностями, которые она могла бы причинить твоему

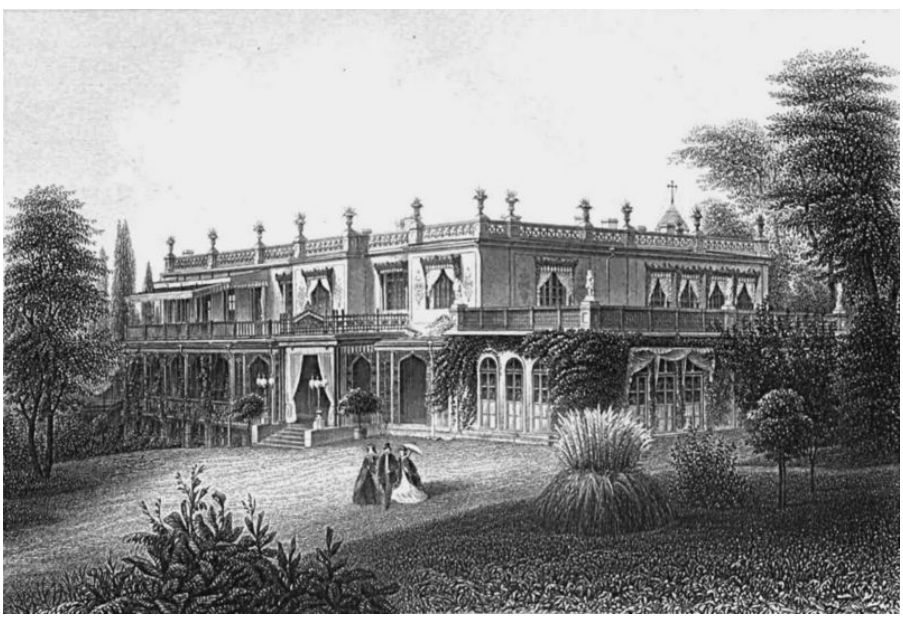
здоровью».

И всё же желанная девочка была не столь любима отцом, как её старший брат. «Ангела Гого» ставили ей за образец. «Ты видела, – обращался Александр к Кате, – как дорогой пупуся бросается мне на шею, чтобы меня обнять, и Оли повторяет также его пример».

С рождения у маленькой Ольги не всё ладилось со здоровьем, девочка часто плакала и кричала. Однако её детские крики почитались капризами, и няне приказано было особо не реагировать на них. Более того, родителей раздражала нервозность дочери, они находили, что у малютки отсутствуют… приличные манеры.

Августейшему отцу не нравились флегматичный характер дочери, её холодность в сравнении с любимцем: «…Дорогой пупуся действительно невероятный, что составляет контраст с флегмой Оли». Иногда в царских письмах проскальзывают и вовсе нелестные суждения о малютке. Правда, Александр уверял Катю, что оба – сын и дочь – «в целом очень хорошо воспитаны».

Подчас император обращал свои ласки к трёхлетней Ольге, сажал девочку к себе на колени, гладил по белокурой головке: «… Пупуся ревновал, видя свою сестру у меня на коленях, и он грубил». Но всё это прощалось Гого за его «золотое сердце», коим, по мнению отца, Бог не наградил его младшую сестрёнку Оли.



Ливадийский дворец времён Александра II, где прошли детские годы княжны Ольги Юрьевской. Старинная гравюра.

Порою Александр II чувствовал прилив любви к обоим детям: «…Их настроение, их аппетит были блестящими, и их нежность обрадовала меня». Объяснял даже некую холодность маленькой девочки тем, что «Оли… более философ, чем он (Гога) из-за её флегматичного характера».

В одном из его писем, написанных после долгой разлуки с детьми, император-отец заметит: «Я уверен, что Оли также забыла мою фигуру, но дорогой пупуся нет».

Всё же Александр старался уделять отцовское внимание и дочери. Вот как складывалась семейная жизнь императора в августе 1874-го в Крыму. Детей поднимали в семь утра, после морских ванн – прогулки в саду. Одна из дам так описала распорядок летнего дня: «Ольгу она (Екатерина Михайловна) возьмёт на руки, а Георгия посадим на пол играть и таким образом я её причешу и одену в присутствии детей. <…> Потом приедет Государь, возьмёт детей к себе на террасу и занимается с ними, кормит их сам обедом, в 5 часов идёт гулять».

Идиллия, о коей можно лишь мечтать! Да и сам император не единожды признавался, что нежность детей делает его счастливым.

Единственное, что омрачало и Александра, и Катю, что даже после их венчания августейшие родственники не желали принимать их союз. Отношение к княгине Юрьевской и её детям отличалось холодностью и сдержанностью. Так, великая княгиня Екатерина Михайловна, дочь великого князя Михаила Павловича, не сочла для себя возможным нанести ответный визит своей тёзке, сославшись на недомогание. Да и со стороны великих князей и княгинь не было ни душевности, ни теплоты – неслучайно в своих воспоминаниях княгиня Юрьевская называла новых родственников «мраморными». Более всего её поразило, что, когда на исходе 1880 года, малышку Оли постигла тяжёлая болезнь и девочка на глазах угасала, «никто из невесток императора и его сыновей ни разу не послал справиться о новостях и не пришёл… чтобы узнать о её здоровье. Император был шокирован <…> что они все оказались чудовищами».

Но, слава Богу, опасность для маленькой Оли миновала – девочка выздоровела. И её ожидала счастливая, хоть и не очень долгая жизнь.

«Я дочь Императора»

В Российском государственном военном архиве среди рапортов, боевых донесений и полицейских досье хранится любопытный документ – прошение царской дочери Ольги

Александровны министру внутренних дел Франции.

Вот как звучит оно в переводе с французского:

> «10, Бульвар де Бушаж, Вилла „Жорж“ („Георг“ в русском варианте. – *Л.Ч.*), Ницца, Приморские Альпы.
>
> 28 января 1920 г.
>
> Господин Министр, Я, дочь Е.В. Императора Александра II, родившаяся от брака Его Величества с княжной Долгорукой – Светлейшей княгиней Юрьевской, вышла замуж за графа Меренберга, немца, жившего во время войны с семьёй в Висбадене. Генерал Манжен разрешил мне, учитывая моё очень слабое здоровье, поездку в Ниццу к моей матери, княгине Юрьевской, которая является владелицей недвижимой собственности в этом городе. У меня есть для этой поездки пропуск № 5415… выданный штаб-квартирой генерал-командующего, действительный с 16 ноября 1919 г. до 16 февраля 1920 г. Моё здоровье ещё не восстановилось, поэтому прошу Вашего ходатайства о продлении моего пребывания во Франции на то время, которое Вы посчитаете возможным.
>
> Примите уверения в моих искренних чувствах.
>
> Графиня Ольга Меренберг, Княгиня Юрьевская».

В прошении Ольги Александровны из Ниццы упоминается некий французский генерал, благоволивший к ней, царской дочери. Кто же он?

Шарль Мари Эммануэль Манжен – дивизионный генерал, участник Первой мировой. Известность ему принесли сражения под Шарлеруа и Верденом. Осенью 1919 года был направлен в Таганрог, где возглавил французскую военную миссию при Ставке Главнокомандующего вооружёнными силами на юге России Деникина. В следующем году встречался с бароном Врангелем. Позднее Шарль Манжен вошёл в состав Высшего военного совета, став генерал-инспектором французских колониальных войск. Его перу принадлежат любопытные мемуары.

Графиня Ольга фон Меренберг, урождённая Светлейшая княжна Юрьевская. Акварель неизвестного художника.

Умер генерал в Париже в мае 1925-го, почти одновременно с его титулованной просительницей. Во французской столице Шарлю Манжену был открыт памятник, снесённый, правда, гитлеровцами во время её оккупации. Однако новый монумент храбрецу-генералу, обладавшему и добрым сердцем, вновь возведён уже в 1950-е в Париже, неподалёку от Дома инвалидов.

…Всё-таки Ольга Александровна и после замужества не желала расставаться с привычным ей и столь любимым княжеским титулом! Но почему это, казалось бы, частное письмо хранится в военном архиве? Разгадка не столь уж проста и требует исторического экскурса.

Дело в том, что в годы Первой мировой французская разведка

интересовалась политическими взглядами княгини Екатерины Юрьевской и степенью её лояльности к Франции. Не было тайной и для разведки: зять Светлейшей, Георг фон Меренберг, немецкий офицер, в обязанности коего входит обучение рекрутов в Висбадене, находится в стане противника. Оттого-то графине Ольге Александровне фон Меренберг, дочери княгини, приходилось всякий раз убеждать французские власти в собственной благонадёжности, дабы испросить разрешение на встречу с матерью в Ницце.

А ведь прежде, в мирное время, проблем не возникало – Ольга Александровна частенько бывала в Ницце, где жила на роскошной материнской вилле. Лазурный Берег особо был памятен для неё: здесь некогда, под южным солнцем, в обрамлении средиземноморских красот, княжна Ольга встретила будущего мужа, здесь и венчалась.

Да и на фотографии, подаренной Светлейшей княжной избраннику, где Ольга предстаёт весьма элегантной барышней в модной шляпке и с чёрной лохматой собачкой, начертано её рукой на английском: «To dear George from Olga». Проставлены год: «1895» и город «Nice» (Ницца).

Похоже, сей милый подарок – фотография сделана в одном из лучших фотоателье Ниццы – предназначался жениху и преподнесён в преддверии свадьбы.

Остался в архиве и другой документ, датированный 1922 годом: Ольга Александровна обращается к французским властям с просьбой вновь продлить ей визу. Повод весьма печальный: в феврале того года в Ницце скончалась её мать, Светлейшая княгиня Екатерина Юрьевская. Помимо горестных забот, её дочерний долг – достойно проводить мать в последний путь, были и другие, вполне земные – раздел наследства.

На набережной Ниццы. Граф Георг фон Меренберг с женой Ольгой Александровной. 1924 г.

…Любопытный штрих к образу Екатерины Михайловны. Подобно царственному супругу, обожавшему собак, она души не чаяла в своих четвероногих питомцах. Вспоминали, что княгиня любила их «кормить со своего стола, давая им большие куски ростбифа и курятины». А ещё, по свидетельству зятя, князя Сергея Оболенского, его тёща имела для всех псов домик в горах, который посещала ежедневно, невзирая на самочувствие. Если вдруг княгиня серьёзно заболевала, то отдавала приказ вывозить собак на прогулку на автомобиле. В саду виллы «Георг» появился и уголок памяти любимцев: ряд мраморных плит-надгробий с трогательными эпитафиями былым питомцам.

Одна из золовок княгини иронично заметила, что четвероногие друзья «заняли у неё (Екатерины Михайловны) место всех остальных, и за ними ухаживали лучше, чем за её собственными детьми и внуками».

Правда, в последние годы у Светлейшей княгини имелась целая свора разномастных питомцев. Но к одному из них её сердце полнилось необычайной нежностью – псу по кличке Сигнал. «Всё… в моём завещании должно быть оставлено Сигналу», – повелела перед кончиной княгиня Юрьевская, оставив доверенной горничной письмо с «пакетом в 10 000 золотых рублей» (ныне – около 50 000 долларов США) для нужд четвероногого любимца. Просьба Екатерины Михайловны относилась и к брату Анатолию Долгорукову: «Будь с ним (Сигналом) добрым, скажи им отдать его тебе, чтобы он не чувствовал себя грустным. Он любит тебя».

Не остались забытыми и прочие питомцы, всем им полагалось денежное довольствие. Горничной Виноградовой княгиня завещала собачку Милушку, деньги и многие ценные вещи. Хотя, по свидетельству той же золовки, ещё одного пса, по кличке Гордон, верная горничная взяла себе «в память хозяйки» и содержала безвозмездно, поскольку от былого огромного состояния княгини остались лишь крохи.

О тех удивительных фактах поведал биограф Светлейшей Александр Тарсаидзе. Безусловно, не были забыты Юрьевской и две её дочери: материнское наследство, вернее, всё, что уцелело от него, было завещано им, Ольге и Кате…

«Старые жители Русской Ниццы говорили, что она (княгиня Юрьевская) жила в роскоши, необычной даже для тех времён, – свидетельствует биограф. – Иностранные монархи и российские великие князья во время пребывания в Ницце приезжали с официальным визитом в её особняк на бульваре де Бушаж (de Bouchage). Она жила на широкую ногу, на русский манер; она не умела считать деньги.

Ольга фон Меренберг с сыном-первенцем Александром. Конец 1896 г.

Во время войны было потрачено много денег на организацию в особняке военного госпиталя, а когда ей внезапно прекратили выплачивать пенсию, оказалось, что у неё нет ничего, кроме долгов. Она прожила на пять лет дольше и умерла семидесятичетырёхлетней леди. Её особняк и всё имущество были проданы на аукционе за долги. Затем особняк был реконструирован и превращён в роскошные апартаменты».

Но всё это случится много позже…

А ранее тех печальных событий, зиму 1919-1920-го годов, Ольга Александровна провела вместе с матерью в Ницце. Княгиня-мать приглашала погостить и младшую Катю. Но та отнюдь не пылала желанием встретиться там со старшей сестрой, сухо заметив в ответном письме к матери: «…Надеюсь, что она (Ольга) сейчас не приедет, но она мне вовсе не мешает, если

только ты её можешь выдержать».

Странное послание явствует одно: меж сестёр не было ни дружбы, ни родственной близости. Но особенно остро та неприязнь проявилась после смерти княгини-матери, когда настала пора делить наследство. И нотариус Ниццы официально заверил в доверенности «об отсутствии согласия между наследниками». Между родными сёстрами… Думается, истоки конфликта давние, кроются в младых летах княжон Юрьевских. Так, Катя-младшая однажды обмолвилась: в детстве брат Георгий и сестра Ольга «очень много меня дразнили». Известно, детские обиды живучи…

Ещё дважды после кончины княгини Юрьевской – в 1924-м и 1925-м – супруги фон Меренберг посещают Ниццу. Видимо, к этому времени безымянный фотограф запечатлел семейную чету, прогуливающуюся по знаменитому бульвару де Англетер. Однако всемирно известный курорт стал для Ольги фон Меренберг смертельным: в мае 1925-го в Ницце она опасно заболела и, вернувшись в Висбаден уже тяжелобольной, в августе того же года умерла. Пережив мать всего лишь на три года.

Уже в приюте отдаленном
Я вижу мысленно тебя…

Последним пристанищем для неё, как и для брата Георга, Светлейшего князя Юрьевского, стал русский некрополь близ церкви Праведной Елизаветы на холме Нероберг.

Брат и сестра похоронены рядом. Это захоронение висбаденцы называют могилами «царских детей», ухаживают за ними, испытывая некую гордость, что любимые чада русского императора нашли свой последний предел в их городе.

Могилы «царских детей» в Висбадене. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г.

Мне довелось побывать в том печальном уголке, где вот уже столетие покоятся рядом две мраморные плиты с выбитыми на них именами – Светлейшего князя Георгия Юрьевского и графини Ольги фон Меренберг, урождённой княжны Юрьевской, поклониться их памяти…

Есть надпись: едкими годами
Ещё не сгладилась она.
За чуждыми её чертами
Журчит во мраморе вода
И каплет хладными слезами,
Не умолкая никогда.

Некогда здесь, на висбаденском кладбище, бывал и граф-вдовец Георг фон Меренберг, вспоминая безмятежные дни супружества и горюя о своей потере. Но вряд ли графу приходили на память стихи великого деда, ведь язык, на котором творил Пушкин, увы, был неведом его немецкому внуку…

Из троих детей Александра II и Екатерины в живых оставалась самая младшая дочь Катя. Её судьба, царской дочери, наречённой в честь матери, сложилась оригинальным и весьма нерадостным образом. Но о Кате-младшей рассказ особый.

Катя: из царского дворца в английскую богадельню

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья.

Александр Пушкин

Крымское детство

Как и Ольга, старшая сестра, Катя появилась на свет близ царской Ливадии, на крымской даче в Бьюк-Сарае. В сентябре 1878-го, спустя менее года после победоносного завершения русско-турецкой войны.

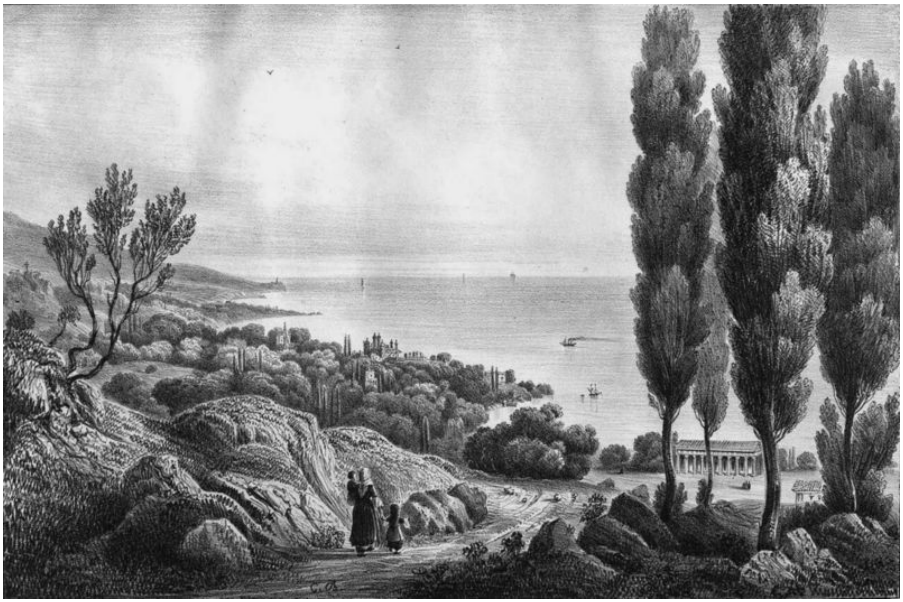
То был счастливый день в жизни её августейшего отца и княгини-матери. Вернее, не один, а целая чреда ясных крымских дней, каждый начинался с приезда императора. Гарцующего самодержца радостно встречала княжна, бежали навстречу отцу с радостными криками дети. Устраивались тихие семейные чаепития, прогулки в цветущем саду. Затем следовал вечерний визит, обычно Александр II приезжал в коляске с верным Рылеевым. В часы отдыха император любил забавляться с детьми. Не забывал он поливать из лейки посаженные им фиалки. Одна из близких к Екатерине Михайловне дам вспоминала: «Государь был доволен, что его собственные фиалки зацвели так скоро и говорил: „Я очень хороший садовник“, смеялся, шутил, сам собирал фиалки и дарил княжне, а потом, когда было много их, княжна собирала в Ливадию Государю, а Государь дарил Государыне свои фиалки…»

Какой удивительный «круговорот фиалок»! Мудрено всё же иметь две семьи, даже для императора… И в то же время Александр умолял возлюбленную Катю не рвать фиалки, не нагибаться и не утруждать её «бедную спину».

Иные чувства владели им, когда писались эти строки Катеньке: «…Ах, как нам здесь спокойно и уютно вместе, и я чувствую, что я, кроме того, привязан к нашему дорогому Бьюк, где в течение трёх лет мы не имели ничего, кроме добрых воспоминаний, и где мы провели такие дни с нашими дорогими детьми, которые нам даны, не иначе как на радость».

Крестили девочку в конце ноября 1878-го в Санкт-Петербурге, в Исаакиевском соборе, а крёстным отцом девочки стал генерал-адъютант Александр Рылеев.

В семье Катю-младшую называли на английский манер – Baby (Бэби). Отец-император надеялся, что девочка будет походить на любимца Гого: «Дорогой пупуся имеет более искренности в своём характере: то, чего я ожидаю от нашей дорогой Baby». Александр называл девочку ребёнком с «весёлым характером».



Крымский пейзаж. Художник К. Боссоли. 1842 г.

Увы, венценосному отцу не дано было видеть, как подрастала и хорошела его маленькая дочь…

Её детская память сберегла дни, когда она с братом Гого и сестрой Оли резвилась вместе с Ксенией и Георгием, а венценосный отец их маленьких друзей Александр III «казался шутливым и добрым Голиафом среди весёлой возни детей». Но не дано было знать тогда девочке, что её мать, Светлейшую княгиню, в свете упрекали за то, что она хочет сблизить своих детей с детьми самого Государя императора и для того специально привозит их в Гатчину, царскую резиденцию.

В детстве, во время визитов в Лондон, Катя-младшая бывала в гостях у Марии Александровны, дочери Александра II, ставшей женой принца Альфреда, герцога Эдинбургского (сына королевы Виктории), и подружилась с их детьми: принцессами Марией, Викторией-Мелитой, Беатрисой. Английские принцессы, с которыми так мило играла Катя и, по её признанию, провела «много счастливого, близкого времени вместе», приходились ей… племянницами.

Портрет детей Александра II и Светлейшей княгини

Юрьевской. Ливадия. Художник К. Маковский. 1880 г.

Заботы о Катеньке, часто болевшей в ранние годы, полностью приняла на себя княгиня-мать: возила на воды, приглашала к девочке лучших врачей и опекала дочь, быть может, даже чрезмерно, поскольку многие из считавшихся опасными развлечений, таких, как верховая езда, ей были запрещены.

Но вот княжна Екатерина из болезненной девочки обратилась в прелестную барышню, и княгиня задумалась о судьбе младшей дочери.

Княгиня Барятинская

В 1900-м Екатерина Михайловна обратилась к императору Николаю II с просьбой оказать ей материальную помощь. При этом посетовала: для младшей дочери нет достойного жениха, назвав то своей материнской «последней заботой».

Да, княжне Кате минуло двадцать два года, она вошла в «брачный возраст», и настало время озаботиться её судьбой. Посему другое письмо княгини-матери летит к министру Императорского двора Владимиру Фредериксу. Светлейшая княгиня уверяет барона: помощь Государя «сильно облегчит с материальной точки зрения заключения брака».

Жених для княжны Кати сыскался – им стал князь Александр Владимирович Барятинский, адъютант герцога Евгения Лейхтенбергского. Свадьбу, и весьма пышную, сыграли в октябре 1901-го во французском Биаррице. В объявлении о предстоящем бракосочетании невеста указана была как Светлейшая княжна Екатерина Юрьевская, однако в скобках значилась и родовая фамилия – Романова.

Александр Барятинский – богатый наследник знатной в России княжеской фамилии. Но у экстравагантного молодого супруга имелось «наследство» иного рода: до женитьбы пять лет он являлся страстным обожателем певицы Лины Кавальери и даже просил Государя дать ему разрешение на брак с итальянской красавицей. Ах, какие волнения разыгрались в семействе Барятинских, ведь младший сын Владимир годом ранее уже связал себя узами брака с актрисой, загубив будущую успешную карьеру, и вот на фамильном горизонте – новый мезальянс!

Княгиня Екатерина Барятинская. 1900-е гг.

Княжна Катя Юрьевская чем-то неуловимым напоминала Барятинскому любовницу, может, оттого, забывшись на время, он увлёкся своей же невестой. Да и аристократические манеры царской дочери пришлись ему по душе.

Но любовные отношения с Линой Кавальери – так совпало, что в год свадьбы князя итальянка дебютировала на петербургской сцене – Александр Барятинский и не думал прерывать. Восторженный князь-поклонник всякий раз, когда под

шум аплодисментов опускался занавес оперного театра, спешил за кулисы – одарить очаровательную Кавальери изысканным драгоценным гарнитуром.

Ты прав, что может быть важней
На свете женщины прекрасной?

Так, досужие журналисты подсчитали: на исполнительнице главной роли «Травиаты» Лине Кавальери сияли и переливались бриллианты, изумруды, жемчуга стоимостью в три миллиона рублей!

Право, драгоценная женщина!

Князь Александр Барятинский, первый супруг Екатерины. 1900-е гг.

В начале минувшего века фотографии красавицы-итальянки, звезды европейских кабаре, украшали не только гостиные русских аристократов, но и скромные жилища простых чиновников. Так, летним днём, после концерта любимицы публики в Крестовском саду, петербуржцы устроили ей нескончаемые овации. После бенефисов Кавальери, настоящих триумфов, сцена утопала в живых цветах, а сама певица подчас становилась владелицей целых состояний!

Снискала европейскую славу Кавальери не только как певица, но и как танцовщица. О её дивной красоте слагались легенды: восторгались божественной фигурой итальянки, исполненной необычайной грацией движений, говорили, что она вся дышала некоей гармонией, оставаясь притом по-детски трогательной и наивной. Красавица Лина блистала на сцене с оперными знаменитостями того времени, в их числе – и с русским Леонидом Собиновым.

Оперная примадонна якобы любила именовать себя «княгиней Барятинской», утверждая при том, что тайно венчалась (!) с князем-поклонником.

LA CAVALLERI

Примадонна Лина Кавальери, любовница князя Барятинского. Фотография.1900-е гг.

Бедная, бедная Катя! Она во всём старалась походить на жгучую брюнетку-соперницу: «выкрасила волосы в цвет воронова крыла и даже носила причёску а-ля Кавальери» (по словам некоей светской дамы), брала уроки пения, делала всё возможное и невозможное, лишь бы привлечь внимание неверного супруга.

А сделать то было неимоверно трудно, ведь Лина Кавальери вовсе не желала отпускать богатого любовника, заключив его в свои цепкие обольстительные объятья. Что оставалось несчастной Кате?! Лишь одно… сдружиться с итальянкой. Более того – наречь её лучшей подругой! Отныне в обществе они часто появлялись втроём: Екатерина, Лина, Александр, а в свете супружество князя иронично нарекли «любовью на троих» – «лямур де труа».

Но любовный треугольник оказался непрочной геометрической фигурой. Он вскоре распался по причине, вовсе не зависящей от «героев» сей мелодрамы: Александра Барятинского, метавшего в азарте карты, словно Божий бич, сразил апоплексический удар.

О много, много рок отъял!

Смерть нежданно застала сорокалетнего князя в прекрасной Флоренции, утвердив тем собственный трагический «сценарий»…

Ранее княгиня Екатерина Барятинская, вместе с мужем бывая в Петербурге, останавливалась в Малом Мраморном дворце на Гагаринской улице, в своей половине, другая же – принадлежала брату Георгию Юрьевскому. Муж Александр не отказывал себе в привычке жить широко, с размахом и роскошью, присущими русским аристократам. Его родственница Мария Барятинская оставила мемуары, назвав в них князя «очаровательным человеком» и «притягательной личностью»: «Единственное, что ему не хватало, так это удачи Рокфеллера. Деньги, казалось, утекали сквозь его пальцы, как вода, и он всегда говорил: „На сегодня хватит“». И заключала, что «приятные манеры и глубокий ум компенсировали его непрактичность».

Известна телеграмма, посланная молодой супругой Катей Барятинской министру Императорского двора: «Получены дурные вести из Парижа, наше положение ужасно. Мой муж в отчаянии». Да, было отчего прийти в смятение: в августе 1903-го с аукциона продавался их парижский дом вкупе со всем имуществом. Долги княжеского семейства имели свойства, подобно катившемуся с горы снежному кому, обращаться баснословными суммами.

Екатерина Александровна решилась ходатайствовать перед молодым Государем Николаем II, подписав своё прошение необычным титулом: «Юрьевская, княгиня Барятинская».

Да и семейный небосклон подчас омрачался тучами: не сложились отношения князя Александра со Светлейшей княгиней Юрьевской, что, впрочем, нередко случается меж зятем и тёщей и в обычных семьях. Так, Барятинского многое раздражало в образе жизни Екатерины Михайловны: он критиковал тёщу за отсутствие должного вкуса, называя обстановку её роскошной виллы «унылым стилем Луи-Филиппа» и «чрезвычайно буржуазным».

Барон Владимир Фредерикс (в центре), к которому обращалась за помощью Светлейшая княгиня, с Николаем II, и великим князем Николаем Николаевичем (справа) в Ставке в Барановичах. 1914 г.

В свою очередь и княгине не нравился образ жизни красавца-зятя, ведь он не только изменял её дочери, но и вовлёк Катю в свои финансовые аферы! «У князя Барятинского здесь за границей несколько миллионов долгу, и по некоторым долгам он выманил подпись и поручительство его жены, моей дочери, – жаловалась на зятя княгиня-тёща в Петербург. – Если Вам это неизвестно, то я сим сообщаю. Целый ряд судебных повесток ожидают его возвращения сюда за границу».

Кроме того, она умоляет барона Фредерикса, чтобы деньги, назначенные дочери в виде пенсиона, перечислялись напрямую дочери Екатерине, дабы её расточительный супруг не мог пустить их на уплату собственных немыслимых долгов.

Ещё за два года до внезапной кончины мота-зятя, корившего тёщу за распускание слухов и сплетен о нём, Екатерина Михайловна взяла на попечение маленьких внуков Барятинских.

…В одночасье сделавшись вдовой, Екатерина Александровна осталась с двумя сыновьями: Андреем, восьми лет от роду, и Александром, пяти лет.

(О судьбе этих внуков Александра II и Светлейшей княгини сведений мало. Известно, что старший, Андрей Александрович Барятинский, получив хорошее образование, какое-то время проживал в Ливии. В браке имел двух дочерей. Ему не суждена была долгая жизнь, скончался князь в 1944 году. Младший, Александр Александрович, ещё в молодости перебрался в США, дважды был женат. В первом браке родилась дочь Марианна, умершая в младенчестве. Второй брак бездетен. Князь Александр Барятинский мирно почил в 1992-м в маленьком американском городке.)

Мария Барятинская кручинилась, видя, какое отчаяние охватило её невестку, бедную Катю, после смерти обожаемого ею, но, увы, ветреного супруга…

Много позже и сама Екатерина оставила о почившем муже трогательные строки: «Мы посвятили себя друг другу, и его смерть, несколько лет спустя лишила меня возлюбленного спутника, чья нежность всегда была готова окружать меня». Всё же она не переставала любить своего беспутного Александра!

Княгиня Оболенская

Молодая вдова с детьми перебралась в Курскую губернию, в родовое имение Барятинских Ивановское, и занялась там хозяйством. Стоит заметить, что не без успеха: так, в своих мемуарах, уже в Англии, она писала, что при умелом управлении

делами сумела сэкономить не одну тысячу фунтов стерлингов.

Княгиня Екатерина Оболенская

Вскоре скончался и свёкор Екатерины, князь Владимир Барятинский. Всё огромное состояние по наследству перешло к

его внукам, юным князьям Андрею и Александру. Однако до их совершеннолетия право распоряжаться им имела маменька, Екатерина Александровна, став опекуншей несовершеннолетних детей.

Вскоре все те семейные хлопоты отошли на второй план: разразилась Первая мировая. Княгиня Барятинская не осталась глухой к народным страданиям – у себя в Ивановском обустроила госпиталь для раненых воинов. Устраивала для них и благотворительные концерты.

Но однажды судьба, сделав крутой вираж, свела её с Сергеем Оболенским. Случилась та встреча с молодым князем, покорившем её сердце (красавец Серж был моложе Екатерины на двенадцать лет) в Крыму. Шёл год 1916-й.

Тогда же, в Ялте, царская дочь ещё раз облачилась в свадебный наряд. Венчалась она в одной из красивейших церквей Крыма – соборе Святого князя Александра Невского.

Думается, выбор храма неслучаен, ведь ялтинский собор возведён в честь небесного покровителя отца невесты, Александра II, павшего от рук террористов. В день десятой годовщины трагедии – 1 марта 1891 года – был заложен первый камень в его основание. В той церемонии приняла участие императрица Мария Фёдоровна. Само же освящение собора – бело-розового храма в русском стиле, сказочно-нарядного: с открытыми галереями, пилястрами, порталами, киотами, шатровым крыльцом – прошло в декабре 1902-го, и торжество почтили своим августейшим присутствием Государь Николай II, царская семья и вся свита.

…Новый избранник Екатерины – князь Сергей Оболенский (с 1913 года – князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий) родился в Царском Селе в октябре 1890-го.

Тотчас на память приходит давний эпизод, что приключился однажды там же с родственником князя – Юрием Нелединским-Мелецким. Юрий Александрович – статс-секретарь при Павле I, тайный советник и поэт. Именно ему заказано было стихотворение в честь бракосочетания принца Вильгельма Оранского с великой княжной Анной Павловной. Однако рифмы не шли на ум бедному князю, и тогда, послушавшись совета Карамзина, он отправился в Царское Село, к лицеисту Александру Пушкину. Буквально через пару часов незадачливый князь-пиит уже держал в руках великолепные стихи «Принцу Оранскому», вышедшие из-под пера кудрявого лицеиста:

Хвала, о юноша герой!
С героем дивным Альбиона
Он верных вёл в последний бой

И мстил за лилии Бурбона.

Позднее князь Нелединский-Мелецкий отзывался о пушкинском гении: «Лёгкость удивительная, мастерская…»

Но вернёмся к тому, кто покорил сердце вдовы-княгини Барятинской. Сергей был старшим сыном княжеской четы: шталмейстера Платона Сергеевича Оболенского-Нелединского-Мелецкого и Марии Константиновны, урождённой Нарышкиной. Получил прекрасное образование в Англии, в престижном Оксфорде.

Георгиевский кавалер князь Сергей Оболенский, второй супруг Екатерины. Художник С. Сорин. 1917 г.

С началом Первой мировой поспешил в Россию, вступив вольноопределяющимся в кавалергардский «Ея Императорского Величества Императрицы Марии Фёдоровны» полк. За храбрость награждён Георгиевским крестом 2-й степени. О подвиге князя красноречиво говорит донесение: 23 мая 1915 года Сергей Оболенский, «вызвавшись охотником, под сильным пулемётным и ружейным огнем противника, отнёс приказание вахмистру фон Адеркасу, к западной опушке поляны у д. Лушно. Исполнив приказание, возвратился с донесением, под продолжавшимся перекрёстным огнем, причём проявил высшую степень хладнокровия и находчивости».

Несмотря на сильную контузию от разорвавшегося снаряда, отважный офицер остался в строю. И лишь позднее, спустя два дня, по приказу командира эскадрона был отправлен в госпиталь.

В июле того же года произведён в прапорщики. На груди бравого красавца-офицера засверкали ордена: Святой Анны 4-й степени и Святого Станислава 3-й степени с мечами. Пополнилось и «собрание» Георгиевских крестов: отныне Сергей Оболенский числился кавалером сразу трёх Георгиев.

Верно, когда, прапорщик Оболенский после тяжелейшей контузии восстанавливал силы в Крыму, и случилось его знакомство с вдовой-княгиней Барятинской.

Ненастные дни октября 1917-го супруги встретили в Петрограде. Екатерина, именовавшаяся уже княгиней Оболенской, лишилась всего: и пенсиона, что она, как царская дочь, неизменно получала от Министерства Императорского двора, и доходов с имения Барятинских. Но главное – отечества. Супругам удалось спастись – в 1918-м они счастливо покинули раздираемую революционными бурями Россию (через Москву и Киев), обретя пристанище в безмятежной Ницце, «под крылом» Светлейшей княгини-матери.

Отношения тёщи с новым зятем изменились кардинально. И всё потому, что Сергей Платонович обожал «старую леди», как он позднее именовал княгиню Юрьевскую, и относился к ней с пиететом: «Она была очень интеллигентна, очень добра, но её жизнь остановилась вместе со смертью императора». Много вечеров Сергей Оболенский провёл в доме обожаемой им тёщи, внимая её рассказам о жизни с императором Александром II, а впоследствии не поленившись запечатлеть их в своих мемуарах.

На фотографии, датированной 1921 годом, все трое рядом: княгиня Юрьевская, её дочь Катя и зять, князь Сергей, мирно

беседуют, улыбаясь, близ виллы, в чудесном саду. Правда, и второй зять княгини, подобно первому, не самым лестным образом отзывался об архитектурных достоинствах жилища Юрьевской, говоря, что трёхэтажный особняк выглядит «так, будто старомодный муниципалитет превратили в обновлённую резиденцию».

Сергей Платонович, вспоминая о детских годах, проведённых им на Ривьере, заметил, что тогда, в начале века, его отец, князь Платон Оболенский, нередко гостил здесь на вилле Светлейшей, сиживал за дружеским обедом или игрой в бридж с самой хозяйкой и её сестрой, графиней Марией фон Берг.

То счастливое время званых обедов и светских утех безвозвратно кануло, и супругам Оболенским, потерявшим в России былые богатства, надлежало задуматься о будущем. А оно не сулило прежних радостей. И тогда Сергей Платонович принял решение перебраться в Лондон, памятуя о некогда безмятежной жизни в Англии, учёбе в Оксфорде и друзьях-англичанах, готовых помочь ему обосноваться с семьёй на берегах Туманного Альбиона.

Помимо житейских забот, князем Оболенским всё более овладевало новое чувство – он охладел к жене, и в поздних мемуарах признавался: «Наш брак был обманом чувств, случившимся из-за военного времени, быстрой и сильной романтической привязанностью, которую желали оба в краткий миг отчаянного спокойствия… Почти сразу после бегства из России стало ясно, что наш брак невозможен».

Увы, не стало счастливым для Екатерины и второе супружество – её вновь ожидал крах в личной жизни: разрыв с Сергеем случился в 1922-м, очень тяжёлом для неё году. А уже в следующем, 1923-м, её дорогой Серж получил в Лондоне развод. И вскоре женился на Аве-Элис-Мюриэль Астор, дочери миллионера и наследнице огромного состояния.

Отец американской барышни, Джон Джекоб Астор IV, происходил из богатой и известной семьи. Был крупным бизнесменом и даже писателем. Погиб в апреле 1912 года, во время крушения «Титаника». Числился самым богатым пассажиром на борту круизного лайнера, ведь его состояние оценивалось тогда в восемьдесят семь миллионов долларов, что ныне составило бы более двух миллиардов.

Тотчас после столкновения лайнера с айсбергом он поспешил усадить жену с горничной в шлюпку. В последний раз Астора видели живым, когда он спокойно стоял на шлюпочной палубе, наблюдая за всеобщей паникой и неразберихой.

…Тело американца обнаружили спустя семь дней после

катастрофы. В карманах синего саржевого костюма полицейские обнаружили две с половиной тысячи долларов, несколько сотен фунтов стерлингов, золотой карандашик и голубой платок с инициалами владельца. На руке погибшего по-прежнему сияли на массивном перстне крупные бриллианты, а манжеты рубашки всё ещё скрепляли бриллиантовые запонки… Стрелки на золотых часах миллионера замерли в тот самый ночной час, когда «Титаника» поглотили ледяные воды Северной Атлантики.

Так уж исторически сложилось, что Сергей Оболенский не был знаком ни с первым своим тестем, императором Александром II, ни со вторым…

В русско-американском семействе родились сын Иван, в будущем – финансовый аналитик и деятель эмигрантского движения, и дочь Сильвия. Благодаря весьма удачному второму браку князь Оболенский сделал неплохую карьеру, став вице-председателем совета Hilton Hotels Corporation, американской гостиничной компании «Хилтон».

Кстати, вместе с ним ниву гостиничного бизнеса «вспахивал» и эмигрант из Тифлиса Александр Тарсаидзе, будущий биограф Светлейшей княгини.

Ну а её оставленная дочь с горечью писала в год, когда бывший муж обрёл новое счастье: «…Я была теперь бедна, так что крепкая любовь казалась абсурдом! Мой муж, бедный мальчик, не смог пройти этот тест».

Поистине несчастная Катя! Ко всем женским горестям добавилась и бедность, что неотвратимо надвигалась на неё и детей, а матери, готовой помочь ей, любимице-дочери, уж не было на белом свете. Свой тест, предложенный ей судьбой, Екатерина проходила в гордом одиночестве, пытаясь не поддаваться отчаянию и стойко противостоять несчастьям. «Я борюсь одна, – размышляла она, – и моя гордость не позволяет просить помощи кого бы то ни было, и конечно, те, кто могут критиковать меня не чувствовали настоящего голода, как я, или не спали на голых досках, когда всё тело ноет от тяжёлой работы и холода».

Воистину прав был классик, утверждая: «Кровь – великое дело»!

В чём же причина, вызвавшая нападки недоброжелателей Екатерины Александровны, о коих она упоминает? В том, что она, царская дочь, унизилась до того, что стала выступать с концертами в Лондоне, в Монте-Карло и Ницце. А на броских афишах, дабы привлечь падкую на сенсации публику, указывала свой прежний девичий титул: Светлейшая княжна Юрьевская.

Через столетие долетел голос одного из тех злопыхателей:

«…Присвоила себе имя княгини Юрьевской. И для какого дела? Чтобы выступать на сцене мюзик-холла в Лондоне и в качестве „дочери императора“ делать рекламу какого-то „укрепляющего продукта“ в колонке „Таймс“».

Репертуар певицы насчитывал боле двухсот песен на нескольких языках: английском, французском, русском и итальянском! И она часто выступала, имея немалый успех.

Что ж, концертной деятельностью Екатерине Александровне пришлось заняться ещё ранее, при жизни матери и будучи ещё женой красавца Сержа. Вот её письмо, адресованное матери в Ниццу в ноябре 1921-го:

> «Мамочка моя дорогая!
>
> Наконец избавилась от моего концерта. Всё прошло очень хорошо. Публика отнеслась ко мне с огромным энтузиазмом, денежный успех пять тысяч франков за один концерт. Это очень хорошо. В воскресенье 27-го я опять пою на концерте. Тоже веду разные переговоры, не знаю пока, что выйдет из этого. Намерена я приехать в Ниццу ко дню именин и радуюсь очень быть с моей мамой дорогой.
>
> …Боюсь, что пребывание троих, Оли, дочь её (речь идёт о племяннице-графине Ольге-младшей. – *Л.Ч.*) и я, слишком дорого обойдётся для тебя, правда, что из экономии я больше не обедаю, так что можно меня кормить только раз в день к завтраку и к ужину кофе, и больше ничего мне не надо. Дорого тебе не будет стоить, так как приеду сюда одна на свои деньги, я ещё тебе должна 20 франков, которые ты мне одолжила».

Как больно читать эти строки! Даже в самом насущном – простом обеде, и то вынуждена себе отказывать Екатерина Александровна. Да и в семейной жизни её наметился явный разлад, коль она сообщает матери, что прибудет к ней одна.

Собор Святого Александра Невского в Ялте, где венчалась Екатерина с князем Оболенским в 1916 г.

…А бывший муж с успехом покорял Америку. Дела его шли в гору, гостиничный бизнес приносил немалый доход. Но вот разразилась Вторая мировая. Князь Сергей Оболенский, вспомнив боевое прошлое, не остался в стороне: подал прошение – зачислить его в армию США.

Ему уже перевалило за сорок, но георгиевский кавалер Оболенский овладел новыми боевыми навыками: научился водить танк, управлять катером, прыгать с парашюта, стрелять из многих видов оружия. Настоящий князь-супермен!

Американцы привлекли русского офицера к работе в Управлении стратегических служб, где тому надлежало готовить диверсантов для заброски их во вражеский тыл. То была первая объединённая разведывательная служба США, созданная в годы Второй мировой, а в послевоенное время плавно переросшая в… ЦРУ. Вот он, настоящий «русский след» в истории зловещей американской спецслужбы! Ну а тогда, во время войны, князем Оболенским владели вполне благородные идеи – бороться с нацизмом.

Одна из тех его давних удачных операций: он, задействовав французских партизан, сумел нарушить планы гитлеровцев, пытавшихся при отступлении взорвать крупную электростанцию

во Франции. За что и был награждён орденом.

Другая, ещё более дерзкая операция. После свержения Муссолини в сентябре 1943-го Оболенский высадился на Сардинию, средиземноморский остров меж Сицилией и Корсикой, с отрядом всего лишь из… трёх человек. Там сумел наладить контакт с итальянским генералом Антонио Бассо, главнокомандующим войсками на острове – ста тридцатью тысячами бойцов. Сергей Оболенский передал итальянцу – Антонио Бассо являлся ещё гражданским комиссаром на Сардинии – послания от Дуайта Эйзенхауэра (тогда – генерала американской армии, а в будущем – президента США), итальянского короля, и склонил Бассо перейти на сторону союзников. Операция по освобождению Сардинии считалась образцовой.

Князь Оболенский гордился и своим негласным титулом – «самого возрастного парашютиста в США».

Островитянка

Ну а оставленная жена князя-супермена продолжила в одиночку сражаться с жизненными невзгодами. Катя-младшая не пала духом, всеми силами пытаясь выкарабкаться из разверзшейся перед ней финансовой пропастью. Вот курьёз судьбы – былая соперница, красавица-певица Кавальери, будто обратилась её наставницей. Более того – спасительницей! Ведь уроки пения Екатерина, тогда ещё княгиня Барятинская, стала брать, когда вступила в борьбу с оперной дивой за сердце мужа Александра.

Однако концерты не спасли Екатерину Александровну от разорения и нищеты. Она окончательно перебралась в Англию, где на остаток средств приобрела небольшой особняк в графстве Хэмпшир на острове Хэйлинг, что у южного побережья Англии, к востоку от Портсмута. Да и врачи настоятельно советовали ей морской климат для укрепления здоровья.

Жила скромно, вдали от светской суеты. Лишь единожды, в ноябре 1934-го, княгиню пригласили в Лондон, в Вестминстерское аббатство, на придворное торжество: венчание принцессы Марины Греческой и Датской, её внучатой племянницы, с принцем Джорджем, герцогом Кентским.

В следующем году известный политик-консерватор Генри Ченнон решил нанести визит Екатерине Александровне. Британского политика поразила убогость обстановки и то, что жила бывшая Светлейшая княжна на «ужасной вилле под названием „Гавань“…; недалеко море, мир, бедность и пекинес!»

Заметив, что это всё, «что осталось ей от её романовского величия».

Княгиня Екатерина Оболенская с любимцем-пекинесом. Фотография 1930-х гг.

Впрочем, море (в жизни княгини были Чёрное, Средиземное, Северное моря, – точнее, несущий воды Северного моря пролив Ла-Манш) и верный пёсик-пекинес, – не так уж и мало. А что ещё нужно для тихого бытия в старости?! И для отрадных сердцу воспоминаний…

С бедностью же помогала бороться… английская королева. Жила княгиня благодаря пособию от неё, Марии Текской, супруги короля Георга V. Королева Мария Текская – мать английских монархов Эдуарда VIII и Георга VI, бабушка недавно почившей Елизаветы II. Королева Мария поддерживала августейшего мужа, кузена последнего русского императора, в годы Первой мировой войны. В 1936-м, овдовев, стала именоваться королевой-матерью.

Затем всячески помогала своему второму сыну, королю Георгу VI, но ей, увы, предстояло пережить и его…

Перед кончиной старая королева тревожилась, что из-за её смерти… перенесут коронацию любимой внучки Елизаветы. О

Марии писали, что «она выше политики, великолепная, с чувством юмора, мирская, и в то же время возвышенная… но всё же Великая Королева!»

Так что после смерти своей коронованной благодетельницы в марте 1953 года Екатерина Александровна осталась без средств – ей пришлось продать всё имущество и переселиться в дом престарелых, что на том же острове Хэйлинг.

Декабрьский день 1959 года стал последним в судьбе Екатерины Александровны, носившей звучные княжеские титулы: Юрьевской, Барятинской, Оболенской. Её жизнь, имевшая прекрасное начало в роскошных царских покоях, печально завершилась в доме престарелых – унылой английской богадельне…

Взлелеяны в восточной неге,
На северном, печальном снеге
Вы не оставили следов:
Любили мягких вы ковров
Роскошное прикосновенье.

Земной путь царской дочери: от яркого южного Крыма до северного и безрадостного Хэйлинга…

Королева Мария, благодетельница царской дочери, с мужем, английским королём Георгом V. Фотография. Начало 1930-х гг.

А Сергею Оболенскому, сердцееду, предстояла ещё долгая жизнь, полная любовных приключений. Известность в свете принёс ему и страстный роман с балериной Тилли Лош. Однажды американский фотограф запечатлел его танцующим с обольстительной Мэрилин Монро! Отпраздновав своё восьмидесятилетие, князь… женился в третий раз. Новой его супругой на сей раз стала американка Мэрилин Фрэйзер Уолл.

Последние свои годы князь Оболенский провёл в богатом пригороде Детройта – Гросс-Пойнте. Там в сентябре 1978-го и застала его, успешно примерявшего на себя столь различные маски – русского кавалергарда и бизнесмена, мемуариста и американского полковника – всемогущая разрешительница-смерть. Почти на двадцать лет он пережил первую свою жену, Екатерину Александровну.

…За катафалком, что двигался к кладбищу Святого Петра, затерянному на севере острова, в скорбной процессии шли, склонив головы, лишь двое близких «русской принцессе», как её называли англичане, людей: бывший муж, князь Сергей Оболенский, и племянник, Светлейший князь Александр Юрьевский.

Часть III. Швейцарские страницы

Сокровища Романовых

Дороже злата…

Александр Пушкин

Князь Александр

Ну а что же единственный наследник безвременно почившего князя Георгия Юрьевского, внук российского императора? Маленький Саша оказался вне любовных перипетий своих родителей – судьба его, увы, не волновала ни мать, ни отца. Вначале мальчик рос у бабушки с материнской стороны, графини Агриппины Зарнекау, но недолго. А затем воспитанием брошенного, по сути, на волю судьбы Александра занялась другая его бабушка – княгиня Екатерина Юрьевская. На вилле в Ницце, где мальчик был окружён её заботами и любовью, прошло детство и отрочество.

На многие годы Александр сохранит о Светлейшей княгине поистине светлую память, ведь бабушка сумела заменить родную мать, так легкомысленно оставившую его, кроху-сына. Екатерина Михайловна мечтала определить питомца-внука в престижный Пажеский корпус, дабы в будущем он стал блестящим офицером русской армии. С этой благой целью она привезла Сашу в Петербург, но внук не выдержал экзамены: мальчик с трудом тогда говорил по-русски.

Светлейшая княгиня приняла решение отправить мальчика с нечуждой ей семьёй великого князя Михаила Михайловича и графини Софи де Торби в Англию, дабы там, под их присмотром, он смог получить достойное для царского внука образование.

Светлейший князь Александр Георгиевич Юрьевский с женой и сыном Георгом. Швейцария. Конец 1960-х гг.

…Князю Александру Георгиевичу была ведома запись в метрической книге русской церкви в Ницце, где его крестили младенцем. В графе о родителях значилось: «Поручик Лейб-Гвардии Его Величества полка Светлейший Князь Георгий

Александрович Юрьевский и законная его жена Светлейшая Княгиня Юрьевская Александра Константиновна, рождённая графиня Зарнекау, оба Православного вероисповедания». Крёстными родителями именовались «Его Высочество Принц Константин Петрович Ольденбургский и Светлейшая Княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская».

Проставлен день – 23 декабря 1900 года. Остались имена и тех, кто совершал таинство крещения: «Протоиерей Сергей Любимов с дьяконом Александром Селивановым и псаломщиком Фёдором Снегирёвым».

В той старой и первой на Лазурном Берегу православной церкви венчались и родители князя Александра.

…Александру Георгиевичу на все восемьдесят семь лет его долгой земной жизни дано было принять титул Светлейшего князя Юрьевского. Выпускник колледжа Святой Екатерины при Кембриджском университете, он заслужил звание великолепного переводчика. А также – сведущего преподавателя русского, французского и английского. И, видимо, настолько увлёкся любимым делом, что даже и не помышлял о женитьбе. Как знать, не семейные ли распри, в кои он был вовлечён с раннего детства, не позволяли ему грезить о семейном счастье?!

Пройдёт время, и немолодой уже князь Александр Юрьевский встретит обаятельную барышню Урсулу-Анн-Мари, урождённую Беер фон Грюнек. И она покорит его прежде неприступное сердце своим милым обликом, начитанностью и эрудицией. С избранницей-швейцаркой Александр Георгиевич венчался по православному чину в парижском кафедральном соборе Святого Александра Невского в декабре 1957-го. Через четыре года в семье родился наследник – сын Георгий (Ганс-Георг).

Император Николай II с Цесаревичем Алексеем, который был другом по детским играм Александру Юрьевскому. 1913 г.

Между имперским Санкт-Петербургом, где в Зимнем дворце появился на свет сын русского царя, и швейцарским городком Санкт-Галленом, ставшим родиной его внуку (и полному тёзке!), пролегло без малого столетие.

До женитьбы князь Александр жил то в Англии, то во Франции, но, став человеком женатым, обосновался в благословенной мирной Швейцарии.

Супруги Юрьевские мечтали о создании частной школы для детей в горах Швейцарии и приложили немало усилий, чтобы завершить свой проект. Но смерть Светлейшего князя внесла свои «коррективы» – Александр Георгиевич скончался в феврале 1988-го и был похоронен в Меннедорфе, городке близ Цюриха.

Сын Георг решил исправить историческую несправедливость: отец – внук русского царя – должен покоиться в России. И в мае 2010-го прах родителей будет перезахоронен в Царском Селе. В родовой усыпальнице князей Юрьевских, что на Казанском кладбище…

Александр Георгиевич Юрьевский, никогда не бывавший в России, всё же достиг пределов родной ему страны, чтобы остаться в ней навечно.

Из фамильной летописи

Единственный сын Светлейшего князя, Георг Юрьевский, живёт в Швейцарии.

Георг не владеет русским, в отличие от покойного отца. Александр Георгиевич, знавший в совершенстве язык русских предков, опасался, и вполне резонно, не только за свою жизнь (были основания полагать, что советские спецслужбы готовят физическое устранение его, внука Александра II), но и за жизнь единственного сына. Вероятно поэтому, в семье был наложен строжайший запрет на все разговоры с Георгом о России и августейших предках. Фамильные тайны поведала мальчику мать, увлечённо изучавшая генеалогию династии Романовых. Она и рассказала сыну, что его отец, Светлейший князь Александр Георгиевич был товарищем детских игр несчастного цесаревича Алексея, сына Николая II…

Светлейший князь Георг Юрьевский у портрета прадеда Александра II. Майлен. Фотография Л.А. Черкашиной. 2005 г.

Уже позже Георгу довелось прочесть воспоминания великого князя Александра Михайловича, написанные им в эмиграции, где есть любопытные строки о его дедушке:

«…К концу обеда гувернантка ввела в столовую их троих детей.

– А вот и мой Гога! – воскликнул гордо император, поднимая в воздух весёлого мальчугана и сажая его на плечо. – Скажи-ка нам, Гога, как тебя зовут?

– Меня зовут князь Георг Александрович Юрьевский, – ответил Гога и начал возиться с бакенбардами императора, теребя их ручонками.

– Очень приятно познакомиться, князь Юрьевский! – шутил Государь. – А не хочется ли вам, молодой человек, сделаться великим князем?

– Саша, ради Бога, оставь! – нервно сказала княгиня.

Этой шуткой Александр II как бы пробовал почву среди родственников по вопросу об узаконении своих морганатических детей. Княгиня Юрьевская пришла в величайшее смущение и, в первый раз забыв об этикете Двора, во всеуслышание назвала своего супруга уменьшительным именем».

Мемуарист упоминает о трёх царских детях, что ввела гувернантка в парадную столовую. Значит, августейшим родственникам был представлен не только маленький князь Гога, но явлены и две его сестры-княжны, Оля и Катя.

Фамильная хроника особо стала занимать Георга Юрьевского, когда он впервые оказался в России в августе 1991-го. Вместе с легендарным бароном Эдуардом Фальц-Фейном, давним другом семьи, поручившимся матушке князя за его безопасность. Георг стал участником Первого съезда зарубежных соотечественников в Москве. И свидетелем последних дней бывшей империи социализма – Советского Союза.

Светлейший князь Георг Юрьевский с женой Катариной на берегу Цюрихского озера. Фотография Л.А. Черкашиной. 2005 г.

С тех пор история далёкой прародины стала Георгу небезразлична. Проснулся интерес и к русскому языку, – тем более что в его семье знанию языков традиционно уделялось большое внимание: дед в совершенстве владел семью иностранными языками, отец – пятью. В арсенале князя – немецкий, французский и английский.

Раритеты князей Юрьевских

Мне выпала редкая судьба – быть знакомой с правнуком царской четы, князем Георгом Юрьевским. Самым близким ныне по крови и к самодержцу Александру II, и к Светлейшей княгине Екатерине Юрьевской.

Вспоминаю первую встречу с ним. Случилась она в Швейцарии, где я, журналист «Русского искусства», должна была расспросить князя о фамильных сокровищах – иконах, картинах, памятных вещицах, вывезенных его прабабушкой-княгиней из России.

Увидев на пороге гостиничного номера моего гостя, я чуть не лишилась дара речи: передо мной стоял… сам Александр II! Молодой император, будто сошедший с парадного портрета: та же стать и величественность позы, тот же взгляд серо-голубых, словно стеклянных глаз, пристальный и строгий. Правда, на «императоре» не было ни парадного мундира с орденами и лентами, ни царской мантии, а одет он был в элегантный костюм,

отвечавший моде нынешнего двадцать первого века.

Позже узнала, что, будучи в Петербурге, Георг Юрьевский по просьбе сотрудников Эрмитажа примерил мундир Александра II, вызвав тем всеобщий восторг: мундир сидел на нём как влитой. Будто и шит был не на русского монарха, а на него, неведомого царского правнука!

Ещё долго не могла я отделаться от ощущения, что времена мистическим образом преломились, и мне даровано видение «царской тени». Однако Георг Юрьевский, красивый и атлетически сложенный, на «тень» вовсе не походил, зато удивительно был схож с венценосным прадедом – всё же сильны «романовские гены»! Ну не чудо ли, через столетия встретиться с самим императором?! Похожее чувство потрясения и восторга испытала некогда я при знакомстве с правнуком русского гения Григорием Пушкиным, будто «ожившим» автопортретом поэта…

Георг Юрьевский оказался человеком не заносчивым, напротив – открытым и доброжелательным. Он приехал для встречи со мной в маленький отель Hirschen, что примостился на берегу живописного Цюрихского озера, в сопровождении молодой жены Катарины. Очаровательная избранница Георга блестяще владеет русским. Более того, изучает старославянский язык в Цюрихском университете.

Князь статен. Он замечательный теннисист, был в числе руководителей сборной Швейцарии на Паралимпиаде 1984 года. Дипломированный ныряльщик-спасатель. Но сфера его профессиональных интересов иная: выпускник юридического факультета Цюрихского университета, он возглавляет несколько компаний, связанных с компьютерным обеспечением.

Георг сдержан, немногословен. Однако внешняя холодность князя сразу исчезает, стоит лишь коснуться русской темы. Разговорились. Семейный архив, накопленный десятилетиями, огромен, и Катарина уже приступила к его систематизации. Кроме неё, вряд ли кто-либо сможет разобрать записи на русском. И вполне вероятны новые, быть может, сенсационные, открытия.

Но меня ждало разочарование. Супружеская чета Юрьевских переезжает в новый дом, и вся фамильная коллекция упакована. Неужели я услышу вежливый отказ?! И вновь милая Катарина приходит мне на помощь.

– Я постараюсь найти самые интересные семейные раритеты и привезти их вам.

И вот уже на следующий день из чёрного лимузина, подкатившего к гостинице, Георг достаёт огромный холст, помещённый в футляр, а Катарина, следом за мужем, вносит на террасу небольшую картонную коробку.

Как профессиональный архивист, она бережно снимает слои папиросной бумаги, и взору предстаёт тарелка старинного мейсенского фарфора. По краям – изящный декор из полевых цветов, в центре – сценка из галантного восемнадцатого века в духе Антуана Ватто: увлечённые беседой дама и кавалер в романтическом пейзажном окружении…

История этой тарелки известна доподлинно и достойна пера великого Андерсена. Возможно, она единственная, уцелевшая из роскошного сервиза, что король Саксонии Иоганн преподнёс русскому монарху Александру II в сентябре 1872-го. (Как символично, ведь это же год рождения любимца императора – сына Георгия!) Ещё два подобных сервиза – каждый рассчитан на четыреста персон, и над королевским заказом трудились лучшие мастера Мейсена с лупой в руках в течение тридцати лет! – были подарены императору германскому Вильгельму I и императору Австро-Венгрии Францу-Иосифу. Тогда, в Берлине, на «Встрече трёх императоров», европейские монархи пришли к согласию и пониманию по всем актуальным политическим вопросам.

«Свидетельницей» столь важного исторического события суждено было стать хрупкой фарфоровой тарелке из сервиза русского царя с легкомысленной галантной сценкой!

Ещё один фарфоровый шедевр – тарелка с изображением батальной сцены. Бравые пехотинцы то ли отражают неприятельскую атаку, то ли штудируют боевые приёмы. Золотая глазурь по краю с геральдическим орнаментом великолепно гармонирует с чёрными мундирами гвардейцев и нежно-голубым фоном росписи.

На оборотной стороне – царское клеймо: герб императора Николая I и дата – «1834». В том знаменательном для Дома Романовых году наследник престола, великий князь Александр Николаевич, в Георгиевском зале Зимнего дворца принял династическую присягу! По сему торжественному случаю в Северной столице Российской империи гремели праздничные балы. И велика вероятность, что золотая тарелка, поставленная передо мной на обыкновенный ресторанный столик, входила в парадный сервиз, подаренный августейшим отцом сыну-наследнику в особо памятный для него день совершеннолетия!

Два образка-медальона из коллекции князя Юрьевского с изображениями Спасителя и Пресвятой Богородицы с Младенцем. Обрамление – изящные серебряные овалы, оборотная сторона медальонов обтянута чёрным бархатом. История их появления в семье неизвестна, но Георг знает, что святые образки принадлежали отцу, а тому могли достаться лишь от бабушки, Светлейшей княгини Юрьевской.

И вот, наконец, самое волнующее мгновение: князь раскрывает картину в тяжёлой золочёной раме. Сняты «защитные одежды», и на живописном холсте предстаёт Его Величество Государь Александр II!

Неизвестный прежде парадный портрет русского царя! Император – верхом на белом арабском скакуне. Его лицо, представленное в профиль, сурово и спокойно. Лик победителя! Портрет написан неизвестным художником в 1878-м – победоносном для русского оружия году. Русско-турецкая война окончена, святое дело освобождения братьев-болгар от османского ига счастливо завершено.

Через плечо императора переброшена голубая муаровая орденская лента, левой рукой в белой перчатке он придерживает поводья гарцующего коня, правая опущена. Тон портрета голубовато-холодный, приглушённый, и лишь ярко-красный цвет рейтуз императора с золотыми лампасами да далёкое, едва различимое зарево пожара привносят трагический оттенок в чётко выверенную живописную композицию. И ещё одна необычная деталь предстаёт глазу – высокий белый султан на каске императора и поднятый «фонтаном» хвост арабского жеребца, будто объединяют всадника и коня.

Кто знает, сколько молитв было вознесено перед этим портретом Светлейшей княгиней?! Сколько слов любви обращено к лику незабвенного супруга и сколько пролито слёз? Она не расставалась с бесценным подарком своего Александра до самой кончины…

Светлейшая княгиня была великой любовницей, но сумела стать и великой вдовой. Некоронованная императрица в нимбе святого вдовства. Хранительница памяти возлюбленного супруга, она сберегла живописные полотна и акварели, запечатлевшие его дорогой облик, фамильные реликвии, что хранили тепло его рук. Русские иконы, фарфор, картины, книги на исходе девятнадцатого столетия отправились вместе с ней в её добровольное изгнание, чтобы в двадцать первом волею прихотливой судьбы оказаться в Швейцарии.

И как не вспомнить вещие слова Александра II, увы, почти забытые ныне: «Мы должны всегда сохранять нашу национальность, наш отпечаток, и горе нам, если от него отстанем; в нём наша сила, наше спасение, наша неподражаемость».

«Под патронатом Его Высочества»

Мне повезло сделать уникальный снимок: князь Георг рядом

с парадным портретом его августейшего прадеда.

В коллекции князя есть и другие редкие изображения Александра II. Несколько лет они находились на выставке в России, в Государственном музее-заповеднике «Царское Село». Экспозиция так и называлась: «Александр II и Царское Село».

Иллюстрированный каталог, подаренный мне князем, предваряют строки: «Выставка проходит под патронатом Его Высочества князя Георгия Александровича Юрьевского». И обращение самого князя: «Я искренне рад, что после долгих лет умолчания и поругания доброе имя моего прадеда, Императора Александра II, возвращается в Россию. Убеждён, что многогранная личность Царя-Освободителя может и должна быть востребована нашей современной жизнью…»

Ах, как торжествовал бы император, доведись ему услышать те слова правнука!

Редко вспоминают, что царствование Александра II ознаменовано великими реформами не только в политической и общественной сферах России, но и в её художественной жизни: в год восшествия Государя на престол основана знаменитая Третьяковская галерея, много позже переданная в дар Москве, создано Товарищество художников-передвижников.

Автор книги Л.А. Черкашина и князь Георг Юрьевский на съезде соотечественников в Москве. 2008 г.

Да и сам Государь не чуждался изобразительного искусства, в годы юности слыл неплохим рисовальщиком. Так что выставка в Царском Селе – ещё и дань памяти русского монарха как знатока и коллекционера отечественной живописи, тонкого ценителя её самобытности.

Но и в литературном мире при императоре Александре свершился настоящий взлёт, и, как заметил тонкий критик и публицист князь Дмитрий Святополк-Мирский: «Царствование Александра II было эпохой великих литературных свершений, золотым веком русского романа. В ту пору были написаны почти все великие произведения русской художественной литературы – от тургеневского „Рудина“ и аксаковской „Семейной хроники“ до „Анны Карениной“ и „Братьев Карамазовых“».

Экспозиция в Царском Селе рассчитана была всего лишь на год, но зрительский интерес к ней настолько велик, что срок её закрытия постоянно переносился, и раритеты из собрания князя Юрьевского надолго обосновались здесь.

Их путешествие во времени и пространстве продолжается, словно в фантастической карточной колоде кто-то перетасовал страны, времена и города: Санкт-Петербург выпал с Ниццей, Париж – с Петергофом, Царское Село – с Цюрихом…

Наверное, самый редкостный в коллекции правнука русского императора – акварельный портрет великого князя Александра Николаевича в восточном костюме, с тюрбаном на голове. И как тут не вспомнить, что и его августейший отец, император Николай I, в молодости, будучи великим князем, являлся на придворные балы и маскарады в костюме индийского принца.

Другой необычный экспонат, привезённый из Швейцарии, – медный эполет дворцового персонала княгини Екатерины Юрьевской с изображением фамильного герба. Герб Светлейших князей Юрьевских с девизом «За веру, царя и отечество» был лично разработан императором Александром II и утверждён им в январе 1881-го.

Есть у Швейцарии особая миссия: будто кто-то неведомый доверил ей сокровища России, и она хранит русский арт-генофонд, подобно самому надёжному швейцарскому банку. Увидеть потаённые шедевры почти так же невозможно, как выведать тайну банковского вклада или рассекретить шифр сейфового замка.

Редкостная коллекция русского искусства. История её возникновения началась с… любви. Да, да, именно любовь как первооснова стала великой собирательной и спасительной силой.

Прихотливо распорядилась судьба: ныне в Цюрихе, одном из центров европейского искусства, где в музеях собраны шедевры

великих итальянцев и средневековая немецкая скульптура, живопись старых голландцев и французских импрессионистов, хранится уникальная частная коллекция, навечно соединённая с именами русского императора Александра II и его возлюбленной супруги. И драгоценный фарфор, и живописные полотна, и святые образа, что некогда взяла с собой из России Светлейшая княгиня, не погибли в пламени мировых войн, не рассеялись по свету небрежением потомков, не затерялись в неведомых частных коллекциях. Словно для того, чтобы ещё раз подтвердить великую истину: Любовь хранит всё!

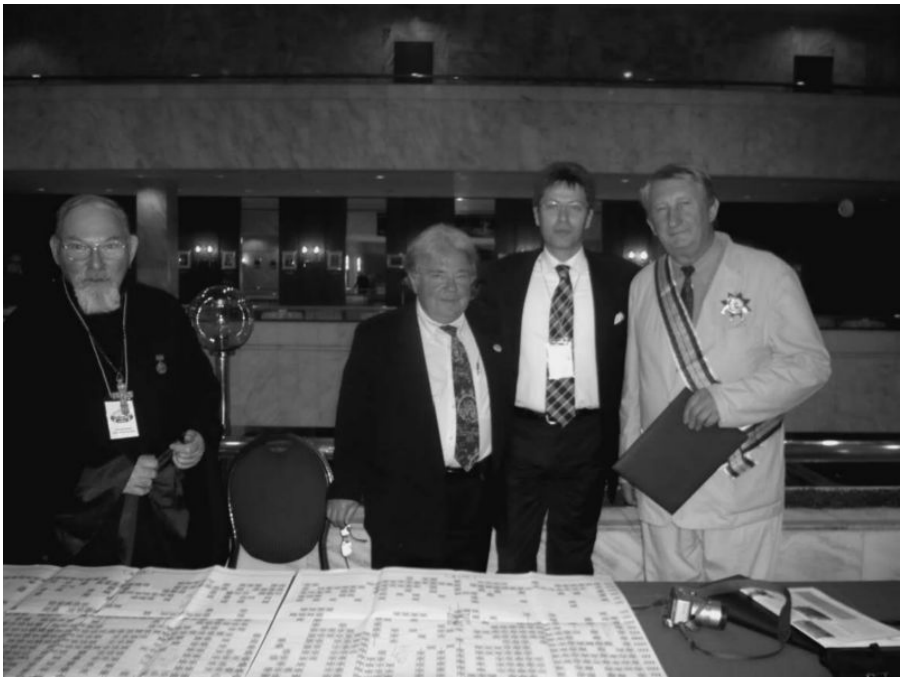
…Князь Георг Юрьевский – частый гость в России. Особо памятен ему год 2005-й: тогда в Москве, в святом сердце столицы, близ храма Христа Спасителя, был воздвигнут памятник Александру II, и его, правнука императора, пригласили в российскую столицу на торжество открытия.

Знаю, что не столь давно Георг Юрьевский расстался со своей Катариной и венчался с новой избранницей – Сильвией, принявшей в православии иное имя. Верно, любовные страсти, что бушевали некогда в сердце его августейшего прадеда, не покинули и наследника самодержца: подобно ему Георг вторично сочетался узами брака.

Венчание прошло в русской православной церкви в Цюрихе, и молодые держали в руках фамильные иконы Казанской Божьей Матери и Христа Спасителя – те самые, что давным-давно Светлейшая княгиня взяла с собой, покидая Россию. На церемонию венчания в Цюрих съехались представители многих аристократических русских и иностранных семейств. В их числе и супруги Куликовские: Павел и Людмила.

Появление Павла (Пола) Эдуардовича Куликовского на том свадебном торжестве весьма символично, ведь он – правнук великой княгини Ольги Александровны, младшей дочери Александра III, и, быть может, единственной из Романовых, испытывавшей чувство уважения к отвергнутой ими Екатерине Юрьевской и верившей в её безграничную любовь к мужу-императору.

…Вновь мне довелось встретиться с Георгом Юрьевским в Москве, на конференции «Соотечественники – потомки великих россиян». В столице собрались тогда наследники славных фамилий Трубецких, Васильчиковых, Лобановых-Ростовских, Столыпиных, Шаховских. Их именитых прадедов и прапрадедов связывали прежде светские, служебные и зачастую родственные отношения. «Дворяне все родня друг другу» – поэтическая строка, обратившись родословным девизом, остаётся верной на все времена.



Наследники славных фамилий: протоиерей Николай Солдатенков (Франция), Александр Пушкин (Бельгия), князь Георг Юрьевский (Швейцария), князь Александр Трубецкой (Франция). Фотография Л.А. Черкашиной. 2008 г. Публикуется впервые.

Думается, неслучайно наследники исторических фамилий собрались в возрождённой усадьбе «Царицыно». Далёкие потомки императрицы Екатерины Великой, чьей державной волей явились здесь величественные дворцы, каскады прудов с замысловатыми мостами, князь Георг Юрьевский и Клотильда фон Ринтелен, дружески беседовали с родственниками: супругами Александром и Марией Пушкиными из Бельгии; Анной Тури, урождённой Воронцовой-Вельяминовой, из Италии; Николаем Васильевичем Солдатёнковым, наследником Пушкина и Гоголя, из Франции.

Знаменательно, что впервые в истории современной России встретились Пушкины и Романовы! Знакомства, радость обретения новых друзей… Но Георг Юрьевский казался чем-то огорчённым: «Жаль, что не пригласили в Москву моих добрых приятелей Лорис-Меликовых. Ведь они единственные потомки русского гения – Пушкина в Швейцарии!»

Часы с горным пейзажем

Итак, Швейцария, красивейшая страна, странным образом

сопряжена с именем Пушкина, никогда в ней не бывавшего. Уже другой поэт, Борис Пастернак, мечтал в двадцатом столетии: «Забраться бы в Швейцарию, в глушь лесного кантона. Мир и ясность над озером, небо и горы, и звучный всему вторящий, настороженный воздух».

Исторические параллели: ровно за пятьсот лет до рождения русского гения в благословенной памяти 1499-м, маленькая Швейцария стала независимой.

А в самый год появления на свет младенца Александра Пушкина в Швейцарских Альпах разыгрались военные баталии, имевшие судьбоносное значение и для России, и для всей Европы.

Русский император Павел I взял под свою защиту маленькое государство, торжественно провозгласив: «Мои войска идут в Швейцарию, чтобы защитить благополучие её обитателей и вернуть им прежнее правление». В августе 1799-го армия Корсакова – двадцать пять тысяч русских солдат и казаков – победоносно вошла в Цюрих, оставив и по сей день память о тех горячих днях в названиях цюрихских улиц.

1799 год отмечен в истории героическим переходом русской армии, ведомой через альпийские вершины Александром Суворовым. Любопытная деталь: будущий генералиссимус нашёл в горах череп боевого слона, одного из тех, на коем совершал свой поход на Рим полководец древности Ганнибал. А ведь слон – тотемный символ прадеда поэта, выводившего своё родословие от «грозы Рима», слон – в фамильном гербе Абрама Ганнибала! Некогда именно темнокожий прадед Пушкина сыграл особую роль в судьбе полководца, уговорив своего приятеля Василия Суворова, отца юного Александра, не чинить сыну препятствий в выборе им военной стези.

Не символично ли, что в Швейцарию одному из участников славного суворовского похода, прапорщику Астраханского гренадерского полка Александру Юрьевичу Пушкину, пришла из Москвы весть о рождении младенца, наречённого в его честь, – будущего поэта?!

Сердце Европы, маленькая Швейцария, исправно отсчитывает вот уже шестое столетие с точностью великолепного часового механизма. За истекшие века снискавшая славу страны самых дорогих часов, элитного сыра и шоколада. И ещё – самой живописной в мире – своеобразного эталона земной красоты.

Золотые пушкинские часы со швейцарским пейзажем

…Не раз любовался поэт идиллическим швейцарским пейзажем, гравированным на циферблате золотых карманных часов, что были подарены ему на празднике в Павловске в июне 1816 года. Награда предназначалась юному дарованию, лицеисту Александру Пушкину, за стихи, сочинённые им по случаю торжества – свадьбы принца Оранского, будущего короля Нидерландов, с великой княжной Анной Павловной.

Венчай, венчай его любовь!
Достойный был он воин мести.

Знакомый поэта, Сергей Комовский, бывший лицеист, свидетельствовал в мемуарах, что поэт «удостоился получить от блаженныя памяти Государыни Императрицы Марии Фёдоровны

золотые с цепочкою часы при всемилостивейшем отзыве». Но Пушкин не был бы Пушкиным, если бы подобострастно принял от вдовствующей царицы столь дорогой подарок. И, по рассказам, юный поэт то ли в ярости, то ли в расстройстве (ведь согрешил – написал стихи на заказ!) наступил на подаренные часы – «разбил нарочно об каблук». Видно, сделаны они были на совесть, что ещё раз доказывает их истинное швейцарское происхождение, так как впоследствии часы исправно служили Александру Сергеевичу.

Эти же золотые часы работы всемирно известных швейцарских мастеров отсчитали и последние мгновения бытия русского гения: невесомые стрелки замерли на отметке 2 часа 45 минут пополудни 29 января 1837 года.

Наталия Николаевна подарила часы (надо полагать, ей нелегко было расстаться с семейной реликвией) на память о Пушкине Василию Жуковскому – именно он, один из самых близких друзей поэта, и остановил их в то скорбное мгновение…

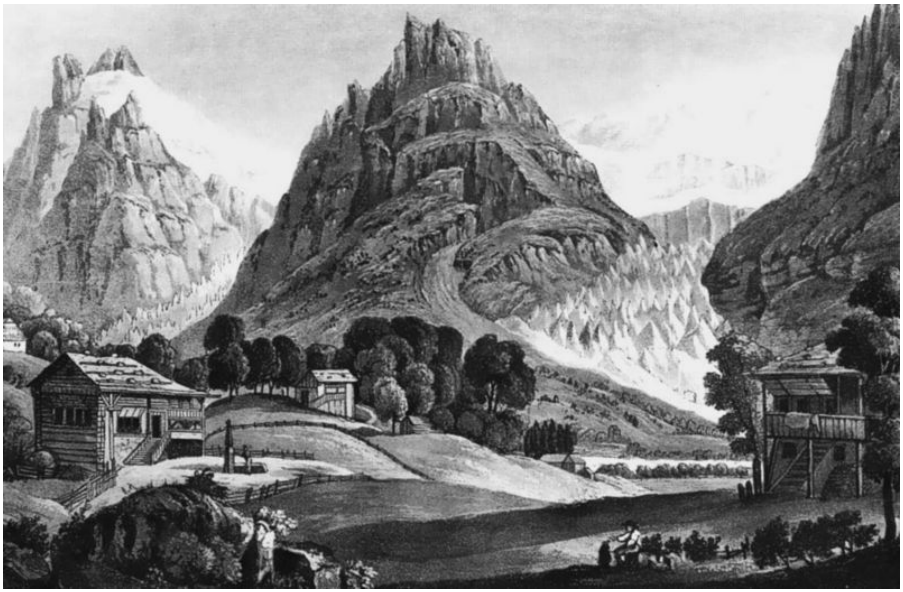
Пройдёт не столь много времени, и пушкинским часам суждено будет совершить путешествие в Швейцарию и Германию с новым владельцем. Потом они окажутся у Гоголя – он чуть ли не на коленях выпросил их у Жуковского, после кончины писателя перейдут к его младшей сестре Ольге Васильевне, от неё – к любимому племяннику Николаю Быкову, сыну Елизаветы Васильевны. И когда тот женится на Марии Пушкиной, внучке поэта (венчались влюблённые в подмосковной Лопасне, а затем обосновались в Васильевке, родовой гоголевской усадьбе), часы станут общим семейным достоянием.

Мария Александровна в смутные годы Гражданской, когда власть на Украине менялась с неимоверной быстротой, отдала их на хранение, в числе других фамильных раритетов, в краеведческий музей Полтавы.

Себе оставила лишь цепочку от старинных часов своего великого деда – её Мария Александровна любила надевать на шею, поверх платья. Нарядной, с золотой цепочкой, и осталась она в памяти внука, москвича Георгия Галина, исследователя необычной истории фамильной реликвии, связанной с именами двух российских гениев: Пушкина и Гоголя. На старой фотографии он, симпатичный малыш, запечатлён на коленях своей доброй и чадолюбивой бабушки.

К слову, оказавшись однажды в Полтаве, я поспешила в краеведческий музей – своими глазами увидеть портрет Наталии Николаевны кисти её невестки Софьи. Увы, научные сотрудники, к коим я обратилась с расспросами о портрете, переданном им Марией Александровной, ничего сказать не могли. Да и само живописное полотно так и не отыскали в музейных запасниках.

Грустно… И хотя портрет не оригинален: Софья Пушкина, в девичестве Ланская, писала его, копируя работу придворного живописца Карла Тимолеона фон Неффа (в России звавшегося Тимофеем Андреевичем), но сумела привнести в облик любимой свекрови характерные черты, ведомые только ей.



Вид Швейцарии. Старинная гравюра

…В год столетия со дня смерти Пушкина часы поэта из Полтавы были доставлены в Москву, на юбилейную выставку, и затем вновь оказались в Северной столице, в мемориальной квартире на набережной Мойки. Поистине не только книги, как говаривал Александр Сергеевич, но и вещи имеют свою судьбу! Свершив долгое путешествие по странам и городам, часы вновь оказались там, откуда и началось их странствие, – в доме на Мойке.

Золотые часы из Швейцарии, вобравшие счастливейшие и самые горькие минуты жизни поэта.

«Ландшафт пирамидальный»

Так уж исторически сложилось, что Швейцария всегда была отрадна русскому сердцу. Виды Альпийской республики словно запечатлелись в сознании поколений соотечественников своей «картинностью»: озёрами с прозрачной, ярко-салатового оттенка водой, сияющими белоснежными отрогами, живописными деревушками на горных склонах. Для русского путешественника

увидеть Швейцарские Альпы – что для правоверного совершить хадж в Мекку.

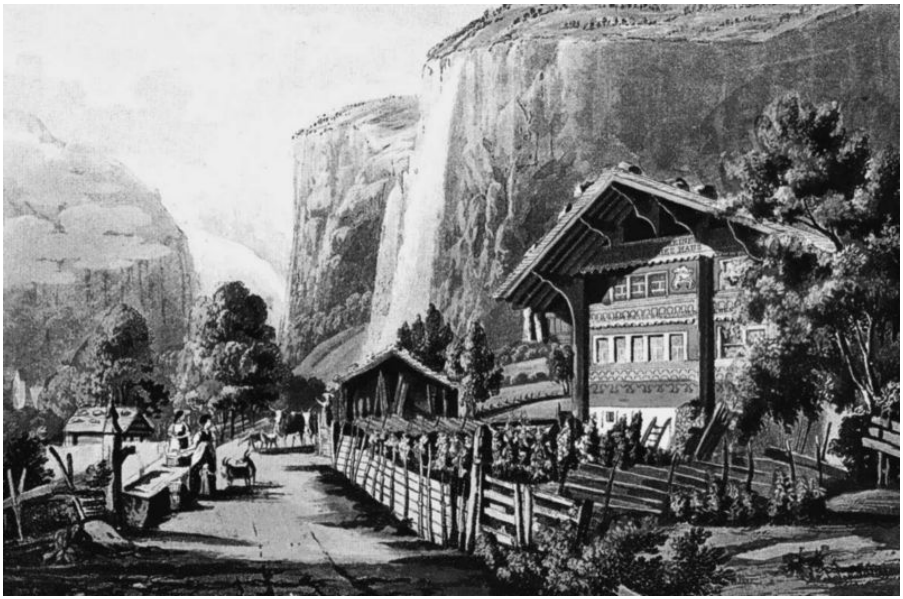
Страну вечного мира и благоденствия подчас именуют Русской Швейцарией, но никто и никогда не называл Швейцарию Пушкинской. И всё-таки такое государство, не отмеченное ни на одной политической карте мира, реально существует со всеми своими поэтическими атрибутами и символами.

Ура… куда же плыть… какие берега
Теперь мы посетим – Кавказ ли колоссальный
Иль опалённые Молдавии луга
Иль скалы дикие Шотландии печальной
Или Нормандии блестящие снега —
Или Швейцарии ландшафт пирамидальный.

Швейцария так и осталась недосягаемой для Александра Сергеевича, впрочем, как и вся Европа.

Но знакомство поэта с уроженцами прекрасной страны состоялось довольно рано. Первый швейцарец, встретившийся Пушкину на жизненном пути, был его лицейский воспитатель Давид Иванович де Будри. «Будри, профессор французской словесности при Царскосельском Лицее, был родной брат Марату, – отмечал поэт в своих записках, – Екатерина II переменила ему фамилию по просьбе его, придав ему аристократическую частицу de, которую Будри тщательно сохранял…»

Известен и отзыв Будри об успехах своего воспитанника Александра Пушкина: «Он понятлив и даже умён. Крайне прилежен, и его очень заметные успехи столь же плод его суждений сколь и прекрасной памяти…»



Романтическая Швейцария. Старинная гравюра.

Верно, неслучайно в черновых вариантах «Евгения Онегина» «мосье Швейцарец» (именно он, а не «француз убогой», по изначальному замыслу водил гулять в Летний сад юного героя) именован как «очень умный», «очень строгой», «очень важный» и… «благородный».

Но вот факт, достойный удивления: прежде чем профессор Будри, брат пламенного якобинца Жана-Поля Марата, начал обучать азам французской словесности в Царском Селе своего славного ученика, он был гувернёром… Николеньки Гончарова, Николая Афанасьевича, в будущем отца Натали! И водил гулять своего воспитанника не по аллеям знаменитого петербургского сада, а по парку и рощам великолепного гончаровского имения Полотняный Завод. Первый «швейцарский след» в Калужской губернии.

И как знать, не благодаря ли стараниям «мосье Швейцарца» Николай Афанасьевич Гончаров получил прекрасное домашнее образование: в совершенстве владел французским, немецким и английским языками, играл на скрипке и виолончели, отдал дань стихотворчеству. Любовь к поэзии, литературе, искусству, языкам, заложенная с ранних лет, передана была впоследствии Гончаровым-отцом и собственным детям. И, конечно же, любимице Таше, которой в будущем доведётся побывать и в Германии, и во Франции, и в Швейцарии.

Так уж случилось, что имена Вольфа и Беранже, уроженцев швейцарского Давоса, роковым образом вошли в летопись

последних дней жизни Пушкина: именно в их кондитерской, что на углу Невского проспекта и набережной Мойки, встретился Александр Пушкин со своим секундантом Константином Данзасом. Выпив по стакану лимонада, они сели в сани, и лошади помчали их к Чёрной речке…

В пушкинских мечтах о путешествиях в чужие земли достало места и Швейцарии – к слову сказать, не из такого уж безмерно великого числа государств, что дразнили воображение поэта. «Физически красивой» представлялась ему маленькая заоблачная республика.

Национальных колоритных «вкраплений» в пушкинской поэтике не столь уж много, но они есть: «швейцарский сыр», «величавые швейцарские коровы», звенящие «своими колокольчиками», картины со швейцарскими пейзажами. Именно в такую картину, представлявшую «какой-то вид из Швейцарии», разрядил свой пистолет «двумя пулями, всаженными одна на другую», пушкинский Сильвио…

Ах, как страстно желал Александр Сергеевич увидеть швейцарские красоты собственными глазами, сколько разговоров было о стране, где запросто бывали его друзья Николай Карамзин, Пётр Чаадаев и Василий Жуковский!

Довелось читать поэту и карамзинские «Письма русского путешественника». «Уже я наслаждаюсь Швейцариею, милые друзья мои! Всякое дуновение ветерка проницает, кажется, в сердце моё и развевает в нём чувство радости. Какие места, какие места! Отъехав от Базеля версты две, я выскочил из кареты, упал на цветущий берег зелёного Рейна и готов был в восторге целовать землю», – восклицал Николай Михайлович. Не преминул сделать и пометку: «В карете, дорогою».

После сих восторгов славного историка пушкинская мечта побывать в тех волшебных местах ещё более разгорелась: «Говорят, что Чаадаев едет за границу – давно бы так; но мне его жаль из эгоизма – любимая моя надежда была с ним путешествовать…»

И в письме брату Лёвушке, отправленном опальным поэтом из Михайловского, отзвуки тех мечтаний: «Когда ты будешь у меня, то станем трактовать о месте пребывания Чаадаева». А много позже, уже из Болдина, просит жену: «Коли увидишь Жуковского, поцелуй его за меня и поздравь с возвращением и звездою…»

Необычно – Пушкин не называет страну, будто название им зашифровано, но во всех посланиях речь идёт о Швейцарии, «стране живописной натуры».

Об Альпийской республике Пушкин не единожды упоминает

в своей статье «Вольтер», посвящённой переписке великого философа с президентом де Броссом и увидевшей свет в 1836 году в «Современнике»:

«Вольтер, изгнанный из Парижа, принужденный бежать из Берлина, искал убежища на берегу Женевского озера…»

Там же есть и весьма примечательные строки, обращённые к Вольтеру, о необходимости жить на родине «по двум важным причинам: во-первых, потому что надобно жить у себя дома, во-вторых, потому что не надобно жить у чужих».

Но звучит этот, вероятней всего вымышленный, совет, оправданием за собственные несбывшиеся путешествия в «чужие края».

А вот знакомство швейцарцев с поэтом состоялось при его жизни: в 1832-м в Женеве вышел журнал со статьёй «Александр Пушкин». Но ещё ранее петербурженка Елизавета Вейкарт адресует в Швейцарию письмо: «Александр Пушкин только что сочинил новую поэму, озаглавленную „Руслан и Людмила“, – делится госпожа Вейкарт с приятельницей. – Говорят, что она прелестна. <…> Как только смогу, я Вам пришлю экземпляр. Вы будете иметь удовольствие заставлять эхо Швейцарии повторять звуки Вашей родины». (*франц.*)

Эхо в Альпах «повторяло» пушкинские строфы весной 1820-го, в то самое время, когда их автор держал путь из Петербурга в Екатеринослав…

Спустя годы, в августе 1836-го, в Швейцарию летело письмо Александра Карамзина брату. С невесёлыми вестями. Один из его приятелей «накануне видел Пушкина, которого он нашёл ужасно упадшим духом… вздыхающим по потерянной фавории публики». Таким удручённым многими обстоятельствами, в их числе и семейными, являлся в то своё последние лето средь петербургских гостиных Александр Сергеевич…

Швейцария – своего рода заповедник, «терра инкогнита» для пушкинистов. Какие находки, связанные с именем русского гения, могут таиться здесь, в частных коллекциях и архивах? Вероятность мала, но всё же она есть. Ведь привёз же в Россию не столь давно швейцарец Кристофер Муравьёв-Апостол, потомок русского декабриста, автограф неизвестного письма своего предка, отправленного из каземата Петропавловской крепости в январе 1826 года.

Не столь уж давно в Лозанне, в доме Сергея Лифаря, хранились письма Пушкина, обращённые к прекрасной невесте Натали.

Путешествуя в Женеву,

По дороге у креста
Видел он Марию деву…

Натали, к тому времени генеральша Наталия Ланская, осень 1861 года провела на берегу Женевского озера. Но была ли она счастлива, оказавшись в красивейшем уголке земли? Там, в Женеве, в сентябре, застала её горькая весть из России о кончине отца, Николая Афанасьевича Гончарова. Тогда же Наталия Николаевна надела траурное платье, и чёрный цвет стал отныне единственным для всех её нарядов. Как вспоминала её дочь, она и «по окончании траура сохранила привычку ходить в чёрном, давно отбросив всякие претензии на молодость».

Всё же осень в Женеве оказала на Наталию Николаевну самое благотворное воздействие: она окрепла физически, и кашель, не дававший ей покоя в Петербурге, почти исчез. С берегов Женевского озера путь семейства Пушкиных-Ланских лежал на юг Франции, к берегам Средиземноморья. И более в романтическом швейцарском городе Наталии Николаевне побывать не довелось…

Спустя семь лет (прекрасной Натали уже не было на свете) в Женеве родилась её внучка Софи, в будущем – графиня де Торби и супруга великого князя Михаила Михайловича. Правда, графиня избрала для жизни иную страну и стала подданной Её Величества королевы Великобритании Виктории.

И ещё одной внучке поэта – Вере Пушкиной – посчастливилось лицезреть швейцарские красоты: вместе с мужем, генералом Сергеем Мезенцовым, путешествуя по Швейцарии, поднималась она на вершины сияющих Альп.

Натали из Маура

С какой верой и надеждой уповал поэт на добрую память будущих своих потомков! От мощного родового пушкинского древа, зародившегося на древнерусском Севере и южном Абиссинском нагорье, протянулась ветка в старую добрую Европу – в «маленькую мещанскую республику», как однажды назвал Швейцарию поэт.

Швейцарская ветвь поэта, укоренившаяся ныне в Базеле и Мауре, – следствие пылкого романа русского венценосца Александра II и красавицы-княжны Катеньки Долгоруковой. Взрыв на Екатерининской набережной, гибельный для императора, обратился спасением для второй его семьи. Истекавший кровью, смертельно раненный Государь будто прикрыл собой возлюбленную супругу, малолетних детей,

будущих внуков и правнуков… Большевики не пощадили бы отпрысков державной фамилии, хоть и сокрытой под другой – Юрьевских, как не пощадили почти всех Романовых. Вряд ли спасло наследников русского царя от верной гибели и то необычное обстоятельство, что одновременно они являлись и потомками Александра Пушкина.

…Своему знакомству с графиней Лорис-Меликовой, наследницей русского царя, его верного сподвижника и великого поэта, я обязана… Екатерине Юрьевской. Нет, не Светлейшей княгине, супруге российского монарха, а молодой и не менее очаровательной избраннице князя Георга Юрьевского. Всё-таки жизнь изобилует странными совпадениями. История описала круг радиусом почти в полтора столетия, чтобы вновь даровать правнуку Александра II умницу и красавицу Екатерину Юрьевскую.

Катарина, так звучит её имя, с самого детства испытывала неизъяснимую тягу к России, довольно странную для швейцарской девочки. Повзрослев, она решила всерьёз изучить русский язык и поступила в Цюрихский университет. По совету друзей с предложением о совместном российско-швейцарском проекте она обратилась к Георгу Юрьевскому, встретилась с ним и вскоре… стала его женой.

Графиня Натали Лорис-Меликова у своего дома в Мауре. Фотография Л.А. Черкашиной. 2005 г.

Как-то в разговоре с Катариной я посетовала, что моей давнишней мечте встретиться с потомками Пушкина из Базеля, видно, не дано осуществиться. Добраться туда, хоть это и не столь далеко даже по швейцарским меркам, – не успеть по времени, швейцарская виза выдана мне всего лишь на пять дней, – таков срок моей командировки.

Катарина загадочно улыбнулась:

– Я попробую Вам помочь…

И в самый последний мой уже и не день, а вечер в Швейцарии именно она попросила свою родственницу по мужу Натали Лорис-Меликову приехать ко мне, в маленький отель «Хиршен», что расположился на самом берегу Цюрихского озера.

Ровно в восемь вечера внушительных размеров джип припарковался на гостиничной стоянке – графиня прибыла с европейской пунктуальностью.

Удивительно воочию увидеть человека, предков коего знаешь до сорокового колена, а о нём – ровным счётом ничего! Натали красива. Невольно хочется разглядеть в её чертах схожесть с прекрасной тёзкой и… пра… бабушкой Натали Гончаровой-Пушкиной. Всё-таки гены красоты неистребимы – гончаровская кровь столь же сильна, как и пушкинская, африканская.

Графиня Натали любезно пригласила меня в гости – благо, от Майлена, где я остановилась, до её дома недалеко, не более получаса езды. После замужества она переселилась из Базеля в маленький городок, что в окрестностях Цюриха.

Мчимся на полной скорости по пустынному вечернему шоссе. Зримая ассоциация: Натали-наездница. Она также уверенно и лихо ведёт свой вороной джип по швейцарским серпантинам, как некогда, юная барышня Гончарова, давшая ей кровь, гарцевала верхом в полотнянозаводских рощах.

Мы едем в Маур (Maur). Дорога завораживает. Так и хочется воскликнуть вслед за восторженным Карамзиным: «Счастливые швейцары! Всякий ли день, всякий ли час благодарите вы небо за своё счастие, живучи в объятиях прелестной натуры, под благодетельными законами братского союза, в простоте нравов и служа одному Богу?»

Верно, такая глубинная Швейцария, в стороне от модных туристских трасс, и живёт в воображении русского человека. Но и у коренных её обитателей есть «ностальгия» по той, романтической Швейцарии, что отступает ныне под натиском великой урбанизации.

И графиня, сидящая за рулём, не устает восхищаться привычными для неё видами: далёкими белоснежными отрогами Альп, деревушкой, раскинувшейся на холме, у самого озера, и дрожащими огнями на тёмной водной глади. Туман над озером похож на лёгкий приспущенный занавес, скрывающий живописные театральные декорации.

Натали извиняется за возможный домашний беспорядок, перезванивается с мужем по мобильному телефону – нежданный визит здесь особо не приветствуется, но для меня, гостьи из

Москвы, сделано счастливое исключение.

Машина плавно останавливается у дома, и я прошу разрешения Натали сфотографировать её у входа, на фоне пышно цветущих диковинных кустов.

Я уже знаю от Катарины, что Натали увлекается живописью, и, конечно же, мне не терпится взглянуть на работы наследницы поэта.

Обладала ли художническим даром её прародительница Натали Гончарова? Кто может ответить? Если судить по альбомным рисункам представителей нескольких поколений Гончаровых, то – да. Лишь один набросок к живой картине, сделанный рукой юной красавицы, говорит в пользу этой версии. Натали надлежало предстать в той живой картине, «копии» шедевра французского живописца, в образе младшей сестры карфагенской царицы.

Завсегдатай светских салонов Александр Булгаков, в будущем московский почт-директор, полагал, что великолепнее всех была живая картина, «изображавшая Дидону»: «Лазарева была восхитительна, хотя её бесконечно длинные ниспадавшие волосы придавали ей скорее вид прелестной Магдалины. Но кто была очаровательна, – это маленькая Алябьева – красавица; маленькая Гончарова, в роли сестры Дидоны, была восхитительна». Публика в восторге требовала вновь и вновь повторения изящной сценки…

Журнал «Московский телеграф» вышел в свет с литографией картины Пьера-Нарсисса Герена, где Эней, спасшийся из горящей Трои и волею судеб оказавшийся в Карфагене, повествует царице о своих странствиях. Там же для читателей модного журнала прилагалось «изъяснение картинки».

Романтический облик Натали Гончаровой, усиленный образами её героинь в живых картинах, оставил яркий след в душе и памяти поэта.

…В двадцатом веке снискала мировую известность и прославила свой род художница по имени Натали, Наталья Гончарова. (Её прадед Сергей Гончаров – младший брат жены поэта, пользовался особым доверием и любовью Пушкина.) Известна её великолепная пастель «Полотняный Завод. Дом над прудом», созданная в числе других пейзажей в родовой усадьбе в 1908 году.

«Там я много работала… если бы Вы знали, что такое Полотняный Завод – та жизнь! Нигде, нигде на свете, ни до, ни после, я не чувствовала – такого счастия, не о себе говорю, в воздухе – счастья, счастливости самого воздуха!» – признавалась сама художница.

Долгие годы она жила во Франции, в Париже, и ныне её

авангардная живопись украшает самые знаменитые в мире музейные и частные коллекции. В биографии художницы Натальи Гончаровой, «амазонки русского авангарда», есть и «швейцарская страница»: в 1915 году она поселилась на берегу Женевского озера, в Уши (Ouchy), где работала над эскизами костюмов и декораций к балету Игоря Стравинского «Свадебка».

И вот – Натали-третья! Словно замкнут некий географический треугольник: Полотняный Завод – Париж – Цюрих.

Стены просторной гостиной, спальни, детской сплошь увешаны живописными композициями – яркими, смелыми, экспрессивными…

Нет, Натали Лорис-Меликова не профессиональная художница, но и любительницей её назвать трудно. Страсть к живописи проснулась внезапно, будто снизошло озарение. Почему она начала рисовать? Наверное, правильнее было бы поставить вопрос иначе: почему она не могла не рисовать?

– Думаю, это способ самовыражения. Хочется выплеснуть свои эмоции, впечатления на белый холст, а там они сами собой трансформируются в яркие мазки…

Натали явно ждёт моей оценки. Я не искусствовед, и мне трудно судить об эстетической ценности её картин. Но в них, как и в названиях, доминирует поэтическое начало. Да и белое полотно так сродни чистому бумажному листу.

Из детской, заслышав разговор, выглянули две симпатичные девчушки. Сёстры-погодки – Софи и Сесиль. Обычные швейцарские девочки, ходят в начальную школу, ухаживают за домашними хомячками, рисуют принцесс и играют в куклы. И не подозревают, какая мощная сень родового древа хранит их…

В доме родной язык французский. Жаль, что ни сама Натали, ни её дочери, ни сёстры, ни брат не владеют русским. В отличие от отца и бабушки Натали. Бабушку Ольгу она помнит хорошо, ведь, когда та умерла, девочке шёл двенадцатый год. В детской памяти бабушка осталась строгой, властной, но и справедливой. Запомнилось, что та читала Пушкина в оригинале, а его поэтические шедевры знала наизусть. Отдавала предпочтение «Борису Годунову» и «Медному всаднику».

Остались о ней старые журнальные публикации: графиня Ольга Лорис-Меликова, «стройная, элегантная красивая… Говорит по-русски с лёгким акцентом, тогда как её муж – без акцента». Владела несколькими языками: немецким, английским, испанским и французским. В памяти Ольги Георгиевны хранился светлый образ уже её бабушки, графини Наталии фон Меренберг: «Она очень любила нас, внуков, и мы её любили».

Сёстры Софи и Сесиль. Маур. Фотография Л.А. Черкашиной. 2005 г.

…Позже, в юности о необычном фамильном древе рассказал Натали отец: Георг-младший, сын Георга фон Меренберга и Светлейшей княжны Ольги Юрьевской, даст начало «немецкой» ветви, а его сестра Ольга – «швейцарской». Полное имя девочки звучало так Ольга-Екатерина-Адда фон Меренберг (Ольга – в честь матери, Екатерина – конечно же, в память бабушки, Светлейшей княгини Юрьевской), и приходилась она внучкой русскому царю и правнучкой великому поэту. Собственно, каждому последующему поколению прибавлялась почётная приставка «пра».

Долгое время Ольга жила с графиней Александрой фон Меренберг (в замужестве де Элиа), внучкой поэта, в Аргентине. У тётушки Александры после смерти супруга-дипломата остались обширное поместье под Буэнос-Айресом и особняк в аргентинской столице, негласно именованный «Русским домом» («La Casa Rusa»). Верно, потому, что Александра Николаевна поддерживала русские традиции, заведённые в родительской семье.

Умирая, богатая тётушка завещала всё своё состояние любимой племяннице Ольге. Кроме, казалось, ничего не значившей единственной рукописи. Её-то она и отослала брату Георгу в послевоенную Германию.

«Диктатор сердца» и его потомки

В ноябре 1923-го графиня Ольга фон Меренберг венчалась с графом Михаилом Лорис-Меликовым. Свадьба была необычная, ведь узы брака соединили внучку Александра II и внука ближайшего сподвижника Его Величества, министра внутренних дел, начальника Верховной распорядительной комиссии, готовившей проект конституции! Благородная армянская фамилия Лорис-Меликовых вплелась в фамильное древо Пушкиных-Романовых-Гончаровых.

Родной дедушка супруга Ольги и полный его тёзка – граф Михаил Тариэлович Лорис-Меликов, российский военачальник и государственный деятель. Имел звание генерала от кавалерии и генерал-адъютанта.

Родился в Тифлисе 19 октября (в пушкинский день лицея!) 1824 года в знатной армянской семье. Учился в Москве, в Лазаревском институте восточных языков, затем в Петербурге, в Николаевском кавалерийском училище. Там, в Северной столице, судьба свела Михаила Лорис-Меликова с поэтом Некрасовым, молодые люди даже вместе снимали одну квартиру.

Затем – служба в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, а позже, когда завязались стычки с горцами на Кавказе, поручик Михаил Лорис-Меликов не остался в стороне и подал начальству рапорт о переводе в родные края.

Орден Святой Анны 4-й степени и золотая сабля с надписью «За храбрость» – так были оценены мужество и боевая смётка молодого офицера.

Граф Михаил Лорис-Меликов. Гравюра. 1882 г.

Михаил Лорис-Меликов хоть и состоял в свите при главнокомандующем графе Николае Муравьёве, но от боевых действий не уклонялся. Когда русскими войсками взята была грозная крепость турок Карс, Лорис-Меликов возглавил Карскую область, приобретя, как утверждали современники, «расположение обывателей своим благоразумным управлением».

И как тут не вспомнить, что и Пушкин во время другой войны побывал в той турецкой твердыне, впервые павшей под натиском русских солдат, о чём и поведал читателям в своём «Путешествии в Арзрум». Достигнув желанной цели и взирая на грозную крепость, подобно орлиному гнезду укрепившуюся в отвесных

скалах, он был поражён, как русские «могли овладеть Карсом»!

Да и невесту, прекрасную Натали, поэт подчас величал «Карсом», полушутя намекая на её неприступность, подобную славной турецкой цитадели. Да и не он один. Вот соперница Натали Катенька Ушакова не без иронии делится московскими новостями: «Карс день со дня хорошеет, равномерно, как и окружающие её крепости, жаль только, что до сих пор никто не берёт штурмом, – …недостаток пушек и пороху».

Но в том прозвище для Пушкина заключалась и надежда – ведь крепость несколько раз бралась русскими войсками, а при жизни поэта – в 1828 году. Любопытный исторический факт: в России выбита была медаль «На взятие Карса»!

Однако, по условиям Парижского мира 1856 года, взятую неимоверно высокой ценой крепость Карс вновь возвратили туркам. Сам же Лорис-Меликов, уже генерал-майор, продолжил службу на Кавказе, закладывая всё новые крепости – бастионы южных границ России. Затем последовали и другие назначения – так одно время он был губернатором в Харькове.

Но вот февральским вечером 1880 года тишину дворцовых покоев Зимнего разорвал мощный взрыв – свершилось ещё одно покушение на императора Александра II. Небезызвестный Степан Халтурин, устроившись во дворец плотником, тайно и понемногу приносил с собой взрывчатку. И когда динамита накопилось в изрядном количестве, соорудил под дворцовой столовой, в цокольном этаже дворца, бомбу. От сундука с динамитом, где был установлен капсюль с гремучей смесью, Халтурин провёл запальный шнур, а сам спешно покинул Зимний.

Государь и августейшая семья обычно ужинали в шесть часов вечера. Именно в этот час, по расчётам верхушки «Народной воли», и должен был прогреметь взрыв. Лишь чудо спасло тогда Александра: он встретил прибывших гостей – принцев Александра Баттенбергского и Александра Гессенского – и слегка задержался с ними в Фельдмаршальском зале. Затем вместе с гостями нанёс визит больной императрице Марии Александровне, пребывавшей в своих апартаментах. На пороге комнаты охраны, перед самой столовой, император застыл, услышав сильнейший шум.

Чудовищной силы взрыв, не причинив вреда Государю, унёс жизни нёсших караульную службу солдат лейб-гвардии Финляндского полка, одиннадцати героев недавней победоносной Русско-турецкой войны. Получили увечья и более пятидесяти дворцовых служащих. Как вспоминал принц Александр Гессенский: «Пол поднялся словно под влиянием землетрясения, газ в галерее погас, наступила совершенная

темнота, а в воздухе распространился невыносимый запах пороха или динамита. В обеденном зале – прямо на накрытый стол – рухнула люстра».

Другой очевидец трагедии свидетельствовал: «Вид пострадавших представлял ужасную картину. Среди массы обломков и мусора валялись окровавленные части тел. Нужны были усилия многих людей, чтобы извлечь несчастных из-под обломков. Глухие стоны изувеченных и крики их о помощи производили раздирающее душу впечатление».

…В церкви Зимнего дворца отслужили панихиду по невинно убиенным солдатам. Тогда, обращаясь к офицерам полка, Государь произнёс: «Благодарю вас, финляндцы… Вы, как всегда, с честью исполнили свой долг. Я не забуду оставшихся в живых и обеспечу семейства несчастных жертв». Осиротевшие семьи гвардейцев именным указом императора были «зачислены на вечный пансион», сам же Государь, не устрашившись возможного нового покушения, отдал последний долг погибшим солдатам на Смоленском кладбище.

Глядя на долгий скорбный ряд гробов, Александр II, будто в задумчивости обронил: «Кажется, что мы ещё на войне, там, в окопах под Плевной». Не забыл Государь навестить и ободрить всех раненых в тот злосчастный день…

Итак, из Харькова генерал-губернатор Лорис-Меликов был срочно вызван в Петербург – с терроризмом надлежало бороться опытным и знающим людям. В том же феврале он назначен главным начальником Верховной распорядительной комиссии, а затем – и Третьего отделения. И тогда же на графа было совершено покушение: в него при выходе из кареты почти в упор разрядил свой револьвер некий господин Млодецкий. По счастью, пуля пробила лишь пальто Лорис-Меликова, не причинив его владельцу ранения. Террорист тотчас был пойман и вскоре казнён.

В великосветских гостиных Лорис-Меликов вдруг стал самой обсуждаемой личностью: у графа, словно ворвавшегося с кавказских вершин в петербургский салонный мир, явились свои недоброжелатели. Так, графиня Клейнмихель весьма иронично обрисовала его облик: «И любезный, и грубоватый в одно и то же время, не лишённый хитрости, он умел по отношению мужчин и женщин, чтобы им понравиться, применять приёмы, всегда имевшие успех. Будучи человеком без эрудиции, Лорис-Меликов умел это прекрасно скрывать. Начиная разговор на политическую или литературную тему, он вдруг сразу умолкал, предоставляя говорить другим, а сам лишь зло усмехался, чтобы показать, что в нём заключён целый мир познаний. В клубах, в салонах только и

было разговору, что о прекрасном армянине».

Но знаменитый юрист и судебный оратор Анатолий Фёдорович Кони был иного мнения: «Человек воспитанный и изящный в своей внешности, Лорис был очень деликатен в отношениях, умея оказывать самое любезное, но не назойливое гостеприимство <…> Я ни разу не слышал Лорис-Меликова, говорящим о чём-либо равнодушно или просто для того, чтобы что-нибудь сказать. <…> Сам сознавая недостаточное знакомство с теорией государственного управления и устройства, он начал учиться этому, уже сойдя с широкой правительственной арены <…> Надо заметить, что он был одарён чрезвычайной понятливостью, так, что с двух-трёх слов схватывал существо вопроса и затем уж твёрдо владел им».

С почтением относился к Лорис-Меликову и великий провидец Фёдор Достоевский: «Сохрани Бог, если повернут на старую дорогу. Да вы скажите мне <…> хорошими ли людьми окружит себя Лорис, хороших ли людей пошлёт он в провинции? Ведь это ужасно важно <…> Да знает ли он, отчего всё это происходит, твёрдо ли знает он причины? Ведь у нас всё злодеев хотят видеть <…> Я ему желаю всякого добра, всякого успеха».

Лорис-Меликову надлежало распознать истоки терроризма как уродливого политического явления, дабы с корнем вырвать его из русской жизни. Посланные им во все уголки империи сенатские ревизии пришли к единому выводу: причина недовольства общества – незавершённость великих реформ. Министр твёрдо знал: нужно срочно усилить борьбу с этой всемирной ересью, посему – создать заграничную агентуру в излюбленных террористами странах: Швейцарии, Германии, Франции. Вот откуда плелись поистине «адские сети»!

В своих репортажах газетчики не без иронии называли Лорис-Меликова «диктатором сердца». Намекали ли они на близкие дружеские отношения министра с российским самодержцем? Или обыгрывали несовместимость этих двух понятий – «диктат» и «душевность»?

Граф, как министр внутренних дел, был наделён чрезвычайными полномочиями, и в планы его входило законодательно преобразовать Россию. Мыслилось создать некий прообраз будущей думы, для чего обдумывались им положения новой конституции, известной в истории как «Конституция Лорис-Меликова». К слову, её положения были одобрены Александром II, саму же «Конституцию» предполагалось рассмотреть на заседании Совета министров 4 марта 1881 года…

Взрыв в Зимнем дворце в феврале 1880 года. Гравюра.

Но первый мартовский день смешал все карты… Один из современников, встретив в коридоре Зимнего Лорис-Меликова, бледного, изнурённого, поражённого страшной вестью, назвал графа «роковой исторической фигурой».

Новый Государь, потрясённый гибелью отца, не утвердил «Конституцию Лорис-Меликова» – напротив, в апреле того года обнародовал манифест «О незыблемости самодержавия». Для графа это явилось крахом всех его политических замыслов, и он принял единственно возможное для себя решение – подать в отставку. И покинуть границы империи. Первое время неудачник-реформатор Лорис-Меликов обосновался в немецком Висбадене. Правда, лечение застарелых болезней целебными водами советовали ему медицинские светила. Предписывали графу и жить в тёплом климате.

Из Висбадена он делится дальнейшими планами с одним петербургским знакомым: «Тяжёлая болезнь, вынесенная мною прошлой зимой, даёт себя чувствовать ещё и теперь; силы восстанавливаются медленно, и малейшая неосторожность снова укладывает меня в постель. Какой изберу пункт для зимнего пребывания, я ещё не решил… Полагаю, однако, что водворюсь в одном из трёх городов: Ментоне, Ницце или Меране». Однако, вняв советам доктора Сергея Боткина, Михаил Тариэлович обосновался с осени 1885-го в Ницце.

Скрашивала тяготы эмигрантской жизни графа лишь верная супруга – Нина Ивановна, в девичестве именовавшаяся княжной

Аргутинской-Долгоруковой. Один из её славных предков, армянский патриарх Иосиф Аргутинский, оказал некогда России на Кавказе большие услуги, за что и был возведён в княжеское достоинство и правом именоваться двойной фамилией: Аргутинским-Долгоруковым.

Ну, а самого опального министра одолевали хвори. Своими бедами он делился лишь с лечащим доктором: «Прогулки совершаю, хотя и не ежедневно: за два с половиной месяца пребывания в Ницце катался всего тридцать раз. Маловато. Зато пешком я не могу сделать и пяти шагов; до такой степени одолевает одышка. На этом заканчиваю рапорт о состоянии моего здоровья».

Лихорадка и кашель медленно вершили своё чёрное дело… Лорис-Меликов не очень-то и жаловал медицинских светил, правда, встревоженная супруга настояла на консультации немца-врача, лейб-медика самого вюртембергского короля. Известно, что тогда, буквально за часы до кончины, граф противился дальнейшему осмотру. «Не сегодня, любезный доктор, – чуть слышно проговорил он, – а завтра, если только буду жив; если же нет…» При тех словах Михаил Тариэлович лишь пожал плечами.

Земной путь Лорис-Меликова будто прочерчен от Тифлиса до Ниццы. Там, на Лазурном Берегу Средиземноморья, в декабре 1888-го промелькнули его последние дни…

На кончину Лорис-Меликова отозвался русский златоуст Кони: «Искусный военачальник и тактичный местный администратор на Кавказе и Терской области, он был внезапно выдвинут судьбою на самый видный пост в России, облечён чрезвычайною властью, сосредоточил на себе понимание всего мира и, пролетев как метеор, умер, сопровождаемый злобным шипением многочисленных врагов и сердечной скорбью горстки друзей».

Хочется думать, что в Ницце граф не единожды встречался с вдовой обожаемого им императора, Светлейшей княгиней Екатериной Юрьевской, бывал у неё в гостях на вилле «Георг», вспоминая минувшие дни, былую сильную Россию, Россию Александра II. Но вряд ли оба они – и граф Лорис-Меликов, и вдова императора – могли и помыслить о грядущем близком родстве!

…Александр Михайлович Лорис-Меликов, отец Натали, – единственный сын графской четы. «Правда, – сетует Натали, – фамилия Лорис-Меликовых в Швейцарии на грани исчезновения. Её унаследовал лишь брат Михаил». Две её сестры, Анна и Доминика, вышли замуж и сменили фамилию. И дочери Натали, как то и принято во всем мире, носят фамилию отца.

Иоганн Диербах (Dierbach), супруг Натали, встретил меня приветливо, будто добрую давнишнюю знакомую.

«Он добродушен, у него великолепный характер, с ним легко и просто, – признаётся Натали. – У Иоганна непростая родословная: наполовину он швед, наполовину – немец. На летние каникулы мы с детьми обычно едем в Швецию навестить наших родственников. А вот в России дочери ещё не были».

Самой Натали довелось побывать на исторической родине лишь единожды – в Санкт-Петербург её пригласила двоюродная тётушка, Клотильда фон Ринтелен из Висбадена. Тётушка часто приезжает в Россию вместе с Николасом, средним из трёх своих сыновей.

На память о первой встрече с Петербургом остались фотографии в альбоме Натали, запечатлевшие счастливые и удивительные мгновения жизни…

Разговор зашёл о пушкинских местах в России, и, разумеется, о Полотняном Заводе. Верно, мой эмоциональный рассказ о старинной гончаровской усадьбе пробудил давнее потаённое желание Натали увидеть её, и она тотчас стала строить планы предстоящей поездки.

Натали знала, что вскоре князь Георг Юрьевский собирается в Москву. Ей тоже хотелось бы побывать в российской столице, но ещё больше – в фамильном калужском имении. С таким трудно произносимым на французском названием – «По-лот-ня-ный За-вод».

Лицеист Лорис-Меликов

Мне довелось встретиться и с другой наследницей графского рода Лорис-Меликовых, старшей сестрой Натали – Доминикой. Познакомились мы в Царском Селе в славный день 19 октября, в двухсотлетний юбилей Лицея. Для Доминики это праздник особый, ведь в её роду двое лицеистов: Александр Пушкин и Михаил Лорис-Меликов. Самого первого и самого последнего выпусков – 1817 года и 1917-го!

> Благослови, ликующая муза,
> Благослови: да здравствует лицей!

Мельчайшие подробности заветного дня сберегла память лицеиста Ивана Пущина: «Настало наконец 19-ое октября, день, назначенный для открытия Лицея… Когда всё общество собралось, министр пригласил Государя. Император Александр

явился в сопровождении обеих императриц, великого князя Константина Павловича и великой княгини Анны Павловны. Приветствовав всё собрание, царская фамилия заняла кресла в первом ряду…

Царскосельский лицей. Рисунок Пушкина на черновой рукописи «Евгения Онегина».

После речей стали нас вызывать по списку; каждый, выходя перед столом, кланялся императору, который очень благосклонно вглядывался в нас и отвечал терпеливо на неловкие наши поклоны…»

Названо было и имя Александра Пушкина – перед царём предстал «живой мальчик, курчавый и быстроглазый». В программе автобиографических записок поэт обозначит памятный для него октябрьский день всего тремя словами: «Лицей. Открытие. Государь». Список воспитанников лицея утвердил сам император Александр I.

Ура, наш царь! так выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Присутствовал император и на торжественном выпускном акте в лицее в июне 1817 года, в том же парадном Большом зале.

Вот как вспоминал о том Иван Пущин: «Всех нас, по старшинству выпуска, представляли императору, с объявлением чинов и наград. Государь заключил акт кратким отеческим наставлением воспитанникам и изъявлением благодарности директору и всему штату Лицея.

Тут пропета была нашим хором лицейская прощальная песнь: слова Дельвига, музыка Теппера, который сам дирижировал хором. Государь и его не забыл при общих наградах.

Он был тронут и поэзией и музыкой… Простился с нами с обычной приветливостью…»

Прозвучала и «Молитва русских», написанная годом ранее по предложению Энгельгардта, директора лицея. К стихам Василия Жуковского Пушкин приписал и свои строки:

…Глас умиления,
Благодарения,
Сердца стремления —
Вот наша дань.

С годами «Молитва русских» обратилась лицейским гимном и по традиции исполнялась воспитанниками всех курсов лицея в славный октябрьский день, а бюст Александра I украшался венками из живых цветов.

Вы помните: когда возник Лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей…

Виделось в том нечто мистическое: 19 октября 2011 года, ровно через два столетия – день в день! – император Александр I вновь явился в стенах парадного лицейского зала, помнящих его, полного благих помыслов молодого самодержца, и кудрявого лицеиста с вдохновенно вскинутой вверх рукой… Это был мраморный бюст, доставленный из Франции потомком одного из выпускников славного лицея. На память приходят монаршие слова: «Истинные заслуги никогда не умирают, но, живя в признательности всеобщей, переходят из рода в род».

Графиня Доминика Лорис-Меликова с фотографией юного лицеиста Михаила в пушкинской «келье». Фотография автора. 2011 г.

…Так получилось, что в самый разгар торжеств мы вместе с Домиником Лорис-Меликовой оказались совсем одни, рядом с лицейской «кельей» отрока Пушкина. Разрешения спрашивать было не у кого, и Доминика, не раздумывая, «нырнула» под музейную ленту. Она долго стояла в крошечной комнатке с узенькой кроватью и старинной конторкой, прижимая к груди

фотографию юного графа Михаила. Обожаемого ею дедушки, чьи младые годы прошли «под сенью дружных муз», в царскосельских садах, воспетых поэтом.

Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Ведь и родился Михаил в Царском Селе, любимом и Пушкиным, и Александром II! Ставшем для него поистине отечеством, да и знакомые поэтические строки звучали, будто обращённые к нему, лицеисту Лорис-Меликову, незнаемому Александром Сергеевичем однокашнику. И в будущем – прародителю «швейцарской ветви» его фамильного древа!

Часть IV. Архивные сокровища

Семейная хроника

«В Архивах я не был…»

Пушкин – жене

«Совершенно секретно»

Военный архив в Москве, что на улице Адмирала Макарова, хранит, как это ни странно, французские «тайны» с русским «акцентом». Как оказались прошения правнучки Пушкина, адресованные французским властям, в Российском государственном военном архиве?! Ведь он был создан как хранилище документов, связанных с историей Красной Армии и Белого движения, войск НКВД-МВД Советского Союза. Сберегались в нём и послужные списки отечественных военачальников. Но вот в конце Второй мировой победоносными войсками Красной Армии были захвачены иностранные архивы с имевшимися в них сведениями о военнопленных и узниках лагерей.

Цена тех добытых архивов неимоверна высока: нужно было прошагать суровыми дорогами войны, освободить от гитлеровцев Прагу, Варшаву, Вену и Будапешт, заплатив тысячами солдатских жизней, водрузить знак над фашистским Рейхстагом в Берлине, чтобы в Москве оказались документы Третьего рейха. Но не только из побеждённой Германии, а также из Франции, Бельгии, Австрии, Польши – государств, попранных «нацистской пятой». В качестве трофеев в российскую столицу отправились и личные архивы русских эмигрантов.

Так бы и пылились годами на архивных стеллажах, среди множества военных сводок, реляций, донесений прошения правнучки Пушкина, если бы не Марина и Гамлет Мирзоян, первыми разыскавшие их, что делает честь пытливым исследователям.

Речь в документах, попавших в Москву из Франции, идёт о наследнице Пушкина и русского царя, дочери графской четы фон Меренберг – Ольге-Екатерине-Адде. Ведь о её судьбе, личности в какой-то мере исторической, известно до обидного мало! Да и фотографий от былой жизни Ольги Георгиевны сохранилось, увы, немного. На одной из них, датированной 1903 годом, она, чудесная девочка – сказочная Мальвина, с длинными льняными локонами, запечатлена вместе с братом Георгом; на другой она – уже очаровательная девушка, вместе с аргентинской тётушкой

Александрой де Элиа, урождённой графиней фон Меренберг. Пожалуй, и всё…

Один из исторических домов на парижской улице Байяр, где жила с мужем графиня Ольга фон Меренберг.

Итак, на календаре – год 1933-й. Внучка венценосца и правнучка поэта Ольга Георгиевна Лорис-Меликова вот уже десять лет как замужем (её муж – родной внук российского графа-реформатора) и почти столько же живёт в Париже. Но на птичьих правах. И наконец-то решилась просить французские власти разрешить ей и её семье постоянно обитать во Франции. До замужества она жила в родном Висбадене, а сразу же после свадьбы покинула отчий дом и обосновалась с мужем во французской столице. В Париже в мае 1926-го у молодой пары родился сын, наречённый Александром. Верно, другого имени у младенца и быть не могло!

Пушкинский Париж

Исторический экскурс. Наследник Пушкина и его тёзка Александр появился на свет в городе, о коем столь много был наслышан его великий прапрадед. «Желал бы я провести сие время в Париже, – обращался с просьбой поэт к всесильному графу Бенкендорфу, – что, может быть, впоследствии мне уже не

удастся».

Как мечтал Пушкин о Париже, безвыездно живя в своём Михайловском! «В 4-й песне Онегина я изобразил свою жизнь, – писал он князю Петру Вяземскому из Псковской губернии, – когда-нибудь прочтёшь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? В нём дарование приметно – услышишь… в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится – ай да умница!»

Эти полные желчи строки, конечно, не более чем бравада, и виной тому сильнейшее раздражение поэта, вызванное его личной несвободой – опалой и ссылкой. «Ты, который не на привязи…» – словно сетует он другу. Незримая «привязь», ненавистный надзор, необходимость жить помимо собственной воли в Михайловском, хоть и милом его сердцу, – вот что возмущало и печалило поэта.

Париж – воплощение пушкинской мечты. Старинная гравюра.

«Пушкин с горя просился в Париж: ему отвечали, что как русский дворянин имеет он право ехать за границу, но что Государю будет это неприятно»;

«Пушкина не с чем поздравить: после долгих проволочек ему отказали в просьбе ехать свидетелем войны, только об этом он и просил. С горя просился он хоть в Париж, и тут почти ему отказали. Матушка Россия… не спускает глаз с детей своих и при каждом случае дает чувствовать, что материнская лапа её так и лежит у нас на плече».

Все эти иронически-язвительные строчки из писем князя Вяземского. Пётр Андреевич упоминает и об одном весьма любопытном проекте – вместе с Пушкиным, Крыловым,

Грибоедовым сговорились они совершить «Европейский набег»: в июне 1828-го отправиться из Петербурга на пироскафе в Лондон, а оттуда на три недели заехать в Париж. «Мы можем показываться в городах как Жирафы… – не шутка видеть четырёх русских литераторов, – делится он планами с супругой. – Журналы верно говорили бы об нас».

Париж… Пушкин знал историю французской столицы, названия её площадей и бульваров, университетов и замков. Собор Нотр-Дам, дворец Пале-Рояль, Лувр и Сорбонна, улица Людовика Великого – названия парижских достопримечательностей можно встретить на страницах пушкинских рукописей. Поэт любил Париж и мысленно не раз совершал путешествие по великому и таинственному городу.

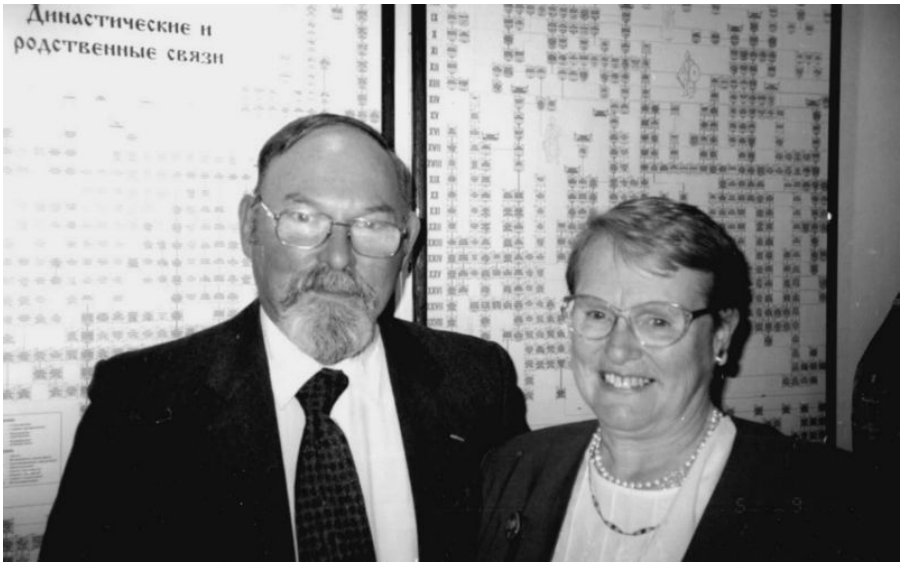
Знакомы были ему пристрастия и нравы парижан, чему свидетельством редкие французские книги в библиотеке поэта.

А сколь много с детских лет слышал Александр Пушкин восторженных воспоминаний от родного дядюшки Василия Львовича, совершившего незабываемое путешествие в Париж ещё в 1803 году! Он посетил тогда великолепные музеи, дворцы и театры, в Париже был представлен самому Наполеону, в то время первому консулу, свёл знакомство с прославленным трагиком Тальма и даже брал у него уроки декламации, виделся со многими тогдашними знаменитостями. Возвращение Василия Львовича из заграничного путешествия стало событием тогдашней московской жизни. «Парижем от него так и веяло, – вспоминал князь Пётр Вяземский. – Одет он был с парижской иголочки с головы до ног, – причёска a la Titus углаженная, умащенная huil antilue. В простодушном самохвальстве давал он дамам обнюхивать свою голову».

И пушкинский граф Нулин получил «в наследство» много милых дядюшкиных привычек и его ностальгических воспоминаний:

Святую Русь бранит, дивится,
Как можно жить в её снегах,
Жалеет о Париже страх…

Вольтер и Лафонтен, Жан-Жак Руссо и Мольер, Монтень и Андрей Шенье – эти «славнейшие представители сего остроумного и положительного народа» были известны и любимы поэтом.



Николай Васильевич Солдатёнков, потомок поэта, с супругой на праздновании двухсотлетия Пушкина в Париже. Фотография Л.А. Черкашиной. 1999 г.

Как близка была поэту Франция – он знал её историю, философию, поэзию и драматургию, не уставал следить за последними литературными новинками. Париж нужен был поэту как жизненный эликсир! Но и французская столица знала Пушкина – самый первый хвалебный отзыв о нём как о подающем надежды русском поэте появился за границей в 1821 году в парижском литературном журнале.

Ведомо было Пушкину, что, будучи в Париже, Пётр Великий оставил там крестника и питомца Абрама Ганнибала, дабы тот в совершенстве изучил артиллерийские и фортификационные науки. Первые страницы «Арапа Петра Великого» посвящены жизни «царского негра» в Париже и страстной любви его, прадеда поэта, к француженке-графине.

«Сильнейшие узы привязывали его к Парижу. Молодой африканец любил». И как ни тяжело было Ганнибалу оставлять милую ему Францию, но, повинуясь воле своего высокого покровителя, он вернулся в Россию, новую свою северную отчизну, чтобы в будущем немало порадеть для её блага.

Некогда Александр Сергеевич посвятил Оресту Кипренскому, творцу замечательного пушкинского портрета, поэтическое послание:

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу

Пристрастья важных аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.

Это предвидение поэта получило неожиданное подтверждение в год его двухсотлетия – и отнюдь не в переносном смысле.

В самом сердце Парижа взирал со своего портрета Александр Сергеевич на спешащий по старинной улочке пёстрый парижский люд. А парижане, в свою очередь, с любопытством разглядывали выставленную в витрине гравюру с оригинала Кипренского – именно этот портрет современники Пушкина считали самым достоверным изображением поэта. А чуть выше, над стеклянной стеной-витриной старинного особняка, виднелся памятный барельеф с изображением Мольера и надписью, удостоверяющей, что именно здесь впервые оповестил мир о своём появлении на свет в 1622 году младенец Жан Батист – будущий французский классик.

Посмертная судьба русского гения, не менее славная и великая, чем земная, продолжилась и в его творениях, и в далёких потомках. Именно Париж, где укоренилась одна из ветвей фамильного древа, стал родиной для многих наследников Пушкина. В 1999-м (к пушкинскому юбилею!) у парижанки Марины Бодело родилась дочь Нина – представительница седьмого поколения потомков поэта!

Наследники Пушкина – Надежда Бэр с сыном Гавриилом и племянником Стефано, Николай Васильевич Солдатёнков с супругой Ниной Георгиевной (в их семействе также пополнение – родился внук Роман) – собрались в тот июньский день в историческом парижском особняке почтить память великого предка. И как символично, что фотографировались потомки Александра Сергеевича на фоне раскидистого фамильного древа – уникальной карты-схемы пушкинского рода!

«Младые ветви» пушкинского древа. Внуки Николая Солдатёнкова. Франция. 2010 г.

Париж, куда всей душой стремился поэт, можно по праву назвать Пушкинским: и потому, что живут в нём его далёкие правнуки, и потому, что он хранит бесценные реликвии и артефакты Пушкинской России.

Парижские тайны

Но вернёмся в довоенный Париж двадцатого века, к архивным документам, связанными с судьбами потомков Александра Сергеевича.

Вот какая удивительная (даже по названию!) «Справка Генерального контроля юридических разведслужб Управления национальной безопасности МВД Франции в Военное министерство Франции» уцелела в архивных недрах.

Спасибо «недреманному оку» французской разведки, сберёгшей сведения о жизни наследницы русского царя и русского поэта!

По сути, даже не справка, а почти литературное эссе повествует о её судьбе: «Графиня Ольга Меренберг, родившаяся в Висбадене 3 октября 1898 г., отец Георг, мать Ольга Юрьевская,

оба умершие, русская по браку. Вышла замуж в Висбадене 14 ноября 1923 г. за Михаила Лорис-Меликова, родившегося 8 июня 1900 г. в Царском Селе, отец Тариэл, мать Варвара Аргутинская…

Супружескую чету Лорис-Меликовых, которые, предположительно, приехали, чтобы окончательно обосноваться во Франции, сразу же после свадьбы приютил дядя Меликова, князь Аргутинский-Долгорукий, бывший секретарь русского посольства в Париже при царском режиме. Сейчас он живёт в Париже по адресу: 7, улица Байяр, где занимает квартиру с годовым содержанием 25 тысяч франков… Немка по национальности и русская по браку, Ольга Лорис-Меликова имеет по материнской линии корни в России. Её мать, урождённая княгиня Юрьевская, была, говорят, дочерью императора Александра II. Сейчас она находится в Берне (Швейцария) по случаю хирургической операции. Состояние здоровья не позволяет ей возвратиться во Францию…»

Верно, французской разведке не всё было доподлинно известно, раз в досье о матери Ольги Лорис-Меликовой появляется расплывчатое «говорят».

Странным образом определена и национальность просительницы: «Немка по национальности и русская по браку». Не менее удивительно, что в справке говорится об обоих умерших родителях. В действительности отец, граф Георг-Николай фон Меренберг, свидетель двух мировых войн, скончался уже в послевоенной Германии.

Упомянул безымянный французский агент и дядюшку Ольги, князя Владимира Аргутинского-Долгорукого, надворного советника и секретаря русского посольства в Париже.

Указал и адрес, где жил советник и где приютил он семью Лорис-Меликовых: парижская улица Байяр, названная в честь героя давних войн Пьера де Байяра, «рыцаря без страха и упрёка». Улица почти в центре Парижа – рукой подать до набережной Сены, да и до Елисейских Полей недалеко. Сам же дом под номером семь, где обосновался русский князь, почитался историческим, ведь в нём проживали Клэр Кудер, муза и модель Огюста Родена, маркиз Шарль Шуазель-Бопре с супругой, многие французы-аристократы.

Вот в этом элитном доме, у гостеприимного дядюшки Владимира, и поселилась Ольга Лорис-Меликова с мужем. Здесь же, вероятно, в мае 1926-го огласил мир о своём появлении на свет и первенец молодой четы – младенец Александр. Так что найден ещё один «пушкинский адрес» в Париже!

Владимир Николаевич – личность интереснейшая и многогранная: дипломат, знаток искусства, меценат. Родился

князь в 1872-м, в Тифлисе, в то время как наместником на Кавказе был великий князь Михаил Николаевич. Мальчик из знатной армянской семьи, с грузинскими и русскими корнями, определён был на учёбу в Санкт-Петербург. Повзрослев, молодой человек решил посвятить себя юриспруденции и отправился постигать азы наук в английский Кембридж.

А далее князю предстояла служба на дипломатическом поприще. Числился вторым секретарём российского посольства в Париже. И здесь судьба свела его с Сергеем Дягилевым, создателем «Русских сезонов» в Париже. Князь Владимир Аргутинский-Долгоруков, подружившийся с великим импресарио, получил и «прививку» к русскому искусству.

Ранее молодой князь был дружен с Петром Чайковским, его братом Модестом Ильичом и любимым племянником композитора Владимиром. Их столь часто видели всех вместе, что в шутку величали «четвёртой сюитой».

Тёплые отношения связывали Аргутинского-Долгорукова и с Чеховым. Свидетельством чему дружески-ироничное письмо писателя, адресованное князю в Петербург из подмосковного Мелихова (май 1896-го): «Милый Владимир Николаевич, я очень рад, что Вы кончили только губернским секретарём; эта катастрофа, быть может, помешает Вам поступить в дипломаты, Вы не будете секретарём посольства и не получите орденов Графа, Олафа и Зачатия. Здоровье моё не дурно, но весной было дурно… Томит желание отправиться куда-нибудь очень далеко, например на Камчатку, – это тоже болезнь.

Спасибо за приглашение и за обещание показать мне кавказскую деревню. На Кавказ я собираюсь, но увы! Должно быть, не попаду южнее Кисловодска. Впрочем, futura sunt in manibus deorum (будущее в руках богов. – *лат.*) <…>

Что же Вы не пишете рассказов? Надоело? А Вы, если бы захотели, могли бы написать много любопытного.

Ну-с, позвольте пожелать Вам всяких благ и крепко пожать руку. Написал бы Вам ещё что-нибудь, да в кабинете около моего стола сидит учитель и шелестит бумагой. До свиданья, Вартан I! Ваш А. Чехов».

Так что о многих великих россиянах, с кем вёл знакомство Владимир Николаевич (или «Вартан I», древний царь Парфии, как шутя называл его Антон Павлович), мог он поведать племяннице Ольге.

…Прежде в России Владимир Аргутинский-Долгоруков собрал великолепную коллекцию живописи, фарфора, редчайших предметов искусства и старины. Вёл тесное знакомство с художниками и искусствоведами Александром Бенуа и Николаем

Врангелем.

Сотрудничал и с музеем Старого Петербурга, возглавлял особую комиссию по изучению и описанию Северной столицы. Так, в 1910-м он – активный член «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». К тому времени относится и весьма характерный «Портрет князя В.Н. Аргутинского-Долгорукова» кисти Кустодиева.

А в смутные для России и весьма опасные для жизни самого князя послереволюционные годы он – хранитель отдела рисунков и гравюр Эрмитажа. Состоял Владимир Николаевич в это весьма неспокойное время и членом совета Русского музея. Благодарным потомкам не должно забывать, что многие шедевры Эрмитажа и Русского музея обязаны своим спасением князю Аргутинскому-Долгорукову. Да и живописные полотна вкупе с редкостными гравюрами, переданные князем из личной коллекции, ныне украшают эти прославленные музеи.

Однако спустя три года после октябрьского переворота и очень тревожных, князь принял мудрое и спасительное для себя решение – покинуть большевистскую Россию. Замечу, в эмиграции, в отличие от многих соотечественников, он не бедствовал.

Но князь Аргутинский-Долгоруков и вдали от родины не изменил призванию: собирал работы старых мастеров, сохранял их, изучал русское искусство. Стал одним из учредителей «Общества друзей Русского музея». Входил в Пушкинский комитет, созданный Сержем Лифарём в Париже. И в памятном 1937-м – в год столетия со дня кончины Пушкина – принял участие в легендарной парижской выставке «Пушкин и его эпоха». Многие из редчайших экспонатов, привлекших внимание публики, принадлежали самому князю, ведь он был связан с поэтом нитями дальнего свойства.

А вот как прослеживается родство Владимира Николаевича с Лорис-Меликовыми. Его прародительница – княжна Нина Ивановна Аргутинская-Долгорукова, внучка Верховного Патриарха и Католикоса всех армян Иосифа Аргутяна (она же и попечительница Ольгинской женской гимназии во Владикавказе), венчалась с генерал-майором Михаилом Лорис-Меликовым. Случилось то памятное торжество в 1857 году. В семействе родились сыновья Тариэл и Захарий (оба в будущем – гвардейские офицеры) и три дочери.

Иосиф Лорис-Меликов на борту корабля в Карском море. 1913 г.

Судьба определит полковнику Тариэлу Лорис-Меликову стать отцом маленького Михаила, полного тёзки своего прославленного деда. А в будущем – свёкром графини Ольги Георгиевны фон Меренберг.

…В декабре 1941-го счёт земных дней князя Аргутинского-Долгорукова прервался. Упокоился он близ Парижа на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, оставив по себе добрую память в сердцах всех русских людей.

И как щемяще-горестно звучат строки поэта Рождественского, обращённые памятью к французскому погосту!

Малая церковка. Свечи оплывшие.
Камень дождями изрыт добела.
Здесь похоронены бывшие. Бывшие.
Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.
Здесь похоронены сны и молитвы.
Слёзы и доблесть. «Прощай!» и «Ура!».
Штабс-капитаны и гардемарины.
Хваты полковники и юнкера.
Белая гвардия, белая стая.
Белое воинство, белая кость…
Влажные плиты травой порастают.
Русские буквы. Французский погост…

Исторический некрополь под Парижем, ставший последним земным пристанищем многих славных русских людей:

художников и поэтов, полководцев и дипломатов, министров и царедворцев. Нашли здесь свой вечный покой великие князья и княгини – наследники Дома Романовых, потомки Пушкина и Гоголя…

Ваши сиятельства, их благородия —
Вместе на Сент-Женевьев-де-Буа.

Нет, не забыто имя защитника русского искусства – князя Владимира Аргутинского-Долгорукова. Но с особой благодарностью вспоминали его в семье Ольги и Михаила Лорис-Меликовых. Поминают и ныне их внуки и правнуки.

Царская внучка

Но вернёмся в год 1933-й, когда наши герои живы, а значит – дни их полны земными заботами. В августе того года Ольга Лорис-Меликова вновь направляет прошение главе Министерства внутренних дел Франции:

«Я, нижеподписавшаяся, графиня Ольга Лорис-Меликова, урождённая Меренберг, русская но национальности, эмигрантка, проживающая в Париже, прошу Вашего разрешения жить во Франции и получить удостоверение личности и сертификат с визой туда и обратно на один год. Я живу в Париже с 15 августа 1923 г., мой муж работает здесь, у нас имеется квартира на Авеню Френье, 9. В марте этого года я ездила в Буэнос-Айрес по семейным делам. Так как мой сертификат истекает 11 августа 1933 г., французское консульство в Буэнос-Айресе телеграфировало в префектуру, которая направила вид на жительство только на один месяц, а не разрешение на возобновление действия сертификата, о чём я просила. Он мне был выдан 15 июля 1931 г. и продлён в 1933 г.

Примите уверения в моём искреннем уважении.
Графиня Ольга Лорис-Меликова».

Кстати, весьма важное уточнение: если французы воспринимали госпожу-просительницу как немку, то она сама-то считала себя русской! Из письма известно, что в марте 1933-го Ольга Георгиевна посетила тётушку Александру в Буэнос-Айресе.

«Недреманое око» французской разведки, равно как и парижской полиции, устремило свой пристальный взор на

личность русской эмигрантки!

Вот префект полиции Парижа отправляет во все инстанции (в их числе и Управление национальной безопасности!) сведения об иностранке: «Вы проинформировали меня о ходатайстве проживания во Франции (ниже прилагается) русской беженки Лорис-Меликовой, урождённой Ольги Меренберг, родившейся 3 октября 1898 г. в Висбадене.

Сообщаю, что эта иностранка замужем за Михаилом Лорис-Меликовым, родившимся 8 июня 1900 г. в Царском Селе, русском беженце, законопослушном служащем банка „Lloyds et National Provincial Foreign Bank Limited“: Париж, 43, Bd. des Capucines. (Речь идёт о французском банке, расположенном на парижском бульваре Капуцинок. – *Л. Ч.*)

Ольга и Георг фон Меренберг, внуки Александра II и правнуки Пушкина. 1903 г.

Мадам Лорис-Меликова живёт во Франции с 1923 г., мать Александра, родившегося 25 мая 1926 г. в Париже.

Супруги Лорис-Меликовы живут по адресу: 9, Авеню Френье с годовым содержанием квартиры в 9 тыс. франков. Они соблюдают закон и декреты, регламентирующие пребывание иностранцев на нашей территории…

Данные, собранные на эту иностранку, благоприятные. Она уже много раз добивалась возобновления своего удостоверения личности. Поэтому я предлагаю узаконить её положение.

Мадам Лорис-Меликова заявила, что принадлежит по своему замужеству к третьему поколению родства с Иосифом Лорис-Меликовым, родившимся 10 сентября 1872 г. в Тифлисе и живущим сейчас в Сент-Женевьев-де-Буа. Прошу Вас сообщить ваши инструкции относительно Лорис-Меликовой».

Сведения о «русской беженке» (к слову, царская внучка «русской беженкой» никогда не была, ведь наследница Пушкиных и Романовых родилась в Германии!), стоит в них вчитаться, хранят не только фамильные тайны, но и «генеалогический багаж» знаний.

Вот промелькнуло в досье имя статского советника Иосифа Григорьевича Лорис-Меликова. Наследник древнего армянского рода, он стал выпускником Императорского Александровского лицея. И, как некогда Александр Пушкин, выйдя из лицея, так же и Лорис-Меликов был направлен в Министерство иностранных дел. Вначале числился делопроизводителем экспедиции, состоящей при канцелярии министерства, затем – вторым секретарём миссии в Нидерландах, после – секретарём миссии в Норвегии.

Именно там в 1913 году и случилось его знакомство с Фритьофом Нансеном. Иосиф Лорис-Меликов сопровождал знаменитого полярника в его путешествии по России, в то же время изучая особенности наречий сибирских и северных народностей: остяков и самоедов. Стоит заметить, что сам Иосиф Григорьевич в совершенстве владел французским, немецким, английским и норвежским языками.

Прославленный норвежец восхищался своим русским спутником: «Мы же благодаря такому стечению всех обстоятельств могли наслаждаться его обществом в путешествии – всегда доброжелательный и любезный, всегда прекрасно одетый и безупречно воспитанный дипломат, всегда общительный и интересный собеседник, всегда готовый как пошутить, так и оценить по достоинству чужую остроту и всегда непоколебимо уверенный в правильности российской государственной системы и её превосходстве».

В годы Первой мировой Иосиф Лорис-Меликов – первый секретарь посольства в США, затем – поверенный в делах и генеральный консул в Сиаме, нынешнем Таиланде.

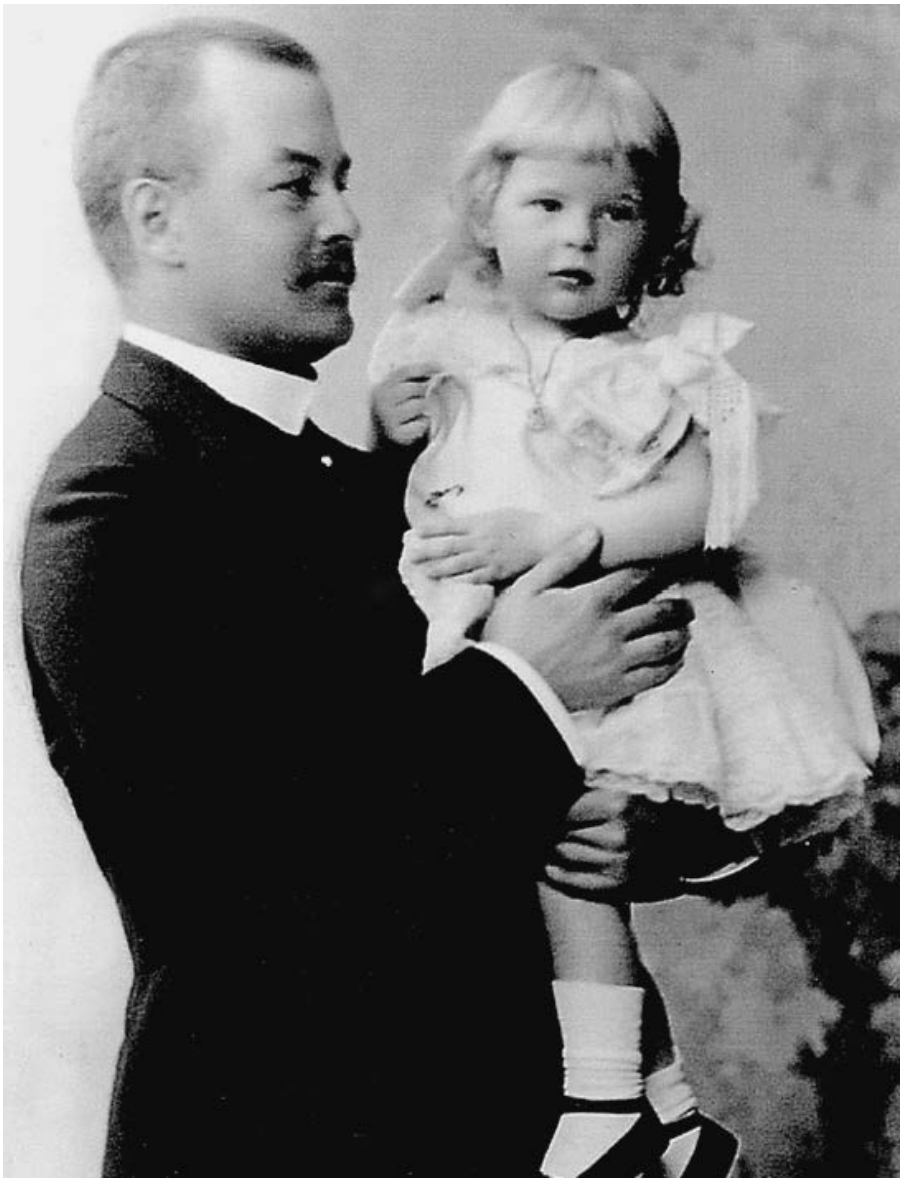
Прекрасно знавший мировую классику, Иосиф Григорьевич учил даже свою приятельницу, поэтессу Зинаиду Гиппиус, мольеровскому стихосложению.

В эмиграции бывший чрезвычайный посланник и кавалер российского ордена Святой Анны обосновался в предместье Парижа. Скончался Иосиф Григорьевич в августе 1948-го, похоронен на знаменитом Сент-Женевьев-де-Буа, близ городка во имя Святой Женевьевы.

С замечательным человеком, патриотом России Иосифом Лорис-Меликовым и суждено было породниться Ольге Георгиевне. Ей было ведомо, что Иосиф Григорьевич доводился племянником именитому российскому реформатору Михаилу Лорис-Меликову. Так что во Франции Ольга не была лишена родственной поддержки, что весьма скрашивала её жизнь в чужой стране.

…И вот – о радость! – до Ольги Георгиевны долетела долгожданная весть. Нет, она не держала в руках депеши Министерства внутренних дел Франции, направленной префекту полиции, но знала, что в ней заключена поистине благая весть: «Париж. 14 мая 1934 г.

В ответ на Ваш отчёт от 4 мая сообщаю, что разрешаю Лорис-Меликовой, урождённой Ольге Меренберг, русской беженке, проживать во Франции при условии не занимать никакой оплачиваемой должности».



Ольга с отцом, графом Георгом-Николаем фон Меренбергом. Начало 1900-х гг.

Как счастлива была услышать Ольга Георгиевна от высших полицейских чинов, что она наконец-то стала настоящей парижанкой! Её мечта исполнилась: завершилась унизительная чреда просьб о продлении визы на жительство во Франции. И до начала Второй мировой всё семейство Лорис-Меликовых благоденствовало в одном из красивейших городов мира.

Вот такие тайны, царские и поэтические, хоть и выраженные сухим канцелярским слогом, хранятся ныне в военном архиве

Москвы. В столице России, на родине великого Пушкина, где его правнучке, графине Ольге Лорис-Меликовой, не судьба была побывать.

Часть V. «Пушкинское гнездо» в Германии

«Под небом Шиллера и Гёте»

Неси меня к другой стране!
О, дайте плащ волшебный мне!

Иоганн Вольфганг Гёте

Профессор немецкой словесности Фридрих Гауеншильд был явно не в духе:

– Господин Пушкин! – обратился он к одному из учеников. – Какое невнимание! С огорчением вижу, как вы упорствуете в равнодушии к моему предмету. Ваши познания в немецком – весьма посредственные!

Вряд ли кудрявый лицеист потупил взор, скорее раздражение Гауеншильда его позабавило: и учитель был не любим им, да и к немецкому языку не испытывал он никакого пиетета.

И всё же в биографии Пушкина есть немецкая составляющая. И начинается она с места рождения поэта – части старой Москвы, именованной Немецкой слободой!

В Пушкине текла и немецкая кровь: его прапрабабушка, фрау фон Альбедиль, принадлежала к старинному немецкому роду, переселившемуся из Германии ещё в XV веке. Её дочь, Христина фон Шеберг, ставшая женой арапа Петра Великого Абрама Ганнибала, была немкой лишь наполовину. Темнокожий супруг Христины выписал из Германии студента-учителя, дабы дети его знали немецкий, не чужой им язык. Так что в доме, где рос дед Пушкина, звучала немецкая речь.

Сам Александр Пушкин немецкий язык учил лишь в лицее, знал его плохо, да и, признаться, не любил. В домашнем образовании с изучением немецкого был явный пробел, и потому в лицее отметки по немецкой словесности и языку так низки.

Но судьба распорядилась весьма затейливо: стихи не успевающего по немецкой словесности лицеиста в будущем веке зазвучат на языке Шиллера и Гёте!

Романтик Кюхля

Благодаря Вильгельму Кюхельбекеру, страстному поклоннику Шиллера, Пушкин ещё в лицее услышал имя немецкого романтика, прочитав его драмы и трагедии. Свидетельством тех давних поэтических бесед стали обращённые к другу пушкинские строки:

Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви…

Так уж повелось считать, что Владимира Ленского его создатель наделил не только романтическими мечтами немецкого гения, но и его роскошными кудрями.

Он из Германии туманной
Привез учёности плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь,
И кудри чёрные до плеч.

И все же у Ленского был реальный прототип – вечный романтик, милый неудачник Кюхля.

Старинный университет в Гёттингене, колыбель наук и вольнолюбия. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г. Публикуется впервые.

Пётр Плетнёв – Гроту (февраль 1848 г.):

«В понедельник мы все трое были у Балабиных. Я прочёл там 2-ю главу Онегина. Это подало мне повод

рассказать, как мастерски в Ленском обрисовал Пушкин лицейского приятеля своего Кюхельбекера».

Ведомо ли было о том самому Вильгельму Кюхельбекеру? Но в его дневнике сохранилась трогательная запись: «Читал я после обеда последнюю главу „Онегина“: в ней много чувства; несколько раз слёзы навёртывались у меня на глазах, – нет, тут не одно искусство, тут сердце, тут душа».

Как-то Кюхельбекер заметил, что вырос с Пушкиным и «его знает наизусть». Верно, те же слова мог повторить и поэт.

По имени Владимир Ленской,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.

Нет, самому Вильгельму Кюхельбекеру не довелось учиться на своей исторической родине в прославленном и самом либеральном в Европе Гёттингенском университете – рассаднике вольнолюбия и… поэтическом сердце Германии.

Не довелось и Пушкину. Хотя поэт Константин Батюшков полагал немецкий университет, известный одновременно строгостью законов, панацеей для спасения таланта своего юного друга. «Не худо бы Сверчка (прозвище поэта. – *Л.Ч.*) запереть в Гёттинген и кормить года три молочным супом и логикою, – писал он Александру Тургеневу в 1818 году. – Из него ничего не будет путного, если он сам не захочет; потомство не отличит его от двух однофамильцев, если он забудет, что для поэта и человека должно быть потомство… Как ни велик талант Сверчка, он его промотает… Но да спасут его музы и молитвы наши!»

Нет, не спасли. И дуэль, и смерть Ленского – не предвидение ли это собственной роковой судьбы?

Домой приехав, пистолеты
Он осмотрел, потом вложил
Опять их в ящик и, раздетый
При свечке, Шиллера открыл…

Уж не читал ли своего любимого Шиллера и Вильгельм Кюхельбекер перед дуэлью с… Пушкиным? В юности, обидевшись на пушкинскую эпиграмму, Кюхля вызвал на поединок друга, избрав себе в секунданты Дельвига. Но Пушкину вовсе не хотелось участвовать в той странной дуэли, а уж тем более

стрелять в Кюхлю. Первый свой выстрел он уступил обиженному приятелю, не забыв обратиться и к другому товарищу: «Дельвиг! Стань на моё место, здесь безопаснее». Взбешённый Кюхельбекер выстрелил, и пуля, действительно, пробила фуражку на голове Дельвига. Кюхля промахнулся, а Пушкин бросил свой пистолет. На том друзья и примирились.

Великий Гёте. Старинная гравюра из музея Гёте во Франкфурте-на-Майне.

Этот трагикомический эпизод не омрачил их дружбы, и Кюхельбекер боготворил Пушкина до своих последних дней.

Не сожалел ли Пушкин, что так и не довелось ему прочесть немецкого гения в оригинале? Поэтому и просил друзей прислать

ему драмы Шиллера во французском переводе. Но знаменитые баллады читал благодаря блестящим переводам Жуковского на русском.

«Ангел романтической поэзии»

Как знать, не появись во Франкфурте-на-Майне в 1749 году (ровно за 50 лет до рождения Пушкина!) младенец Иоганн Вольфганг Гёте, пушкинская поэзия несколько поблёкла бы, что-то важное в ней, быть может, было утрачено…

Дом-музей Гёте в Веймаре. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г.

«Ангел романтической поэзии» – так немецкого классика, кроме Пушкина, не называл, пожалуй, никто. Гении – родня друг другу. У Пушкина, помимо величественного фамильного древа, есть и своя особая родословная, идущая от корней французской, итальянской, английской, испанской, немецкой поэзии.

За двадцать лет до рождения Пушкина имя Гёте как сочинителя «Вертера» уже звучало в России. «Страдания юного Вертера» – поистине культовая книга в XIX столетии: вначале ею зачитывались немецкие фрейлейн, затем – русские барышни. С любимым романом не расставалась и пушкинская Татьяна:

И Вертер, мученик мятежный,
<…>

Все для мечтательницы нежной
В единый образ облеклись,
В одном Онегине слились…

Вертеровские страсти были перенесены и на благодатную русскую почву. И сколько же скрытых опасностей, таившихся в немецком романе, подстерегало доверчивых читательниц!

Одна с опасной книгой бродит…

Свою милую Татьяну автор уберёг от возможных бед. Но в жизни случались подлинные несчастья: некая немецкая мечтательница утопилась в реке Ильм с заветным томиком «Страданий…». И произошло то несчастье в окрестностях Веймара, совсем неподалёку от охотничьего домика Гёте. Создатель литературного шедевра был весьма опечален этой трагедией и, полный сострадания, воздвиг романтический памятник девушке из Веймара, что так страстно умела любить.

Памятник Гёте и Шиллеру в Веймаре. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г.

Гёте – это тоже «наше всё» для Германии, как и Пушкин для России. Ему было под силу поднять немецкую поэзию на небывалую высоту, создать бессмертные шедевры: драму «Фауст», романы «Страдания юного Вертера», «Вильгельм Мейстер». Он – литературный современник Пушкина. И в каком-то смысле его учитель.

Гёте приступил к «Фаусту» задолго до появления на свет младенца Пушкина, закончил же труд за несколько лет до гибели русского поэта. Ему было даровано творческое долголетие – он смог завершить почти все свои начинания. Пушкину судьба для развития его гения отпустила слишком короткий срок.

Гёте – кайзер немецкой поэзии, как Пушкин – царь русской. Оба они – Пушкин и Гёте – поэтические монархи. Их именами

названы целые эпохи в культуре двух стран: пушкинская эпоха в России и гётевская – в Германии.

Немецкий классик и русский гений связаны особым поэтическим родством. Пушкин называл Гёте «нашим Германским Патриархом», а бессмертный «Фауст» вдохновил поэта на создание собственного творения «Сцены из Фауста». Совершенно оригинального и не повторявшего ни одного отрывка из «Фауста».

Удивительная метаморфоза – Пушкин «привил» Фаусту не знаемую на Западе «болезнь» – русскую хандру: «Мне скучно, бес…» и, вдобавок, от поэтических щедрот, наделил его онегинскими чертами.

Доктор Фауст надолго завладел воображением поэта, он хотел вывести его героем в своих поэмах и повестях, но отзвуки неосуществлённых замыслов остались лишь в планах и черновых набросках. (Стоит заметить, что в домашней библиотеке поэта хранилась книга – собрание немецких легенд о докторе Фаусте, «знаменитом чародее и чернокнижнике».)

«Сцены из рыцарских времён» – это плод пушкинского увлечения историей Средневековья Западной Европы, и Германии в том числе. Незаконченная пьеса написана Пушкиным в августе 1835 года, в ней, по замыслу автора, должен был появиться и Фауст. Поэт выбирает одну из легенд, где Фаусту приписывается изобретение книгопечатания: «Пьеса кончается размышлениями и появлением Фауста на хвосте дьявола (изобретение книгопечатания – своего рода артиллерии)».

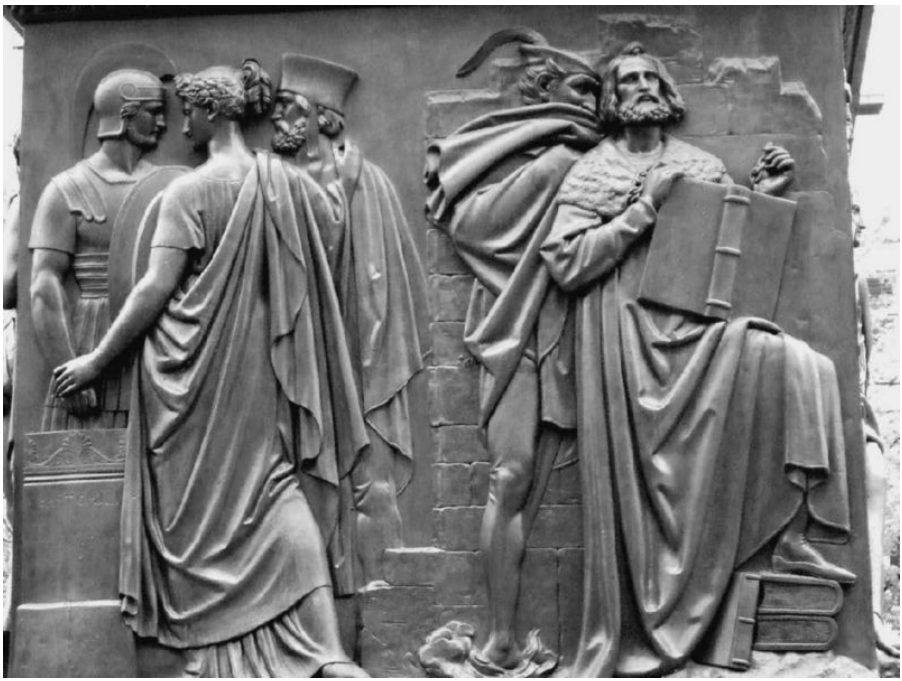
Памятник Гёте в его родном Франкфурте-на-Майне. (Снимается фильм «Под небом Шиллера и Гёте»). 2007 г.

В пушкинских признаниях нет и следа зависти к создателю «Фауста»:

> «Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания… – такова смелость Гёте в „Фаусте“»;
>
> «Читаю Библию, Святой Дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гёте…»;

«В „Фаусте“ больше идей, мыслей, философии, чем во всех немецких философах… Это философия жизни».
«Благоговею пред созданием „Фауста“…»

Но не удивительно ли, что и самому Пушкину довелось примерить маску гётевского героя? Сценическое действие разворачивалось в тверских усадьбах Малинники и Берново, в городке Старице; место действия – январь 1829-го; исполнители главных ролей – Пушкин, его приятель Алексей Вульф, Катенька Вельяшева, Нетти и Евпраксия Вульф; в роли «статисток» – уездные барышни.



Барельеф на памятнике Гёте с его героями Фаустом и Мефистофелем. Франкфурт-на-Майне. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г. Публикуется впервые.

«В Крещение приехал к нам в Старицу Пушкин, – записывает в дневнике Алексей Вульф. – С ним я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, отчего его и прозвали сёстры Мефистофелем, а меня Фаустом. Но Гретхен (Катенька Вельяшева), несмотря ни на советы Мефистофеля, ни на волокитство Фауста, осталась холодною; все старанья были напрасны».

…В 1830-х «Фауст» ещё не был переведён на русский, и молодой поэт Эдуард Губер взял на себя этот труд. Работа

близилась к концу, но однажды из-за придирок цензуры Губер в порыве гнева разорвал уже готовую рукопись – итог пятилетних трудов! И только Пушкин смог убедить его вновь приняться за перевод.

Но остались благодарные воспоминания Губера о «живом участии, советах и ободрении нашего поэта»: «…Под его надзором труд мой быстро продвигался вперёд… Многие места перевода исправлены Пушкиным».

Свой перевод «Фауста», увидевший свет после смерти поэта, Эдуард Губер посвятил «незабвенной памяти А.С. Пушкина, благословившего на подвиг трудный».

Так что Пушкин в какой-то степени – соавтор Гёте, ведь благодаря стараниям поэта «Фауст» зазвучал на русском.

Паломничество в Веймар

Немецкий город Веймар, где обосновался создатель «Фауста», стал поэтической Меккой для русских путешественников девятнадцатого столетия.

Достойный удивления факт: Гёте окончательно перебрался в Веймар в 1775-м, где при дворе великого герцога Карла Августа Саксен-Веймарского, по остроумному замечанию одной писательницы, «правил духовной жизнью своих современников как собственным царством»; и по некоему стечению обстоятельств в том же году, в далёкой петербургской усадьбе Суйда в семье русского африканца Абрама Ганнибала родилась его внучка Надежда, в будущем мать русского гения!

Своё паломничество в Веймар совершили многие русские писатели, художники, поэты, дипломаты. В их числе – близкие друзья и знакомые Александра Пушкина: Василий Жуковский, Зинаида Волконская, Орест Кипренский. Сохранились их воспоминания о встречах с Гёте, долгих беседах, где часто звучало имя Пушкина.

Князь Элим Петрович Мещерский, русский дипломат и поэт, лично знавший немецкого гения, полагал, что «выше всех знаменитостей, связанных с именем Веймара, – великая фигура Гёте обрисовалась в своих гигантских размерах… Гёте был настоящий микрокосм; он вмещал в себя мир, служил его храмом. Храмом Гёте был Веймар…».

Некогда Дмитрий Веневитинов, называя Гёте учителем, своим и Пушкина, словно предрёк приятелю:

И верь, он с радостью живой
В приюте старости унылой,

Ещё услышит голос твой…
И Гёте услышал русского поэта.

Впервые в гостиной веймарского дома прозвучали пушкинские строки в ноябре 1820-го: Вильгельм Кюхельбекер читал стихи лицейского приятеля самому Гёте, а тот внимал восторженному юноше из России. Его чуткое поэтическое ухо легко внимало музыке русского стиха.

Вильгельм с восторгом сообщает матери о столь значимом для него знакомстве: «Я видел бессмертного…» Веймар в ту пору сравнивали с поэтическим Олимпом, ведь там, на недостижимой для простых смертных вершине, обитал верховный бог, немецкий гений.

Вероятно, Гёте принял молодого паломника из России в память своих студенческих лет, ведь некогда он учился в одном университете с его отцом – Кюхельбекером-старшим.

Он с лирой странствовал на свете;
Под небом Шиллера и Гете…

Есть необычное доказательство поэтического родства Вильгельма Кюхельбекера с Владимиром Ленским. Если следовать хронологической канве «Евгения Онегина», Ленский в начале 1820-х странствовал «с лирой» по Германии и не мог не посетить Веймар, дабы отдать дань уважения патриарху немецкой поэзии. Путь Ленского из университетского Гёттингена в Россию – так полагают знатоки пушкинского романа, – должен был пролегать через столицу немецкого классицизма. Миновать Веймар было невозможно!

Вероятно, если бы Пушкин продолжил роман, что и Ленского неосторожные мечты довели бы до Сибири. Как и его реального прототипа Вильгельма Кюхельбекера! Почти по Гёте:

Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двух душ…

Осенью 1827 года Жуковский провёл в Веймаре в гостях у Гёте три незабываемых дня. Во время дружеской беседы Жуковский прочитал ему пушкинскую «Сцену из Фауста» в собственном переводе на немецкий. Магический круговорот поэзии!

Растроганный до глубины души Гёте просил русского друга оказать ему любезность: передать Пушкину, поэтическому собрату, так он называл русского поэта, на память гусиное перо. У Пушкина перо хранилось в кабинете в богатом сафьяновом футляре и надписью: «Подарок Гёте».

Никто доподлинно не знает, был ли в действительности сделан тот подарок? Но даже если это и легенда, то она несёт глубокий символический смысл: великая поэзия не имеет границ ни земных, ни хронологических.

Известно, что Гёте собирался в Россию. Его занимали русская культура и история, и особенно – загадочная смерть «самого романтического императора» Павла I, им были уже составлены записки для будущей работы. Поэт с интересом расспрашивал о России своих знакомцев, побывавших в Москве и Петербурге. Мечтал увидеть северную страну и Шиллер. Если бы Пушкин получил высочайшее позволение на поездку в Германию, с великой радостью отправился бы в немецкие «чужие края», совершив давно задуманный им «поэтический побег».

Памятник Пушкину в Веймаре. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г.

Не дано было встретиться поэтам в земной жизни.

Временные параллели: Шиллер умер в мае 1805 года в Веймаре; юный Александр Пушкин гостит в подмосковном имении Захарово у бабушки, Марии Ганнибал.

Гёте умирает 22 марта 1832 года в Веймаре, Пушкин – живёт в Петербурге (только что вышел в свет романс на его стихи «Я помню чудное мгновенье…»; в тот день поэт слушал концерт

Гайдна – печальная весть из Веймара до Петербурга долетела не скоро).

Пушкин – дитя ко дню кончины Шиллера и зрелый муж, когда мир потерял Гёте.

Когда умер Шиллер, один из его почитателей горестно воскликнул: «Так себе что-то живёт, а Шиллер должен был умереть!»

Эта скорбная формула равно применима и к Гёте, и к Пушкину.

Фрейлина Александра Россет вспоминала давно слышанный ею разговор:

«Пушкин сделал одно из своих оригинальных замечаний:

– Мне хотелось бы встретить на том свете Данте, Шекспира, Паскаля, Эсхила и Байрона; и Гёте, если я его переживу…

Жуковский проворчал:

– Ты с ума сошёл! Гёте старик и близится к смерти, а у тебя ещё едва на губах молоко обсохло.

Пушкин рассмеялся:

– Вот нашёл грудного младенца!.. Даже твой любезный Шиллер сказал, что любимцы богов умирают молодыми…»

Как же скоро исполнилось пушкинское пророчество!

Царская депеша

В январе 1837-го из Петербурга в немецкий город Веймар летела императорская депеша. Николай I сообщает сестре, великой герцогине Марии Павловне Саксен-Веймарской, последние светские вести: «Здесь нет ничего такого любопытного, о чём я мог бы тебе сообщить. Событием дня является трагическая смерть Пушкина, печально знаменитого, убитого на дуэли одним человеком, чья вина была в том, что он, в числе многих других, находил жену Пушкина прекрасной, притом, что она не была решительно ни в чём виновата…»

Великая герцогиня не медлит с ответом царственному брату: «То, что ты сообщил мне о деле Пушкина, меня очень огорчило: вот достойнейший сожаления конец, а для невинной женщины ужаснейшая судьба, какую только можно встретить».

Великая княжна Мария Павловна, в будущем великая герцогиня Саксен-Веймарская. Художник В. Боровиковский. 1804 г.

Ранее великая княжна Мария Павловна, дочь императора Павла I, стала супругой наследного принца Карла-Фридриха Саксен-Веймарского. По праву снискала славу созидательницы духовных мостов между маленьким Веймаром и двумя российскими столицами – Москвой и Петербургом. Именно русская великая княжна способствовала тому, что Веймар в первой половине XIX века стал центром искусств, «немецким литературным олимпом». Мария Павловна, помимо титула великой герцогини, имела еще иной, более высокий: её называли «средоточием умственной жизни Германии». Она была дружна с

Гёте, именовавшим её «добрым ангелом», поддерживала его интерес к русской литературе и поэзии.

Лишь одно упоминание о герцогине встречается в пушкинской переписке. Князь Вяземский в апреле 1828-го сообщает жене из Петербурга: «Веймарскую Марию Павловну ожидают сюда на днях». Пушкин также слышал эту светскую новость, так как в письме приятеля он приписал несколько строк княгине Вере…

Никогда не виданная поэтом столица Тюрингии вошла в летопись его жизни. Или вернее, смерти. Через Веймар пролёг путь дуэльных пистолетов, одним из которых был смертельно ранен Пушкин. В декабре 1835-го французский посол барон Амабль-Гильом-Проспер-Брюжьер де Барант, направляясь к месту новой службы, в Петербург, сделал остановку в Веймаре, остроумно именованном Гёте маленькой резиденцией, насчитывающей «десять тысяч поэтов и несколько жителей», где нанёс визит герцогине. О чём и сообщил в Париж: «Великая герцогиня, сестра русского императора, приняла меня благосклонно… Вообще разговор проходил в благосклонном тоне, было явное намерение показать, что я встречу в Петербурге хороший приём».

Пара дуэльных пистолетов проследовала вместе со своим владельцем, французским послом, через самый поэтический город в Германии, чтобы вскоре оказаться на берегах Невы…

В личной библиотеке Марии Павловны хранились прижизненные пушкинские издания «Полтавы» и «Евгения Онегина». Возможно, эти книги держал в руках и Гёте.

Некогда, увидев во дворце Бельведер юную герцогиню Марию, Шиллер словно предрёк: «Я ожидаю для нашего Веймара чудесную эпоху, если только она почувствует себя как дома».

Гёте почитал её одной из совершеннейших женщин своего времени: «Великая герцогиня и умна, и добра. Она истинное благословение для страны». Быть может, Мария Павловна оправдала и тайные надежды своего друга, после кончины увековечив память его и Шиллера, двух великих граждан Веймара.

Русская церковь во имя святой Марии-Магдалины, в Веймаре, возведённая волею великой герцогини. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г.

Да, это она способствовала открытию в Веймаре мемориальных музеев Гёте и Шиллера. И так уж распорядилась судьба, что покоится эта удивительная женщина на Историческом веймарском кладбище вблизи двух великих могил: Гёте и Шиллер – в герцогской усыпальнице (там же похоронен и супруг Марии Павловны Карл Фридрих), а герцогиня – в русской церкви Марии Магдалины, возведённой по её воле и примыкающей к мавзолею. Даже смерть не смогла разделить их высокой земной дружбы.

Ещё при жизни Марии Павловны, в 1857-м, на Театральной

площади Веймара, перед Национальным театром, появился бронзовый монумент Гёте и Шиллеру: два гения держат в руках лавровый венок – один на двоих…

Святое дружбы торжество,
И душ великих божество…

А в середине XX века – в год 150-летия Александра Пушкина – на краю городского парка, рядом со старинной крепостной башней, воздвигли памятник российскому гению. И улица, что ведёт к памятнику поэту, именована в его честь – Пушкинштрассе, название для русского уха непривычное, но в переводе не нуждающееся.

Веймар – единственный город в Германии, где возведены монументы трём величайшим поэтам мира. Поэтический тройственный союз под небом Тюрингии: Шиллер, Пушкин и Гёте!

Корона Герцогства Люксембургского

Без порфиры и венца…

Александр Пушкин

Династические страсти

В другом немецком городе – Висбадене – в семье графини Наталии фон Меренберг, младшей дочери поэта, и принца Николая Нассауского в феврале 1871-го появился на свет долгожданный сын. Мальчика нарекли Георгом-Николаем.

Судьба уготовила ему замысловатую жизненную стезю, однажды чуть было не увенчав внука Пушкина короной герцогства Люксембургского.

Дабы разобраться в династических претензиях графа Георга фон Меренберга на высокий монарший титул, обратимся к истории Великого герцогства.

Падение Наполеона и появление на карте Европы, в самом её центре, нового независимого государства – два взаимосвязанных события. Судьбу Великого герцогства Люксембургского решил Венский конгресс 1815 года. Правителем герцогства стал тогда Вильгельм (Виллем) I, представитель правящей династии Нассау-Оранских.

В истории крошечного государства было немало великих потрясений. Вокруг него разгорались жаркие политические дебаты: так, в 1867 году на международной конференции в Лондоне был определён статус герцогства как наследственного владения Дома Нассау и «вечно нейтрального»!

Со смертью Вильгельма III в 1890-м герцогская корона перешла к Адольфу Нассау, брату принца Николауса и… деверю графини фон Меренберг.

Клянясь отстаивать свободу и независимость своей страны, великий герцог Адольф произнёс тогда ставшую крылатой фразу: «Короли умирают, династии угасают, но народы остаются!»

В начале XX века его племянник, граф Георг фон Меренберг, чуть было не стал Великим герцогом Люксембургским, оказавшись единственным «мужским представителем династии»: у владетельного герцога Вильгельма, двоюродного брата Георга, не было сыновей. И над древним нассауским родом, ведущим свою летопись со времён Карла Великого, одной из ветвей которого была королевская династия Оранских, нависла угроза исчезновения.

1905-й стал годом горьких потерь для внука поэта: в сентябре умер его отец, принц Николаус, а в ноябре – и дядюшка, великий герцог Адольф. Люксембургский престол наследовал единственный сын великого герцога, Вильгельм. От брака Вильгельма фон Нассау с португальской принцессой Марией-Анной рождались лишь дочери – одна за другой шесть очаровательных принцесс: Мария-Аделаида, Шарлотта, Хильда, Антония, Элизабет, София.

Великий герцог Люксембургский Адольф фон Нассау (с 1890-го по 1905-й). 1903 г.

Встревоженный столь неординарной ситуацией в своём августейшем семействе, герцог Вильгельм в 1907 году внёс в парламент вопрос о престолонаследии. Ведь по закону прекрасная принцесса могла примерить корону лишь в случае, «если угаснет последний мужской представитель династии». Вот

тогда-то граф Георг фон Меренберг, по рождению принц Нассау (!), и заявил о своих правах на люксембургский трон и майоратные владения стоимостью в пятьдесят миллионов марок.

Парламент страны вынес решение о невозможности наследования престола графом ввиду морганатического брака его родителей (ведь отец претендента был женат на «особе не из владетельного дома»). Результаты того давнего голосования известны: семеро парламентариев голосовали за графа фон Меренберга, сорок один – против.

Внук поэта протестовал и доказывал, что владетельный Дом Нассау признавал законным брак его родителей, и его дядюшка Адольф тепло относился к младшему брату Николаю и его очаровательной супруге Наталии Александровне, в девичестве Пушкиной.

В том же 1907-м в июньском номере американской «Нью-Йорк таймс» появилась статья с говорящим заголовком: «Граф Меренберг протестует: „Не хотел бы, чтобы в Люксембурге правила женщина“».

На исторической родине Георга пристально следили за ходом судебного процесса. Так в газете «Утро России» безымянный корреспондент размышлял: «Люксембург не имеет собственных каменноугольных копей. При таких условиях неудивительно, что этим государством до сих пор не интересовался почти никто, кроме лиц, имеющих на него права и знающих, что это как-никак держава стоит всё-таки много миллионов марок».

Дочери-принцессы великого герцога Люксембургского Вильгельма: Софи, Элизабет, Антония, Хильда, Шарлотта, Мария-Аделаида. 1905 г.

Георг не собирался сдаваться и обратился в суд Висбадена,

где должен был решиться вопрос о майоратных владениях Дома Нассау. Этот суд был им проигран, но не бесславно: Люксембургский двор предложил внуку поэта ежегодную ренту в сорок тысяч марок и солидную денежную субсидию. Георг фон Меренберг, поначалу отвергнувший те условия, всё же после долгих и, верно, мучительных раздумий от дальнейшей борьбы за герцогскую корону отказался. И не только от себя лично, но и от имени своих наследников. Хотя, по мнению знатоков династического права, граф фон Меренберг вполне мог выиграть процесс и стать правителем европейского государства, ведь сам великий герцог Адольф признавал брак младшего брата с дочерью поэта!

За перипетиями тех давних баталий с волнением наблюдали в Российской империи. В декабре 1909-го газета «Утро России» вышла с сенсационным заголовком: «Внук Пушкина отказался от своих прав на Люксембургский престол!»

Вот уж поистине:

Ты венец утратил царский…

Со смертью Великого герцога Вильгельма в феврале 1912-го мужское поколение Дома Нассау-Вейльбург угасло. И люксембургский трон после кончины венценосного отца наследовала Мария-Аделаида, старшая из его шести дочерей-принцесс. Ей определено было стать первой женщиной-монархом в истории Люксембурга. Правда, позднее герцогиня отреклась от престола в пользу сестры Шарлотты, потомки коей с тех пор и правят Великим герцогством.

Замечу, граф Георг фон Меренберг не очень печалился, что лишился короны Люксембурга. Известна его беседа с князем-свояком Барятинским. Тот спросил родственника: «Тебя так уж прельщал люксембургский престол?» Георг лишь иронично усмехнулся: «Что ты! Меня прельщала пенсия!»

И всё-таки жаль, что на трон Великого герцогства Люксембургского так и не взошёл внук Пушкина. Событие то стало бы апофеозом всех долгих и непростых отношений поэта с Домом Романовых. Внук царя русской поэзии на троне! История Европы могла стать иной…

Граф Георг фон Меренберг, претендент на люксембургский престол, с сыном. Конец 1900-х гг.

Историческая несправедливость, допущенная в начале XX века, на его исходе чуть смягчилась – Культурный центр в Люксембурге назван именем Александра Пушкина. А в одном из городков герцогства воздвигнут памятник русскому гению.

«На фронте не был»

Но вернёмся к судьбе немецкого внука поэта. С началом грянувшей Первой мировой Георгу фон Меренбергу предстоял сложный выбор: как офицер, имевший чин ротмистра ландвера и служивший в одной из прусских кавалерийских частей, он должен защищать Германию, своё отечество, а как внук великого русского поэта, не желал идти против России. Он не уставал засыпать военное начальство просьбами об отправке его на фронт, в полк, действовавший против Франции.

По счастью, сохранились воспоминания самого графа, годы спустя поведанные им нью-йоркской газете «Слово»:

«Благодаря тому, что моя жена была русская, и к тому же дочь русского императора, во время войны она переживала очень тяжёлое время. Немцы всегда ставили ей в вину её происхождение и делали много непристойностей.

Мне тоже было нелегко. Кто-то бросил мне обвинение, что родной внук Пушкина в рядах германской армии сражается против русских. Это была жестокая неправда. Как только была объявлена война с Россией, я немедленно заявил, что не могу сражаться против родственного мне народа. Правительство уважило моё заявление, и я никогда на фронте не был».

Известно лишь, что в конце Первой мировой граф Георг фон Меренберг имел чин полковника.

А ранее, в мирное время, Георг вместе с женой Ольгой нередко бывал в гостях у тёщи, Светлейшей княгини Екатерины Юрьевской. Вот что вспоминал о тех визитах князь Владимир Оболенский: «Весною 1902 года я приехал в Париж, и мой брат (Сергей Оболенский, женатый на княжне Екатерине Юрьевской. – *Л.Ч.*) представил меня своей тёще. Княгиня пригласила меня на семейный завтрак, на котором присутствовали кроме моего брата, его молодой жены и меня также и старшая дочь хозяйки дома Ольга Александровна с мужем, который и был граф Георг фон Меренберг. Во время этого завтрака, оживлённого и весёлого, Меренберга усиленно дразнили его незнанием русского языка, непристойным для внука Пушкина. Он не обижался и с большим

юмором и добродушием парировал сыпавшиеся на него нападки. Эти две черты его характера – юмор и добродушие – были весьма притягательны и послужили возникновению приятельских отношений между нами».

После смерти жены, в девичестве Светлейшей княжны Ольги Юрьевской, граф-вдовец, чтобы развеять горечь утраты, отправился в путешествия по странам и континентам. Спустя пять лет после смерти обожаемой им Ольги Георг фон Меренберг сочетался брачными узами с Аделаидой Моран Брамбеер, гражданкой Соединённых Штатов Америки.

В Париже вновь случилась его встреча с бывшим свойственником – князем Владимиром Оболенским, и тот не поленился записать о ней: «Переходя мост де ля Конкорд, я остановился поглазеть на досужих рыболовов, и рядом со мной оказался Георг Меренберг. Мы искренно обрадовались неожиданной встрече, и на следующий день он обедал у меня. Мы вспомнили наше первое знакомство здесь же, в Нейи, в несуществующем уже большом доме княгини Юрьевской. Он был всё также переполнен юмора и добродушия… но значительно поседел и потолстел… Женился вторично, на американке…»

Наследников графу жена-американка не подарила, да и супружество то было недолгим – внуку поэта суждено было пережить и вторую жену.

Юбилей в Нью-Йорке

В 1937 году, памятном своим печальным юбилеем – столетием со дня смерти Пушкина, Георг фон Меренберг пребывал в Нью-Йорке. Здесь ему предстояло стать объектом самого пристального интереса со стороны журналистов русских эмигрантских изданий. Всех удивляло, даже возмущало, как это может быть: внук Пушкина и не знает языка, на котором писал и говорил его великий дед?! Впрочем, и сам Георг разделял то нелестное для него мнение.

«И как-то не вяжется в русском сердце то, что говорящий на английско-немецком наречии граф Меренберг имеет в своих жилах кровь Пушкина, – недоумевал некий корреспондент. – Точно так же странно, что гарлемские негры считают Пушкина „своим родным поэтом“ и наравне с русскими чествуют его память. Может быть, в этом и заключается мировое значение великого поэта, связавшего себя со всем миром при помощи своего английского, немецкого, русского и даже эфиопского родства».

Вот что любопытно в сих давних размышлениях – африканцы,

жившие в то время в Нью-Йорке, были гораздо образованнее своих нынешних собратьев!

Да и вся Америка, приютившая немало эмигрантов из России, воздала в тот год должное русскому гению. Смысл празднования был обозначен так: «Американская Русь должна послужить Возрождению Великой Руси путями, завещанными Пушкиным». Такую сверхзадачу возлагали на пушкинский юбилей эмигрантские сообщества. Не иначе как подарком свыше виделся им приезд в Нью-Йорк внука самого Александра Сергеевича!

Вот другой журналист делится впечатлениями от встречи с Георгом фон Меренбергом (он везде был самым желанным гостем!): «Моя первая встреча с родным внуком А.С. Пушкина имела место очень недавно на интимном вечере нью-йоркских младороссов, где граф Меренберг был почётным гостем…

В уютном помещении младороссов царило праздничное настроение. Это были Пушкинские дни, и у всех на устах было это обаятельное имя великого поэта. Я невольно затаил дыхание, когда распорядитель вечера Н.Н. Шипов подошёл ко мне и сказал, что представит меня графу Меренбергу.

За большим столом, на котором мерцали свечи, в обществе русских и американцев сидел граф Георгий Меренберг – уже пожилой, седой, полный, в больших очках, с добродушным лицом. В этом лице, во всей иностранной фигуре нельзя было отыскать ни одного „пушкинского штриха“. Граф встретил меня приветливо и даже несколько застенчиво: „Не спрашивайте меня о Пушкине… Я ничего не знаю“.

…Граф по-русски знает столько же, сколько всякий иностранец, часто попадающий в русское общество: „Да“, „Нет“, „Хорошо“, „Спасибо“, „За ваше здоровье“. Но всё же в нём есть гордость, перешедшая от Пушкина и русской аристократии. Когда кто-то подошёл к Меренбергу и передал ему, что князь N просит его к своему столу, потомок Пушкина с большим достоинством ответил: „Если князь N хочет видеть меня, то для него будет место за моим столом“».

Думается, претензии к незнанию графом русского языка следует адресовать не ему, а прежде – его маменьке Наталии Александровне. Видимо, во второй своей семье графиня фон Меренберг разговаривала с детьми исключительно на немецком. Вряд ли подобное воспитание пришлось по душе её великому отцу. Огорчился бы Александр Сергеевич неимоверно: внуки, о судьбах коих он так тревожился, мысля об их прекрасном будущем, по сути, отреклись от родного языка. Оттого-то, уже взрослые дети немецкой графини (урождённой Наталии Пушкиной!) чувствовали себя неловко, особенно когда их

чествовали как наследников величайшего из русских поэтов.

Чествование памяти Пушкина в Ленинграде в феврале 1937 года.

В этой любопытной заметке автор не погрешил против истины: граф Меренберг при всём своём добродушии умел заставить себя уважать. Ведь ему было ведомо о своём могучем родословном древе, о славных исторических предках, и хотя его графский титул почитался ниже княжеского, но идти на поклон к «князю N» внуку Пушкина не пристало! Да и близкое родство с Домом Романовых обязывало к тому.

Но вот любопытно, коли Георг фон Меренберг принял приглашение младороссов, значит, разделял их убеждения. Но кто же они такие? И что за цели преследовали?

Социал-монархическое движение эмигрантов явилось на политическую арену в 1923 году на съезде русской молодёжи. Именно тогда в Мюнхене было объявлено о создании Союза «Молодая Россия», позже переименованного в Младоросскую партию. Партия провозгласила заветное триединство своим девизом «Бог. Царь. Родина», а гимном избрала знаменитый «Боже, Царя храни».

Монархические пристрастия младороссов отданы были великому князю Кириллу Владимировичу. Он, родной внук Александра II, провозгласивший себя российским императором в

изгнании, направил в руководство партии кузена – великого князя Дмитрия Павловича, снискавшего печальную известность как один из убийц Григория Распутина. И другой августейший член семьи Романовых – великий князь Андрей Владимирович – был замечен в сочувствии младороссам.

Отделения новой партии, именовавшиеся «очагами», ярко «разгорелись» по всему миру: в Шанхае и Париже, Праге и Афинах, Софии и Нью-Йорке. Но как-то сами собой и «угасли» в начале сороковых. Но тогда, в 1937-м, партия процветала, и младороссы чествовали у себя в Нью-Йорке дорогого гостя – внука Пушкина и зятя императора Александра II.

Благодаря всё тому же дотошному журналисту до нас дошли слова, сказанные (увы, на английском!) графом Георгом фон Меренбергом: «Горжусь, что я потомок великого русского поэта, что во мне течёт русская кровь, что всё время в моей семье были русские. Моя связь с русскими никогда не прерывается, я всегда чувствую, что всё русское мне близко».

Ему не довелось стать свидетелем поистине русского размаха, с каким чествовали память Пушкина в 1937-м, в Советской России. Думается, внук поэта был бы глубоко поражён глубиной той народной любви! А те давние пушкинские торжества в Нью-Йорке – лишь слабый её отблеск…

Судьба подарила графу фон Меренбергу ещё десять лет жизни, сделав свидетелем Второй мировой, поражения Германии и начала её возрождения. Вне сомнений, одной из последних его земных радостей стала внучка, маленькая Клотильда, не только унаследовавшая пушкинские черты, но, в отличие от дедушки, изучившая русский язык.

Граф Георг фон Меренберг умер в мае 1948-го и стал последним, кто упокоился в фамильном некрополе герцогов Нассау в родном ему Висбадене, «под небом Шиллера и Гёте».

Графиня из «рыцарских времён»

Как она прекрасна!

Александр Пушкин

В «Северной Ницце»

Немецкий Висбаден – поистине город «с пушкинской кровью». Его название единственный раз промелькнёт в переписке поэта: знакомец Пушкина и поклонник московской барышни Лизоньки Ушаковой пишет о желании ехать «на висбаденские воды», чего «настоятельно требует» его пошатнувшееся из-за любовных перипетий здоровье. Те же благие советы доктора обращали ранее к герою пушкинского романа:

Онегин сохнет, и едва ль
Уж не чахоткою страдает.
Все шлют Онегина к врачам,
Те хором шлют его к водам.

Целебные горячие источники и принесли Висбадену славу курорта, и многие страждущие находили удовольствие лечиться здесь, наслаждаясь великолепными видами, мягким климатом Рейнской долины и проводя в приятной праздности дни. В Висбаден на воды съезжались аристократические европейские семейства, позднее «Северную Ниццу» стали осваивать и русские.

Целебные источники Висбадена. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г. Публикуется впервые.

Вот о карлсбадских водах, более известных в России, Пушкин знал и шутя напутствовал приятеля, отбывавшего в Карлсбад (ныне – чешские Карловы Вары):

Ищи в чужом краю здоровья и свободы,
Но Север забывать грешно,
Так слушай: поспешай карлсбадские пить воды,

Чтоб с нами снова пить вино.

Но именно Висбадену, где никогда не бывал поэт, судьба определит стать хранителем его памяти: в летопись города с двухтысячелетней историей, форпоста Римской империи, вписана «пушкинская глава».

Не дано было знать поэту, что Висбаден, город земли Гессен, станет родиной его внукам и правнукам. Как и то, что имя одной из героинь (в пьесе «Сцены из рыцарских времен» – красавица Клотильда) будет носить его далёкая наследница.

К л о т и л ь д а
Граф, я рада, что имею честь принимать вас у себя…
Г р а ф
Как она прекрасна!

Клотильда фон Ринтелен – современная немка, с деятельным напористым характером. Она моложава, остроумна и энергична. Любит, когда её называют на русский манер – Клотильдой Георгиевной.

Судьба с самого рождения заготовила ей необычную будущность. И эта необычность – в её исторических предках. Гены московских и новгородских бояр, немецких герцогов, эфиопских князей и российских монархов соединились в её родословии самым невероятным образом. В Клотильде фон Ринтелен, праправнучке Пушкина и правнучке Александра II, течёт кровь далёкой прапра… бабушки фрау фон Альбедиль, принадлежавшей к старинному немецкому роду, и её дочери Христины фон Шеберг, ставшей супругой «царского арапа» Абрама Ганнибала. И августейшей особы – немецкой принцессы Анхальт-Цербстской Софии-Фредерики-Августы, на русском троне – Екатерины Великой.

И как тут не вспомнить о «Медной бабушке», статуе императрицы, некогда данной Наталии Гончаровой в приданое и ставшей причиной многих забот и треволнений для Пушкина. Русскую самодержицу поэт именовал благодетельницей гончаровского семейства. Да и в судьбе родного деда поэта, флотского капитана Осипа Ганнибала, Екатерина II принимала живейшее участие.

Загадочная улыбка Клотильды. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г. Публикуется впервые.

Много позже, в самом начале Великой Отечественной, немецкая трофейная команда вывезла статую Екатерины Великой из оккупированного Днепродзержинска, бывшего Екатеринослава, в Германию. И там следы «Медной бабушки» затерялись. Где она ныне, бог весть… Правда, нашлись свидетельства, что в годы Второй мировой бронзовую статую якобы переплавили в Германии для нужд подводного флота. «Медная бабушка» стала

грозной немецкой субмариной?! Возможно ли? Невероятные исторические парадоксы, столь любимые поэтом!

Немецкая ветвь пушкинского фамильного древа из века восемнадцатого протянулась в двадцать первый, на свою историческую прародину, к берегам Рейна. Да там и укоренилась.

Клотильда родилась в Висбадене, где прежде жили её титулованные предки: прабабушка графиня Наталия Меренберг, в девичестве Пушкина, прадед принц Николаус (Николай) Нассауский, бабушка, Светлейшая княжна Ольга Юрьевская… И где бывал с визитами другой прадед – Александр II.

Родилась накануне войны Германии с Россией, в мае 1941-го, когда Вторая мировая уже полыхала в Европе. И отец, граф Георг-Михаэль-Александр фон Меренберг, внук русского царя и правнук поэта, капитан люфтваффе, был призван на Восточный фронт.

Всё двадцатое столетие Германия словно обречена была воевать с Россией – две страны, связанные, казалось бы, столь неразрывными кровными и духовными узами, превратились в злейших на белом свете врагов.

Страдал от сознания своей вины перед Россией, отказываясь ещё в Первую мировую сражаться с русскими, дед Клотильды, граф Георг-Николай фон Меренберг, ведь он приходился зятем российскому императору и внуком русскому гению.

Восточный фронт пролёг роковой чертой в истории её семьи.

Отцу повезло: лёгкое ранение в белорусских лесах спасло его от «знакомства» со Сталинградом. Иначе покоиться бы ему ныне не в родном Висбадене, на старом фамильном кладбище, а в одной из безымянных немецких могил у Мамаева кургана…

Да и не увидеть бы, как взрослела, превращаясь в очаровательную девушку с миндалевидными глазами, его единственная дочь Клотильда.

Отец с ней не сентиментальничал, был строг. Ей надолго запомнились его уроки верховой езды: чуть согнула спину – лёгкий удар хлыстом, отпустила не вовремя удила, не подтянула подпруги – опять хлыст! Но такое воспитание в дальнейшем принесло свои плоды: Клотильде не раз приходилось достойно держать удары судьбы.

Памятник Шиллеру в Висбадене. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г. Публикуется впервые.

Из воспоминаний детства запомнилась тряпичная кукла, подаренная дедом Георгом. Он умер в мае 1948-го, когда Клотильде исполнилось семь лет. И стал последним, кто был удостоен чести быть погребённым в фамильной ротонде-мавзолее. Вместе со своей бабушкой герцогиней Паулиной фон Нассау и матерью графиней Наталией фон Меренберг, урождённой Пушкиной.

Клотильда фон Ринтелен со своим детским портретом. Висбаден. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г.

Фамильная история, как дедушка Георг чуть было не стал великим герцогом Люксембургским, оказавшись единственным мужским представителем Нассауской династии, хорошо известна Клотильде. Тогда морганатический брак дочери Пушкина явился непреодолимой преградой на пути её сына к люксембургскому трону.

Герцогская ветвь

Старое городское кладбище Альтенфридхоф упразднено в 1970-е годы, городские власти посчитали его прекрасным местом отдыха и разбили на этом месте парк – почти как в достопамятные советские времена!

Среди одиноких, чудом уцелевших надгробий, величавым монументом высится мавзолей-усыпальница герцогини Паулины: грациозно-скорбные ангелы на куполе ротонды, каменные колонны, поддерживающие свод, и массивная мраморная доска с именами тех, чей прах покоится в усыпальнице.

…Говорят, Паулина фон Нассау была несчастлива в своей семейной жизни. Вторая жена великого герцога Вильгельма, весьма миловидная и молодая особа, она страдала глухотой, что служило супругу предметом насмешек над ней. Так что стены великолепного Бибрихского дворца, резиденции герцогов Нассау, помнят слёзы бедной Паулины. Она родила великому герцогу сына Николауса (его старший брат Адольф, наследовавший титул отца, был рождён от первой жены Вильгельма и приходился Николаусу единокровным братом).

Вряд ли герцогиня Паулина одобрила бы, как и все Нассауские, выбор сына, да и русская девичья фамилия её невестки – Пушкина – вряд ли что-либо для неё значила. Но так сложилось, что одни и те же мраморные ангелы на куполе ротонды скорбно склонили свои головки над их прахом…

На мемориальной доске их имена выбиты почти рядом.

Одна из висбаденских улиц, Паулиненштрассе, носит имя свекрови Наталии Пушкиной-Меренберг. Никогда ею не виденной. Как странно… Благодаря герцогине Паулине, равно как и её державному супругу, на фамильном древе поэта произросла «герцогская ветвь». И ещё раз подтвердила пушкинские строки, что «высшее общество… составляет во всей Европе одно семейство».

Убранство церкви во имя святой Елизаветы. Два ангелочка с гербами: великих герцогов Нассау и царской династии Романовых. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г. Публикуется впервые.

Паулина фон Нассау скончалась в июле 1856 года, незадолго до судьбоносной встречи своего сына.

Вот уж верно, судьба… Ведь на коронационные торжества в августе того же года, по случаю восшествия на престол Александра II, должен был прибыть великий герцог Адольф Вильгельм Нассауский. Но так сложились обстоятельства, что

вместо себя он отправил в Россию младшего брата Николауса. Сам герцог состоял в родстве с Домом Романовых: в 1844 году в Петербурге он венчался с великой княжной Елизаветой Михайловной, племянницей русского царя. Висбаденцы по возвращении в родной город великого герцога с юной супругой устроили новобрачным поистине триумфальную встречу. А в фамильной резиденции, Бибрихском дворце, иллюминированном и украшенном цветочными гирляндами, молодую чету ожидали роскошные покои.

Супружеское счастье было кратким – ровно через год после свадьбы, в январе 1845-го, девятнадцатилетняя герцогиня Елизавета умерла во время родов. С именем герцога Адольфа Нассауского связана история возведения первого на гессенской земле православного храма. В память почивших жены и младенца безутешный супруг воздвиг на холме Нероберг, откуда как на ладони виден весь Висбаден, церковь-усыпальницу «Во имя Праведныя Елисавет». Лёгкий, полный особого изящества золотоглавый храм словно парит над городом.

Свидетели былых времён. Дворец великих герцогов Нассау Бибрих. Висбаден. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г.

Лучи света из-под купольного свода, где водят свой небесный хоровод двенадцать апостолов, падают на саркофаг – юная герцогиня с чуть заметной детской полуулыбкой на мраморных

устах возлежит на своём каменном ложе, – не пробуждая её вечного сна.

…Герцогиня Елизавета Нассауская. Пушкин встречал её ещё девочкой в фамильном Михайловском дворце в Санкт-Петербургу, где он бывал на светских раутах у маменьки герцогини – великой княгини Елены Павловны, женщины образованной, умной и добродетельной.

Дом её называли блестящим: современники восхищались великолепными балами, что давались во дворце. Об одном из них сохранился отзыв барона Модеста Корфа, лицейского приятеля поэта: «Для достойного описания этого праздника надо было совокупить живопись с поэзией, кисть Брюллова с пером Пушкина».

Александр Сергеевич не единожды посещал Михайловский дворец – великая княгиня Елена Павловна не без удовольствия принимала поэта в своём салоне. Одна из записей в «Журнальной книге Двора великого князя Михаила Павловича» удостоверяет: «По вечеру было собрание небольшое: принц Ольденбургский, Жуковский, барон Криднер, сочинитель Пушкин…»

За несколько дней до дуэли Пушкин получил приглашение на камерный вечер в Михайловский дворец. (Вновь мистическое сближение, ведь именно там у дочери Елены Павловны, великой княгини Екатерины Михайловны, и побывал Александр II за считаные часы до гибели!)

Темы бесед в салоне великой княгини отличались разнообразием и выходили за рамки обычных светских суждений. «В последний раз я видела Пушкина, – вспоминала Вера Анненкова, – …на маленьком вечере у великой княгини Елены Павловны, там было человек десять. Разговор был всеобщим, говорили об Америке. И Пушкин сказал: „Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом“. Это евангельское изречение в устах Пушкина, казалось, удивило великую княгиню; она улыбнулась…»

«Несчастие с Пушкиным» Елена Павловна восприняла как сугубо личное, признаваясь, что подавлена этим ужасным событием, отнимающим у России такое прекрасное дарование, а у его друзей – такого выдающегося человека.

Василий Жуковский свидетельствовал, что «государыня великая княгиня, очень любившая Пушкина, написала ко мне несколько записок, на которые я отдавал подробный отчёт Её Высочеству согласно с ходом болезни».

Записки эти, одна за другой, летели из Михайловского дворца по известному всему Петербургу адресу: дом княгини

Волконской на набережной Мойки, где Василий Андреевич безотлучно дежурил у постели смертельно раненного друга…

И это отцу юной Елизаветы, великому князю Михаилу Павловичу (младшему брату Николая I), Пушкин не без гордости сказал: «Мы такие же родовитые дворяне, как Император и Вы…» Вот оно, пушкинское «самостоянье человека»!

…Итак, принц Николаус отправился в путешествие в не чужую для него северную страну, где на одном из придворных балов повстречал Натали Дубельт – женщину, как о ней отзывались современники, «лучезарной красоты».

Благодаря немецким архивам стало возможным установить время его пребывания в России: с конца июля до середины октября 1856-го. Как развивался любовный роман дочери поэта, встретившей своего отнюдь не сказочного принца? Кто может сказать ныне? Ведь Наталия Александровна в то время была замужем.

И всё же, благодаря исследованиям немецких биографов принца Николауса и разысканьям самой Клотильды фон Ринтелен, открылись и такие неизвестные прежде биографические, а возможно, интимные подробности: принц Нассауский посетил Петербург ещё и в 1864 году, проведя там несколько месяцев (с января по апрель). И весьма вероятно, что его приезд был обусловлен не только благим намерением навестить родственников, но и желанием встретиться с любимой.

…Выйдя в шестнадцать лет замуж за Михаила Дубельта (сына главы тайной полиции и управляющего III отделением генерала Леонтия Васильевича Дубельта), Натали вскоре разочаровалась в своём избраннике.

Противился тому браку и отчим, генерал Пётр Петрович Ланской. «Его сдержанный, рассудительный характер не мирился с необузданным нравом, страстным темпераментом игрока, который жених и не скрывал», – свидетельствовала его дочь Александра Петровна.

Трое маленьких детей, светские пересуды, неопределённая будущность – ничто не могло поколебать решимости Натали расстаться с нелюбимым мужем. Не дожидаясь решения затянувшегося бракоразводного процесса, она уезжает в имение Бродзяны (тогда австрийское, а ныне словацкое), к своей тётке Александре фон Фризенгоф, урождённой Гончаровой. В мае 1866 года путь Натали Дубельт от тётушки-баронессы лежал в Висбаден – она возвращалась к своему принцу.

Осенью 1867 года Наталия Александровна (она всё ещё носит фамилию Дубельт) оказалась в весьма непростой ситуации. Словно раскручивается некая спираль: события – невероятно

дерзкие, вызывающие – производят небывалые волнения в доме Нассауских. Мало того, что Николаус объявляет о своей женитьбе (причем делает ложное заявление из благих побуждений, ведь невенчанная супруга носит под сердцем его ребёнка), но и сама Наталия спешит оповестить петербургский свет о важной перемене в жизни – её женская месть за несчастливое замужество, за нелюбимого Дубельта, за слёзы и унижения, за все сплетни, интриги, косые взгляды (!), гордо подписав послание: «Natalie de Nassau» (Наталия Нассауская).

Скандал разразился знатный, в него оказались втянуты представители двух владетельных Домов: Нассауских и Романовых. Пришлось прибегнуть к влиянию великой княгини Елены Павловны, приходившейся Николаусу родной тетушкой!

Адольф, как глава семьи, всеми силами пытается предотвратить нежеланный для династии брак или хотя бы свести к минимуму последствия скандала.

Принц Николаус не может жениться на своей избраннице по одной простой причине – она так и не получила ещё официального развода от первого супруга. Долгожданное свидетельство о разводе приходит лишь в мае 1868-го, а несколькими днями позже Наталия Александровна разрешается от бремени дочерью Софией.

(Так уж совпало, что в том же месяце, чуть ранее в доме Романовых пышно праздновали рождение цесаревича, будущего императора Николая II. Именно Софии, ровеснице царя, первой из внуков поэта предстояло породниться с династией Романовых!)

Лишь в июле 1868 года гражданские супруги предстанут перед алтарём одного из храмов Лондона. И будут почти тайно обвенчаны по лютеранскому обряду неким священником, известным своим либерализмом и веротерпимостью.

Сей факт в отечественных трудах о судьбах потомков поэта (то ли намеренно, то ли по незнанию) искажался – биография дочери Пушкина «причёсывалась» на «благочестивый манер». Год венчания её с принцем указывается как 1867-й! И тогда появление на свет маленькой Софии не противоречит законам нравственности!

Достойно удивления, как смело и дерзко брошен вызов свету Наталией Пушкиной! Сколь много было в ней воли, жизненной энергии и силы любви, чтобы суметь преодолеть все немыслимые препятствия и обрести такое выстраданное семейное счастье! Но какой дорогой для неё ценой! Ведь дети от первого брака – сын и две дочери – остались в России…

Нассауской Наталия Александровна не стала по ряду причин:

и её брак был признан морганатическим, да и само герцогство, в 1866-м аннексированное и присоединённое к Пруссии, превратилось в «Нассаускую провинцию». Титул графини Меренберг, по названию старинной крепости в окрестностях Висбадена, пожаловал ей принц Георг Вальдек-Пирмонт, зять мужа.

Ангелы на ротонде-усыпальнице герцогов Нассау. Висбаден. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г. Публикуется впервые.

После всех потрясений жизнь Наталии Александровны входит в обычное русло, она тихо живёт в своём доме в Висбадене. С тех пор в этом курортном немецком городке имя Пушкина стало звучать особенно часто.

Одно из тех давних свидетельств – строки газетной хроники за 1899 год: «Висбаден. 26 мая. Сегодня здесь отслужена была заупокойная литургия по А.С. Пушкину. Русская церковь… была полна молящихся, среди которых находились дочь Пушкина, графиня Н.А. Меренберг, и две внучки поэта».

Так Наталия Александровна, её дочери Софи и Александра почтили память отца и деда в день его столетия. Да и не только они, – ведь храм был до отказа наполнен русскими людьми!

Не удивительно ли, что среди мастеров, расписывавших церковный иконостас, есть имя профессора Императорской Академии художеств Тимофея Неффа? Некогда его чудесная

кисть запечатлела черты пушкинской Мадонны…

И другое знаковое совпадение: из Висбадена ровно за тридцать лет до пушкинских торжеств, когда там уже обосновалась графиня Меренберг и где вот-вот должен был явиться на свет младенец Георг-Николай, в будущем – зять императора, Александр II шлёт возлюбленной Кате телеграммы, полные нежности и любви.

Не дано было ведать русскому царю, что в этом немецком городе счастливо будет жить в замужестве его милая Оли, что здесь появятся на свет незнаемые им внуки. И как знать, не представлена ли была ему тогда в Висбадене, в июне 1869-го, в герцогском дворце Бибрих супружеская чета: принц Николай Нассауский и красавица-графиня фон Меренберг?! В не столь уж далёком будущем – сват и сватья русского императора.

Вилла и её владелица

Хотя особняк на Зонненбергштрассе, где долгие годы провела Наталия фон Меренберг, давно уже не собственность немецких потомков поэта, но он – зримое свидетельство былой жизни их славных предков.

– Моя прабабушка Наталья заслужила особую благодарность почитателей Пушкина, – убеждена Клотильда, – она позволила напечатать письма её великого отца к матери. Первая их публикация сразу же стала событием мирового масштаба!

Хотя многие, в их числе и братья Наталии Александровны – Александр и Григорий, негодовали. Были раскрыты домашние тайны, не предназначенные для чужих глаз, чему противился и сам Александр Сергеевич!

Ведь ранее он наставлял молодую жену:

«Смотри, жёнка: надеюсь, что ты моих писем списывать не даёшь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это её дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений, проникнутая скверным и бесчестным образом…»;

«Я пишу тебе не для печати…»

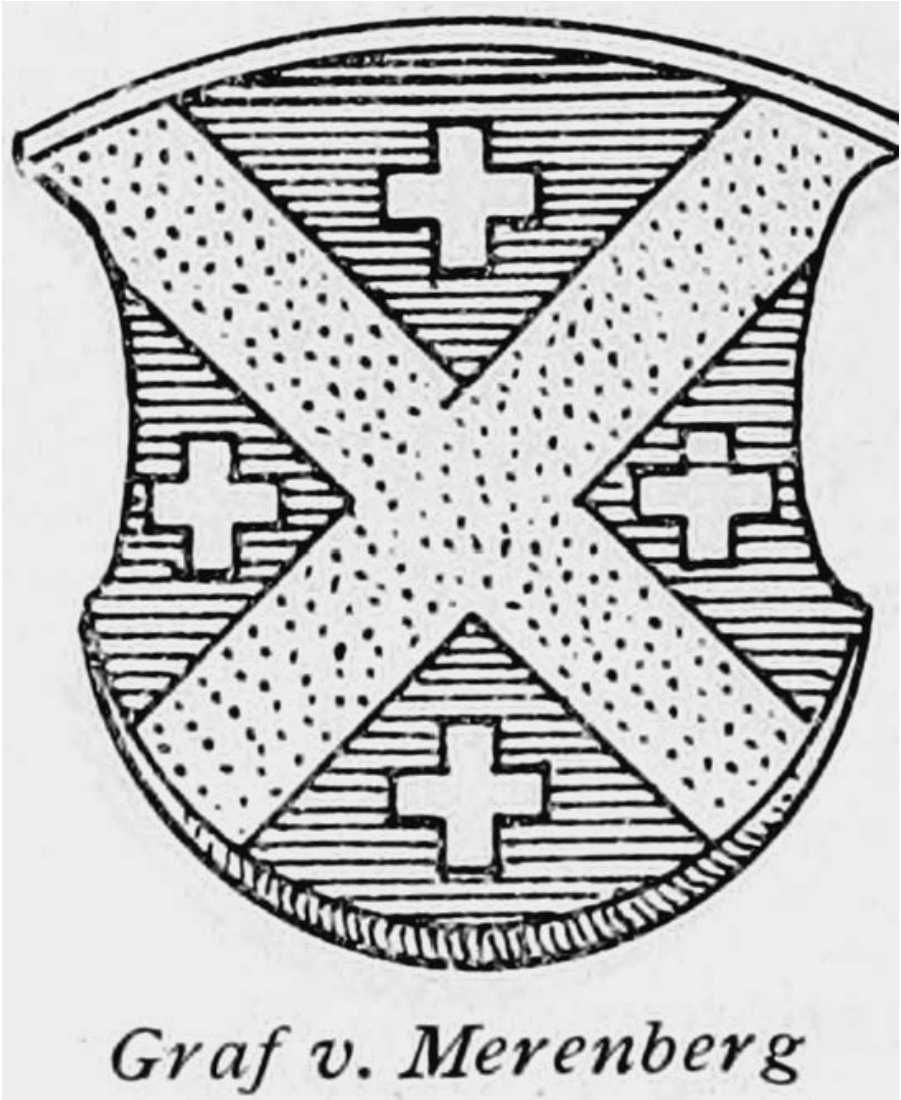
Сколь много всякого рода неприятностей могло произойти от любопытствующих особ! Вряд ли бы сам Пушкин одобрил столь смелое решение младшей дочери…

Графиня Наталия фон Меренберг, младшая дочь Пушкина. Конец 1860-х гг.

Но минули годы, и каждое пушкинское слово превратилось в драгоценность. Послания поэта к невесте Натали Гончаровой, а затем и к жене – потаённый пушкинский роман в письмах – хранились долгие годы в стенах этого дома.

Особняку на тихой улице суждено было стать Русским домом в Висбадене. Здесь, в гостях у дочери поэта, бывали многие известные её соотечественники, в их числе и Иван Сергеевич Тургенев, приезжавший обговорить с ней лично условия публикации пушкинских писем. Письма Пушкина к жене появились на страницах журнала «Вестник Европы» в 1878 году с предисловием Тургенева: «Едва ли кто-нибудь может сомневаться в чрезвычайном интересе этих новых писем Пушкина. Не говоря уже о том, что каждая строка величайшего русского поэта должна быть дорога всем его соотечественникам; не говоря и о том, что в этих письмах – как и в прежде появившихся, так и бьёт струёю светлый и мужественный ум Пушкина. <…>

Позволю себе прибавить от своего имени, что я считаю избрание меня дочерью Пушкина в издатели этих писем одним из почётнейших фактов моей литературной карьеры; я не могу довольно высоко оценить доверие, которое оказалось мне, возложив на меня ответственность за необходимые сокращения и исключения. <…> Нам остаётся искренне поблагодарить графиню Н.А. Меренберг за этот поступок, на который она, конечно, решилась не без некоторого колебания, – и выразить надежду, что ту же благодарность почувствует и выразит ей общественное мнение».



Фамильный герб графов Меренберг. Гравюра.

Визиты к графине не остались бесследными – именитые гости делились своими наблюдениями и восторгами. Вот одна из них, Анна Философова, в январе 1880-го адресует письмо Фёдору Достоевскому:

«Познакомились мы здесь с дочерью А.С. Пушкина Натальей Александровной, она очень к нам мила. Её фамилия графиня Меренберг, хотя она замужем за принцем Нассауским. Так странно видеть детище нашего полубога замужем за немцем. Она до сих пор красива, хоть ей под 50 лет! Дети у неё премилые, очень обходительна, а муж немец – добряк, чрезвычайно добродушный господин…»

К слову, Анна Павловна Философова, известная поборница женских прав в России, появилась на свет в Петербурге в горестном для России 1837-м. В девичестве именовалась Анной Дягилевой. Её родной племянник Сергей Дягилев снискал славу великого импресарио и страстного поклонника Пушкина. Именно он выкупил у зятя графини Меренберг, великого князя Михаила Михайловича, письма Пушкина к невесте, мечтая опубликовать бесценные послания. Однако после скорой смерти коллекционера все они перешли к его другу, танцовщику Сержу Лифарю.

Вероятно, в доме графини фон Меренберг, где побывала Анна Павловна, разговор шёл и о пушкинских письмах. Гостья из России обратила свой пристальный взор не только на дочь поэта, но и на его внуков, – сестёр Софи, Александру и маленького Георга, отметив в письме к Достоевскому, что дети графини прекрасно воспитаны.

Посещали хозяйку виллы на Зонненбергштрассе и августейшие особы: великий князь Георгий Михайлович, родной брат зятя Михаила, кайзер Вильгельм I, немецкие принцы и принцессы. Сохранились любопытные воспоминания Елизаветы Бибиковой, племянницы графини фон Меренберг: «Я видела тётю раз в жизни уже старухой, но за границей её знали все коронованные особы во главе со старым императором Вильгельмом, который был её поклонником… Тётка была остроумна, бойка и пленяла приезжающих в Висбаден разных немецких принцев; особенно ею восхищался император Вильгельм I. На званых обедах Вильгельм сажал её рядом с собой… и когда его упрекали, что это не по этикету, Вильгельм отвечал, что он чествует в ней дочь великого Пушкина».

Неслучайно «железный канцлер» Бисмарк, сподвижник кайзера Вильгельма, отзывался о своём монархе как о «старомодном, вежливом и обходительном джентльмене… с хорошим чувством здравого смысла, но поддающемся женскому влиянию».

Вильгельм I, кайзер Германии и король Пруссии, был обожаем немецким народом – считалось, что он воплощал в себе образ «старой Пруссии». Скончался немецкий император в Берлине в марте 1888-го, перешагнув девяностолетний рубеж. А ведь кайзер, оказывавший столько почтения дочери поэта, был почти ровесником её отца – старше Пушкина лишь на два года.

…Свои последние дни графиня Меренберг провела в Каннах на вилле «Казбек», в окружении своих близких: дочери Софи, зятя Михаила Михайловича, внуков Зии, Нады, Миши. Умерла Наталия Александровна в марте 1913 года, отпевали её в православном храме Архангела Михаила, возведённом великим

князем Михаилом Михайловичем. Память дочери великого поэта почтили русские соотечественники, оказавшиеся в то время на Лазурном Берегу, присутствовал на панихиде и король Швеции Густав V, свойственник графини по мужу, ведь его августейшая матушка до замужества именовалась Нассауской и приходилась сестрой принцу Николаусу (Николаю).

Принцесса София-Вильгельмина Нассауская, как и её старший брат, родилась в Висбадене, во дворце Бибрих. Случилось то знаменательное событие в начале июля 1836 года. А чуть ранее (счёт идёт на недели!) в Петербурге, на Каменном острове, появилась на свет маленькая Таша Пушкина. В будущем – её русская золовка!

София стала младшей из детей великого герцога Вильгельма-Георга-Августа-Генриха Нассауского и его второй жены Паулины Вюртембергской. Помимо родных, брата Николауса и сестры Елены, у неё были единокровные братья и сёстры: Адольф, Мориц, Мария и Тереза – все они родились в первом браке отца-герцога.

Когда маленькой принцессе сравнялось три года, а её брату Николаусу – семь лет, великий герцог Вильгельм Нассауский скоропостижно скончался. Не успев достроить свой новый великолепный дворец Бибрих, не успев увидеть, как подрастают маленькие сын и дочь. Воспитанием осиротевших детей занялась вдова-герцогиня Паулина. Все они, благодаря радению маменьки, получили прекрасное воспитание и достойное для августейших особ образование.

Так, программа обучения маленькой принцессы-дочери включала изучение истории, иностранных языков, литературы, игры на фортепиано. Повзрослев, принцесса София сумела примерить и королевскую корону, став супругой Оскара II, короля Швеции и Норвегии. В скором времени в августейшем семействе появился на свет старший сын, Оскар Густав Адольф, в будущем шведский король Густав V.

Вот он-то и прибыл в Ниццу поклониться памяти тётушки, прежде столь обожаемой Николаусом Нассауским, родным дядей. Присутствовал будущий шведский монарх и на панихиде в русском храме во имя архангела Михаила.

Из благословенной Южной Франции последний путь Наталии Александровны лежал на север, в Германию.

В некрологе, опубликованном в газете «Nassovia», упоминались о любви графини к уединению: «Почившая графиня Меренберг мало отличалась в обществе, жила просто и слыла хорошей матерью своего семейства».

Ещё ранее Наталия Александровна, узнав, что Нассауские не

дали своего согласия похоронить её рядом с обожаемым мужем, разгневалась и взяла с зятя слово исполнить её последнюю волю: рассыпать её пепел близ родовой усыпальницы в Висбадене. Известно, что русская дочь усопшей, Анна Михайловна, противилась тому решению, требуя похоронить мать по православному обряду. Но великий князь Михаил Михайлович, давший некогда слово тёще, не мог не исполнить её воли. Неукротимый характер графини Меренберг сказался и в том её последнем предсмертном жесте!

И как те чувства, что владели мятежной дочерью Пушкина, согласны с постижением её великим отцом человеческого достоинства:

> На них основано от века
> По воле Бога самого
> Самостоянье человека,
> Залог величия его.

Да, «самостояньем», этим жизненным кредо, графиня фон Меренберг обладала! Она достойно сумела прожить отпущенные ей свыше годы, не омрачив памяти великого отца и собственного имени.

Петербург – Висбаден; дача на Каменном острове – ротонда-усыпальница на старом немецком кладбище Альтенфридхоф. Так просто прочерчен жизненный путь Наталии Пушкиной от его начала до завершения. Но в эту точную графику вторглись таинственные знаки судьбы. В русском некрополе на холме Нероберг, возвышающемся над Висбаденом, есть неприметное надгробие с выбитой на нём редкой петербургской фамилией: Доливо-Добровольский, и покоится под ним сын владельца дачи на Каменном острове. Он родился в Петербурге в декабре 1824-го, а умер в Висбадене в 1900-м.

Вилла графини Меренберг и принца Нассауского в Висбадене. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г.

Вполне вероятно, Доливо-Добровольский-младший мог видеть Ташу Пушкину в младенчестве, а также – встречаться с ней, уже графиней Меренберг, на городском променаде, в курзале. А быть может, и в знаменитом казино Висбадена, собиравшем со всего мира азартных игроков, в числе коих иногда являлись и Фёдор Михайлович Достоевский, и любительница рулетки… Наталия фон Меренберг.

Так неожиданно имя владельца дачи, где создавались пушкинские шедевры и где появилась на свет не только

«Капитанская дочка», но и младшая дочь поэта, запечатлелось в летописи немецкого Висбадена, в его «русской главе».

…Разбирая семейные бумаги после кончины отца (граф Меренберг скончался в Висбадене в январе 1965-го), Клотильда обнаружила старинный фотоальбом, принадлежавший прабабушке, графине Наталии фон Меренберг. И много позже, получив приглашение в Россию, на пушкинские торжества, она приехала в Петербург не с пустыми руками: бесценная реликвия была подарена ею музею-квартире поэта на набережной Мойки.

Исцеление Пушкиным

Так уж случилось, что правнучка графини Меренберг поселилась на соседней улице, Рихард Вагнерштрассе, совсем неподалёку от фамильного особняка, словно привязанностью к родным местам утверждает незыблемость вековых традиций.

Сколько всевозможных благороднейших «пра» в её родословии! Но Клотильда, хранимая столь могущественной «наследственной сенью», происхождением своим не кичится и ведёт жизнь современной деловой женщины.

Клотильда фон Ринтелен – врач-психотерапевт. Профессионал высочайшего класса, вот уже полвека врачует людские души.

Клотильда практична и основательна, что вовсе не исключает чувства сострадания к чужому горю и даже некоторой сентиментальности.

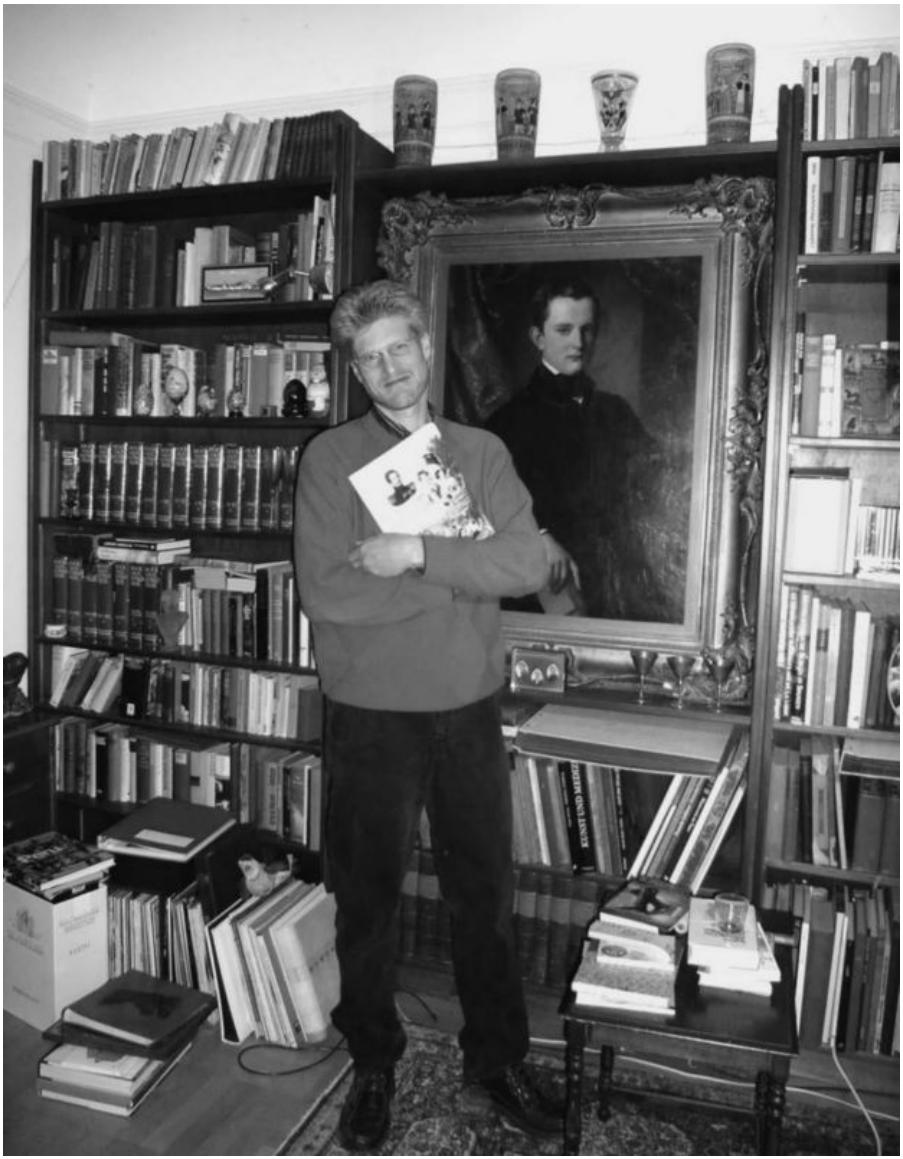
Оказавшись в Петербурге в начале 1990-х, она разыскала больницу, носящую имя её венценосного прадеда Александра II. Клотильда была неприятно удивлена, увидев переполненные палаты, больничные койки в коридорах и какое-то всеобщее запустение. Но больше всего ей заполнился старик, дрожавший от холода, под тонким одеяльцем…

Вернувшись в Висбаден, Клотильда приступила к решительным действиям: стала активно собирать лекарства, медицинское оборудование, тёплые одеяла для петербургской Александровской больницы. (Верно, благотворительность – черта наследственная: её прадед, принц Николаус Нассауский, снискал благодарность висбаденцев за помощь обездоленным и действенную поддержку Красного Креста.) Она нашла отклик в сердцах и простых горожан, и удачливых бизнесменов: помощь в Петербург шла не отдельными посылками, а целыми железнодорожными составами…

Клотильда фон Ринтелен с сыном Александром. В руках Александра снимок особняка на Паулиншрассе, разрушенного в годы Второй мировой. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г. Публикуется впервые.

– В те непростые для России времена некий симпатичный молодой человек из Департамента по внешним связям мэрии Петербурга подписал важное для меня решение: мэрия брала на себя оплату гуманитарных грузовых перевозок из Германии. Этим молодым человеком был… Владимир Путин!

Не столь давняя встреча с ним стала для Клотильды поистине знаковой. В Царском Селе, у памятника Пушкину, где 19 октября 2011-го Владимир Путин, тогда – премьер-министр России, приветствовал всех потомков поэта со славным лицейским юбилеем. Но её, Клотильду фон Ринтелен, как добрую знакомую и президента Немецкого Пушкинского общества, – особо. Встреча двух президентов, действовавшего и будущего, под пушкинской дланью!



Александр фон Ринтелен с книгой о любви принца Николая Нассауского к дочери Пушкина и на фоне его портрета. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г.

В Петербурге Клотильда основала фонд «Александровская больница». Она любит этот царственный северный город, хотя однажды обмолвилась: «Мне порой очень грустно в Петербурге, ведь в нём погибли оба моих предка: царь и поэт…» И как-то призналась: «Люблю одна бродить по петербургским улицам и всякий раз во время таких прогулок ощущаю, что вот по этой улице ходил Пушкин, а на этой площади стреляли в Александра

II».

Как-то один из журналистов спросил её, как Клотильда Георгиевна относится к переводам Пушкина на немецкий? И получил оригинальный ответ: «Человеку, не знающему русский, эти переводы, конечно, дают представление о гениальности поэта. Но даже мой несовершенный русский заставляет почувствовать, что передать всю палитру его поэзии посредством немецкого невозможно. Немецкому недостает пластики. Слушая Пушкина на русском, я поняла, что поэзия – это музыка слова. Хорошо знаю лирику Гейне, но как-то однажды удалось слушать некоторые его стихи в переводе Тютчева, и у меня дрогнуло сердце – на русском гораздо ярче зазвучала гейневская мысль».

Впервые с немецкой праправнучкой поэта Клотильдой фон Ринтелен я встретилась в октябре 1991 года на праздновании годовщины Царскосельского лицея, в той самой аудитории, где некогда профессор немецкой словесности Фридрих Гауеншильд отчитывал своего ученика – кудрявого лицеиста Александра Пушкина за нерадение к его предмету.

Судьба подарила меня ещё одной памятной встречей с ней в октябре 2007-го. В её родном Висбадене. И в её доме.

Клотильда Георгиевна жила тогда с мужем Энно (он тоже врач) и старшим сыном Александром; двое других – Николаус и Грегор – обзавелись своими семьями. И с любимцем всей семьи, добродушным симпатягой-бассетом.

Хозяйка дома гордилась своими тремя внуками. Их имена и даты рождения, по моей просьбе, она записала на отдельном листке: «Юлиан Николаевич – 7 января 2003 года. Николай Николаевич – 17 ноября 2006 года. Фредерик Григорьевич – 11 декабря 2006 года». Но как символично – с отчествами на русский манер!

Бюст графини Наталии фон Меренберг в Музее истории Висбадена. Слева – старый снимок русской церкви, справа – альбом об истории Дома Романовых. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г.

Современные фотографии юного поколения фон Ринтелен гармонично вписались в интерьер старинной гостиной, где со стен взирают славные предки: Александр Пушкина и принц Николаус Нассауский, император Александр II и Светлейшая княгиня Екатерина Юрьевская. На книжных полках с фолиантами патриархов немецкой поэзии – Гёте, Шиллера и Гейне – соседствуют и пушкинские томики.

Александр (он блестяще владеет русским!) издал книгу, посвящённую истории семьи Пушкиных-Нассауских-Романовых. На обложке – портреты красавицы-графини и её принца: они неразлучны, как и прежде – в любви, в судьбе, в памяти далёких потомков…

Одна из самых дорогих реликвий для Клотильды – хранящийся у неё мраморный бюст прабабушки Наталии, где дочь поэта предстаёт во всем блеске молодости и красоты!

Но семейная реликвия редко украшает гостиную, она – в музейной экспозиции[1]. Музей истории Висбадена совсем неподалёку от Бибрихского дворца, что красуется на берегу Рейна, и парадная лестница которого помнит и державный шаг императора Александра II, бывавшего здесь с визитами, и лёгкую поступь красавицы-графини Меренберг, не раз являвшейся в

дворцовых залах с принцем Николаем Нассауским…

Клотильда любит вспоминать о первом госте из России, Ираклии Андроникове. Та знаменательная встреча случилась в Висбадене в 1967-м, более полувека назад. Считалось, что в семье хранились пушкинские рукописи, но прочесть их никто не мог. Андроников объяснил тогда, что рукописи – не что иное, как писарские копии писем Пушкина, сделанные, вероятно, ещё при жизни Наталии Николаевны.

Ко времени встречи с Андрониковым первенцу Клотильды сыну Александру сравнялся лишь год. Гость поинтересовался:

– Имя дали в честь Пушкина?

Ответ Клотильды несказанно его удивил:

– Нет, в честь другого Александра.

Тем, другим, был русский… император Александр II.

В памяти Ираклия Луарсабовича осталась «высокая, с узкой талией, роскошными плечами и маленькой головой с высокой причёской» молодая женщина. В её облике он разглядел некое «сходство с женой Пушкина», а «в вырезе и изгибе ноздрей» – пушкинские черты.

Празднование 200-летнего юбилея Царскосельского лицея. Среди почётных гостей и наследница поэта Клотильда фон Ринтелен. Фотография Л.А. Черкашиной. 2011 г. Публикуется впервые.

Именно ему, замечательному исследователю, покорившему немецкую наследницу поэта своим обаянием и влюблённостью в Пушкина, и подарила Клотильда интереснейший документ – свидетельство, выданное Наталии Дубельт в мае 1864 года на право жить с детьми отдельно от мужа и «основанное на Высочайшем повелении».

Роман из Буэнос-Айреса

С детства Клотильда слышала о первой любви своей прабабушки: та страстно, со всем жаром юности, влюбилась в князя Николая Орлова. Молодой человек также отвечал ей взаимностью, и дело шло к свадьбе. Но… Неожиданно для всех Натали Пушкина вышла замуж за Михаила Дубельта. И никто не знал, почему.

– Знаете, где был ответ? – Клотильда раскрыла настенный шкаф. – Да вот в этой старой коробке из-под посылки! Здесь хранился роман моей прабабушки Наталии!

То были листы старой бумаги с готическим немецким текстом. Их моя тётушка Александра де Элиа прислала своему племяннику, а моему отцу, из Аргентины.

Немного об Александре, урождённой графине фон Меренберг. Она была младшей сестрой Софии, вышедшей замуж за великого князя Михаила Михайловича и получившей титул графини де Торби. На одной из семейных фотографий две сестры – София с молодым супругом и барышня Александра, тогда ещё графиня фон Меренберг, с родителями – Наталией Александровной и Николаем Нассауским. Позднее, в 1914 году, в Лондоне она вышла замуж за господина Максимо де Элиа, аргентинского дипломата, и уехала с ним в Буэнос-Айрес. После смерти матери, случившейся годом ранее, многие из фамильных раритетов, в их числе и рукописных, достались ей, незамужней младшей дочери. Александра де Элиа дожила до преклонных лет и умерла в сентябре 1950-го. Детей у неё не было, поэтому всё немалое своё наследство она завещала любимой племяннице Ольге, но кое-что из фамильных раритетов решила передать племяннику Георгу, отправив в Висбаден бандероль.

– Наша радость – ведь мы думали, что получили ценную посылку от богатой тётушки, – продолжала Клотильда, – и сможем теперь наладить нашу жизнь (время послевоенное, и жили мы бедно) – сменилась горьким разочарованием: в бандероли оказалась лишь кипа бумажных листов. Читать их никто не стал, и мой отец в расстройстве забросил ненужный подарок из Аргентины подальше в шкаф, на антресоли!

Прошло много-много лет… Меня впервые пригласили в Россию, в город Пушкин, на юбилей Царскосельского лицея, где учился мой великий предок. Странно: ему не давался немецкий, а я тогда ни слова не знала на его родном языке. Мне очень захотелось прочесть стихи Пушкина в подлиннике, и я начала брать уроки русского.

На рукопись Клотильда наткнулась случайно. И увидела, что некоторые слова написаны по-русски латинскими буквами! Значит, безымянный автор знал русский язык! Стала вчитываться в роман, разбирать фразы на старонемецком. И сделала открытие: автором романа была… Наталия Пушкина! Дочь поэта описала в нём свою молодость, историю любви и коварства. В те интриги, что плелись вокруг влюблённых, были замешаны тайная полиция, высшие чины царской России! И уж, конечно, сделано всё, чтобы расстроить брак Пушкиной с князем Орловым. И тогда юная Наталия из отчаяния и упрямства вышла замуж за Михаила Дубельта.

Вся эта история рассказана искренне, почти исповедально, от имени главной героини, носящей русское имя Вера.

Вот уж поистине книги имеют свою судьбу! Рукопись, обретённая в Висбадене, ныне переведена на русский, и публикация романа дочери Пушкина в России стала настоящей литературной сенсацией недавних лет! Да и сама жизнь Наталии Александровны, унаследовавшей красоту матери и вольнолюбивый страстный характер отца, так похожа на приключенческий роман…

А представление необычной книги – романа «Вера Петровна» – состоялось в Москве, в Пушкинском музее, где Клотильда фон Ринтелен всегда самая желанная гостья!

Издана книга и в Германии на языке оригинала. И всё это – благодаря энтузиазму далёкой наследницы поэта.

«Однако ж я ей обязан жизнию!» – последние эти строки пьесы «Сцены из рыцарских времён» Пушкин вложил в уста её героя Франца, избежавшего казни благодаря заступничеству «благородной девицы» Клотильды.

Роман «Вера Петровна», написанный на немецком Наталией фон Меренберг, дочерью Пушкина. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г.

Верно, те же слова, чуть изменив их, могла бы произнести сама Клотильда фон Ринтелен. Но ведь и Александр Пушкин, подаривший жизнь своей немецкой праправнучке, обязан ей памятью!

– Когда Натали встретила на коронационном балу своего принца, они танцевали всю ночь напролёт! – Клотильда не скрывала своего волнения. – Верно, голова у обоих закружилась от внезапно вспыхнувшего яркого чувства. Сколько потом было пересудов! Ведь Натали звалась тогда госпожой Дубельт и была несвободна. Любовь преодолела, казалось, немыслимые преграды – Натали выбрала свой путь и была счастлива с моим прадедом. И я не могу не быть бесконечно ей благодарной за тот давний чудесный выбор.

Тайна фамильной драгоценности

От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!

Александр Пушкин

Камень влюблённых

Разговор наш продолжился уже за домашним ужином. И хотя Клотильда выглядела усталой после рабочего дня, но радушие ей не изменило. На столе шипели, источая дразнящие ароматы, жареные колбаски; муж Энно разливал по бокалам рейнское, а любимец семейства, упитанный бассет-хаунд, умильно поскуливал. За столом хозяйка развлекала всех смешными семейными историями. Показывала старые фотографии, письма. И вдруг заговорщицки мне улыбнулась:

– Сейчас вы увидите одну вещицу, которую я никому ещё не показывала…

И в руке Клотильды кроваво-красными искорками сверкнула гранатовая подвеска.

– Это русская работа, и очень старинная. Мне досталось украшение от Элизабет фон Бессель, моей старенькой тётушки. Вот видите, какие необычно крупные камни – кабошоны, выложенные в виде креста!

«Внутри камней загорелись тревожные густо-красные живые огни. – Точно кровь…»

Как появилась эта драгоценность у фрау Бессель, правнучки поэта?

Клотильда может лишь предполагать – ясно одно: подарок перешёл к ней от матери, урождённой Дубельт, а той, в свою очередь – от бабушки, Наталии Пушкиной-Ланской.

Она не исключает, что редкостная вещица подарена Пушкиным жене в благодарность за рождение младшей дочери. Ведь от ожерелья, переданного ей от Павла Воиновича Нащокина, та была в восхищении. Свидетельство тому – письмо Пушкина к приятелю в Москву в мае 1836-го: «Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь, и на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда. Она спала. На другой день, я её поздравил и отдал вместо червонца твоё ожерелье, от которого она в восхищении. Дай Бог не сглазить, всё идёт хорошо».

Клотильда фон Ринтелен с гранатовой подвеской. Висбаден. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г.

И Александр Сергеевич, чтобы доставить большую радость Натали, уже от себя преподнёс ей и гранатовую подвеску! А та, в свою очередь, передарила её дочери Наталии на рождении маленькой Таши Дубельт – Наталия Николаевна любила дарить и внукам, и невесткам дорогие памятные вещицы, в том числе и драгоценности. Так гранатовая подвеска от Наталии-первой перешла к Наталии-третьей, внучке Пушкина. Наталия Дубельт, в замужестве фон Бессель, передала её единственной дочери Элизабет…

Что ж, вполне жизненная версия. Но есть и другая.

Герои любовной драмы

История та началась в пензенской глубинке, а завершилась в Германии. Жизнь сама дописала неоконченный сюжет: роман любовный перерос в любовную драму.

Итак, действующие лица той драмы:

Наталия Александровна, графиня фон Меренберг, в девичестве Пушкина;

Елизавета Петровна Ланская, в замужестве Арапова, дочь Наталии Пушкиной-Ланской от второго брака; единоутробная сестра графини фон Меренберг;

Елизавета Николаевна Арапова, в замужестве Бибикова, её дочь и автор мемориий, она же – кузина Наталии фон Бессель;

Наталия Михайловна фон Бессель, урождённая Дубельт, внучка поэта;

Сильвестр Зенькевич, ссыльный поляк, управляющий имениями Араповых;

Александр Куприн – русский писатель.

Место действия: село Наровчат (по словам Куприна: «Наровчат есть крошечный уездный городишко в Пензенской губернии, по русской охальной привычке дразнят его: Наровчат одни колышки торчат. Все дома из дерева без малейшего намёка на камень. Река от города за версту: лето бывает жаркое и сухое»); имения Андреевка и Воскресенская Лашма Пензенской губернии; немецкие города: Висбаден и Бонн.

Время действия: конец девятнадцатого – начало двадцатого веков.

Даже если бы Куприн написал лишь «Гранатовый браслет», то и тогда, без сомнений, снискал титул великого русского писателя. Непостижимо, как история самой чистой и возвышенной любви, поведанная им, отразилась в судьбе родной внучки Пушкина!

Но обо всём по порядку.

Героиня любовного романа – Наташа Дубельт, названная в честь бабушки, Наталии Николаевны, родилась в Петергофе в 1854 году. Детство её счастливым назвать трудно, ведь с ранних лет ей довелось стать свидетельницей бесконечных родительских ссор и раздоров. Да и в юности она была лишена материнской любви…

Недавно чудесным образом всплыла неведомая прежде фотография Наташи Дубельт, на ней – юная гимназистка в трогательном белом переднике стоит, облокотившись на спинку резного стула. Фотографию нашёл случайно некий любитель старины, на развале, среди вороха старых почтовых открыток. В том, что на ней запечатлена внучка поэта, сомнений не было, благо внизу пожелтевшего снимка чернильная надпись

удостоверяла: «Наташа Дубельтъ. Наталья Михайловна Дубельтъ (в 3-м классе)».

Елизавета Петровна, жена кавалергарда Николая Арапова, взяла девочку к себе, в поместье Пензенской губернии, и постаралась окружить её материнской заботой. Однажды и настоящая мать обеспокоилась судьбой подросшей дочери и даже просила князя Петра Вяземского, старого друга отца, похлопотать за её Ташу, определив её фрейлиной к «новой Великой Княгине». Но сей проект не удался, и Наташа Дубельт осталась жить у тётушки.

Детский портрет Наташи Дубельт, внучки поэта

Несколько строк из воспоминаний Елизаветы Бибиковой: «Дочь Натальи Александровны – урождённая Наталья Дубельт окончила институт, праздники проводила у деда, и моя мать о ней заботилась… Моя мать поселилась в деревне и её взяла к себе. Жили в глуши, соседей не было, и Наталья тосковала».

И вот тут в её безрадостную жизнь «беззаконной кометой» ворвалась Любовь. Вновь слово Елизавете, рассудительной кузине Натали-младшей:

«В неё влюбился земский врач, ссыльный поляк, человек очень интеллигентный, образованный, но старше её. Сделал ей предложение, мама запросила её мать о согласии и просила помочь на приданое. Но тётка возмутилась и выписала её к себе в Висбаден».

Роман, а то, несомненно, был любовный роман, чуть было не увенчавшийся счастливым замужеством.

Что вызвало тогда гнев графини Меренберг, после всех потрясений мирно живущей в тихом Висбадене? Чем так взволновало её письмо из далёкого Наровчата? Почему Наталия Александровна «возмутилась» и потребовала дочь к себе?

Ответ бесспорен: жених старшей дочери. История сохранила его имя: Сильвестр Мартин-Устин Зенькевич. Дворянин Виленской губернии, он был арестован в 1863-м по подозрению в подготовке восстания и выслан в глухую Пензенскую губернию. Да вдобавок был отлучён от церкви, что для католика явилось немалым испытанием! Но Сильвестр Зенькевич духом не пал. Благодаря блестящему образованию – за его плечами Сорбоннский университет – стал управляющим имениями Араповых.

Помогла ему в изгнании и дружба с владельцем усадьбы – Иваном Андреевичем Араповым, человеком поистине замечательным. Иван Арапов – генерал-лейтенант, член совета Главного управления государственного коннозаводства и совета министра земледелия и государственных имуществ.

В молодости храбрый офицер, он участвовал во взятии Плевны в Русско-турецкую войну. Служил в Кавалергардском Ея Величества Государыни императрицы Марии Фёдоровны полку.

Затем бравый кавалергард посвятил себя делам сугубо мирным. Имение в Воскресенской Лашме, превращённое им в доходное хозяйство, считалось образцовым в Пензенской губернии. Особо славился в округе его конный завод.

Внучка поэта Наталия Дубельт, ученица 3-го класса гимназии. Около 1867 г.

Способствовал Иван Андреевич и проведению железной дороги в здешние края, а позднее одна из станций в его честь была именована Арапово. Умелый и рачительный хозяин, он не чужд был поэзии и даже сам писал стихи.

Да и род его был не последним в Российской империи. Неслучайно язвительный Салтыков-Щедрин как-то обронил: «Куда бывало ни повернись – везде либо Арапов, либо Сабуров…»

Не обошло стороной Ивана Андреевича и семейное счастье:

в браке с Александрой Ланской, дочерью Наталии Николаевны (прежде именовавшейся госпожой Пушкиной) от брака с генералом Ланским, имел детей. А его родной брат Николай Андреевич Арапов, и тоже кавалергард, женился на родной сестре Александры – Елизавете Ланской. В этом браке и появилась на свет маленькая Лиза, в будущем мемуаристка Елизавета Бибикова.

Родилась в Висбадене, где жила её тетушка, графиня Наталия фон Меренберг, поскольку считалось, что в Германии более опытные, нежели в России, врачи-акушеры.

В её-то семействе и подрастала наша героиня Таша Дубельт – о племяннице заботилась добрейшая Елизавета Петровна Арапова. Дядя Иван Андреевич также был добр и заботлив к племяннице Таше, по сути оставленной своими родителями. Видимо, в его доме и случилась первая встречи барышни Дубельт и поляка Сильвестра Зенькевича.

Сильвестр Зенькевич, несостоявшийся жених внучки Пушкина.

Видимо, не без участия Ивана Арапова жених Зенькевич был восстановлен в правах и в начале 1870-х освободился из-под

строгого надзора полиции. Но в глазах графини Меренберг будущий зять всё равно оставался всего лишь ссыльным поляком, недостойным руки дочери!

…«Польский след» в «Гранатовом браслете». Он есть! Хозяйка дома, где снимал комнату несчастный чиновник со смешной фамилией Желтков, – полька, и своего квартиранта в разговоре с княгиней Верой называет «пан Ежий». Это к ней, доброй католичке, обращена последняя его просьба – повесить перед образом Мадонны гранатовый браслет, не принятый боготворимой им женщиной.

И вновь на страницах романа происходят «странные сближенья». Трогательная сцена прощания: княгиня Вера пристально всматривается в лицо покойного…

> «Она вспомнила, что то же самое умиротворённое выражение она видала на масках великих страдальцев – Пушкина и Наполеона».

Не хотел ли Куприн так потаённо соединить имена двух влюблённых: ссыльного поляка и внучки русского гения?

Но при чём здесь Куприн и его «Гранатовый браслет»? Мало ли таких историй могло случиться на просторах необъятной Российской империи?!

Да ведь и сам писатель родился в Наровчате! В августе 1870 года. Конечно, в силу своего нежного возраста – ему было лет пять-шесть, когда вокруг Натали Дубельт и Сильвестра Зенькевича разгорались нешуточные страсти – он не мог быть их свидетелем.

Елизавета Николаевна Бибикова, внучка Наталии Николаевны Пушкиной-Ланской, мемуаристка.

Но о том несчастливом романе много позже, уже в Москве, куда юный Александр был определён в кадетское училище, рассказывала ему мать, Любовь Алексеевна, происходившая из древнего и знатного рода татарских князей Куланчаковых. Одному из них в веке семнадцатом было пожаловано поместье в Наровчатском уезде. Однако наследственные земли впоследствии были проданы, и, как писал сам Куприн, «от бабушкиных великолепных имений остались три десятины».

А крестили маленького Александра в городском Покровском

соборе. Сохранился в Наровчате и дом Куприных, ныне – музей писателя.

Дочь его, красавица Ксения, побывав в музее, сказала значимые слова: «Куприн любил родину, и это чувство зародилось здесь, в Наровчате».

…По поверьям, гранат притягивает любовь, необычайную по накалу страстей. Магический камень влюблённых.

> «…Посредине браслета возвышались, окружая какой-то странный маленький зелёный камешек, пять прекрасных гранатов-кабошонов…»

Прекрасные кабошоны – это альмандины, разновидность красных или красно-фиолетовых гранатов, их цвет может быть вишнёвым, малиновым, фиолетовым; а зелёный камешек – демантоид, редкостный «уральский хризолит».

Вспомним Александра Сергеевича:

> Доволен скромною судьбою
> И думаю: «К чему певцам
> Алмазы, яхонты, топазы…»

Все те драгоценности – символы богатства и праздности, совсем иное – камни-обереги с сокрытой в них чудесной таинственной силой… Так, может быть, гранатовую подвеску (с пятью драгоценными кабошонами!), ту самую, что извлекла из заветной шкатулки на Божий свет графиня из Висбадена, подарил невесте Таше в преддверии свадьбы жених Сильвестр Зенькевич?!

На исходе девятнадцатого века гранатовый браслет метафизически трансформировался в гранатовую подвеску, таинственным образом «всплывшую» в Германии.

«Подумай обо мне»

Академик Альберт Цветков, знаток Куприна (и правнук Сильвестра Зенькевича!) убеждён, что прототипом княгини Веры стала внучка поэта, а вовсе не госпожа Людмила Любимова, родственница жены писателя, в жизни которой случилась похожая любовная история. Да и её сын Лев позднее утверждал, что Куприн, бывший с их семейством в свойстве, перенёс в свою знаменитую повесть реальные события из жизни любезной маменьки.

Да и поныне господствует мнение: в основу сюжета «Гранатового браслета» положена реальная история, почерпнутая

из семейной хроники Любимовых. Однако у Альберта Александровича Цветкова своя версия, основанная также на фамильных преданиях и изложенная им в труде «Ключи к тайнам Куприна».

Он хорошо помнит, что книга «Гранатовый браслет» всегда лежала на прикроватной тумбочке в спальне его матери – Софьи Хайновской. И перед сном она вновь и вновь, будто впервые, перечитывала любимую повесть.

Как-то юный Альберт всё же спросил маму, отчего она так любит эту книгу? «Это связано с историей нашей семьи», – был ответ сыну.

Позднее он не раз слышал от матери, польки Софьи Хайновской, просившей его (в который раз!) почитать вслух «Гранатовый браслет»: «Ты ведь не знаешь, что твой прадед был влюблён во внучку Пушкина и пользовался взаимностью. И это с них Куприн списал сюжет».

Но почему тогда сам писатель, преклонявшийся перед «великой тенью Пушкина», о том нигде и никогда не обмолвился? По цензурным соображениям – полагает исследователь, ведь знаменитая повесть явилась откликом на запрещённый в России роман «Не унывай», автор коего, великий князь Михаил Михайлович, посвятил любимой супруге графине Софи де Торби. Внучке поэта и сестре Натали Дубельт!

Исторический курьёз: и в самом пушкинском семействе к этому браку относились неоднозначно. Ранее, в феврале 1899-го, когда дети Пушкина замыслили возложить на могилу великого отца серебряный венок, живо обсуждалось, какую надпись на нём выгравировать? Вернее, сама надпись должна была стать лаконичной: «От семьи Пушкина», но полагалось указать и всех членов семейства поэта. Так, Александра Арапова в письме к брату Григорию Пушкину, адресованному в Михайловское, полагала, что «нельзя поместить на венке имя пресловутого Миш-Миша, сохраняющего в опале манию величия».

Хотя саму Александру Петровну и нельзя отнести к наследникам Пушкина, она делает «глубокомысленный» вывод, что Михаил Михайлович «со свойственным ему снобизмом мог быть недоволен стоять рядом с простыми смертными». Странно лишь, отчего тогда великокняжеский «снобизм» не помешал ему жениться на внучке Пушкина, «простой смертной»?!

Но самому августейшему автору не дано было знать о тех перипетиях: он выступил против неприятия высшим светом морганатических браков. И хотя действие романа происходит в некоем загадочном королевстве, на его страницах повествуется история любви и женитьбы самого великого князя. Так что книга

та, опубликованная в Англии, была у многих на слуху, а её запрет в России лишь добавил популярности единственному литературному творению Михаила Романова.

Сам роман «Не унывай», впрочем, как и его автор, казался Петру Аркадьевичу ниспровергателем моральных устоев, а значит – зловредной книгой для читателей. В чреде важнейших имперских дел, а ведь знаменитый государственный деятель и реформатор Пётр Столыпин одновременно являлся председателем Совета министров и членом Государственного совета, он не забыл издать указ о запрещении «крамольного» романа в России. Подобно строжайшему цензору.

Вот одно из писем министра (под грифом: «Совершенно секретно»!), отправленное им в июне 1908 года тогдашнему наместнику на Кавказе графу Воронцову-Дашкову: «Милостивый Государь, граф Илларион Иванович! Несколько времени тому назад в Лондоне напечатан и выпущен в продажу роман, написанный Великим Князем Михаилом Михайловичем под названием „Борись до смерти“ (так звучало тогда в переводе с английского название „Не унывай“. – *Л.Ч.*), причём роман этот появился в продаже и в России. Сделав одновременно с сим распоряжение о воспрещении ввоза этого романа и о наложении на произведение ареста в местностях, объявленных на военном положении или на положении чрезвычайной охраны на всё время действий этих положений, в случае, если бы этот роман был отпечатан в России на русском или иностранных языках. Я считаю долгом уведомить об этом Ваше Сиятельство на этот предмет, не признаете ли вы соответственным сделать такое распоряжение по Высочайше вверенному Вашему Сиятельству наместничеству». Подобные грозные письма-циркуляры за подписью министра внутренних дел Петра Столыпина были разосланы всем российским губернаторам.

Именно в то время действовало негласное указание: романы с подобными сюжетами должны были подвергаться цензуре особого министерства при Императорском дворе. Версия академика Цветкова в ладу с хронологией: «крамольный» роман «Не унывай» увидел свет в 1908 году, а «Гранатовый браслет» – в 1910-м. Максим Горький приветствовал повесть: «А какая превосходная вещь „Гранатовый браслет“… Чудесно! И я рад, я – с праздником! Начинается хорошая литература».

…Брак Наталии Дубельт с опальным поляком, если бы и свершился, морганатическим не стал, ведь ни жених, ни невеста не принадлежали к владетельным домам. Скорее, их союз назвали бы мезальянсом.

Вероятно, будущего супруга, полковника прусской армии,

подыскала для своей Наташи сама графиня Меренберг. Удачная партия для барышни из «медвежьего угла», по общему мнению. Но о какой любви могла идти речь? Ведь жених был старше избранницы почти на тридцать лет, – вот где по-настоящему неравный брак!

На улице Бонна, где стоял дом Наталии фон Бессель, внучки поэта. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г.

Внешне всё выглядело благопристойно: заботливый супруг, дети, собственный дом. Натали фон Бессель казалась вполне счастливой в том кратком супружестве (длилось оно всего шесть лет – столько лет было отпущено и жизни красавицы Натали с Пушкиным!). Но кто знает, как часто в мыслях уносилась она в забытую богом Пензенскую губернию, вспоминая о былой возвышенной любви? И как её отсвет вспыхивали кроваво-красные огоньки магических камней, волею безымянного ювелира сложенных в гранатовый крест.

Крест её жизни, будто благодатным огнём, опалённый Любовью…

> «Подумай обо мне, и я буду с тобой, потому что мы с тобой любили друг друга только одно мгновение, но навеки…»

Любовь стала для Наталии Дубельт спасением. Не случись

романа в пензенской глубинке, не приняла бы её матушка графиня Меренберг столь решительных мер, и как знать, она вполне могла повторить печальную судьбу своих близких: младшей сестры Анны, племянника Павла, тётушек Александры Араповой и Марии Гартунг, умерших от голода и болезней, сгинувших – кто в революционном Петрограде, кто в красной Москве…

Германии суждено было стать вторым отечеством для внучки Пушкина.

На родине Бетховена

Некогда вдова поэта Наталия Николаевна вместе с дочерями Марией и Наталией совершала путешествие по Германии – более всего из немецких городов её восхитил Бонн. Вот лишь некоторые строки из её писем в Россию:

«Посмотрим достопримечательности и окрестности Бонна, который мне кажется очаровательным, воздух великолепный»;

«Я только что вернулась с прогулки, так как не захотела уехать из Бонна, не посмотрев его. Я им очарована, это один из красивейших городов из тех, что я видела… Я посвящаю эту неделю Бонну и его окрестностям»;

«Ехали через Бонн. Восхитительный город…»

Ровно через тридцать лет её внучка Наталия Дубельт оказалась в Бонне, идиллическом немецком городке с островерхими черепичными крышами и садиками на балконах, старой ратушей и Курфюрстским замком. Обосновалась там вместе с мужем, отставным полковником Арнольдом фон Бесселем.

«Я её хорошо помню, – вспоминала Елизавета Бибикова, – она была пресимпатичная, живая, весёлая и очень родственная. Я у неё была в Бонне в 1914 году».

Бонн, родина Бетховена и правнуков Пушкина. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г.

В семействе Бессель было двое детей: сын Арнольд Николаус (он гордился близким родством с Пушкиным, владел русским языком и собирал портреты поэта) и дочь Элизабет.

В годы Второй мировой из-за своего русского происхождения правнук поэта не был послан на Восточный фронт, но в боях участвовал. Однако это всего лишь версия. Есть и другая, основанная на воспоминаниях Данилевских, полтавских потомков Пушкина и Гоголя.

В Полтаве, во время немецкой оккупации, случилась невероятная встреча, будто рождённая фантазией некоего безумца. Однажды к дому, где жила Галина Данилевская вместе с семейством своей свекрови Софьи Николаевны, урождённой Быковой, подкатил немецкий «опель» – из услужливо распахнутой адъютантом дверцы вальяжно вышел генерал и проследовал прямо в дом. Встревоженные хозяйка и домочадцы застыли на месте. Но немец, бросив взгляд на висевший в гостиной портрет красавицы Наталии Пушкиной, лишь удивлённо воскликнул: «О, майн гросмуттер!» («О, моя бабушка!»)

Да, Арнольд Николаус Эмиль фон Бессель, тот самый немецкий генерал, приходился правнуком… Пушкину. А следовательно – троюродным братом Софье Николаевне Данилевской. Нить его родословия вилась от младшей дочери поэта Натальи. Выйдя замуж за немецкого принца Николауса

Нассауского, дочь поэта, приняв титул графини Меренберг, надолго обосновалась в Висбадене. Позже, противясь нежелательному для неё замужеству дочери, оставленной в России, призвала её в Германию. Там Наталия Дубельт стала супругой прусского полковника Арнольда Германа фон Бесселя. Переехала к мужу в Бонн, где и появился на свет сын Арнольд, названный в честь отца.

Надо думать, что генерал-майор вермахта фон Бессель вовсе не случайно заглянул в дом к Данилевским, ведь он прекрасно знал о своём родстве с русским гением по рассказам матери и бабушки, владел русским языком, собирал портреты Пушкина, томики его стихов в переводах на немецкий. Но афишировать своё родство со славянином (!) в нацистской Германии было явно небезопасно. И уж тем более для офицера столь высокого ранга, как Арнольд фон Бессель. Бесспорно, генералу не составило труда навести справки и узнать адрес своих полтавских родственников.

Стоила ли та мимолётная встреча брата и сестры всех ужасов войны?! Более уже немецкий правнук поэта не смог повидаться ни с кем из родных – жизнь генерал-майора фон Бесселя бесславно оборвалась в июле 1945-го.

…Гитлеровцы отступали под натиском советских войск, и вот она, долгожданная весть: немцев выбили из Полтавы!

В конце войны генерал-майор вермахта фон Бессель был назначен начальником лагерей для военнопленных во Франции, позднее сам попал в плен к французам, где и суждено было ему погибнуть.

Сестра немецкого генерала Элизабет, так и не испытавшая супружеского счастья, в одиночестве старела в родительском доме.

…Нет уже дома на улочке Томасштрассе, некогда принадлежавшего семейству фон Бессель: современный Бонн заявляет свои права на заурядные городские кварталы. Свидетелями той былой жизни остались лишь величественная столетняя кирха из красного кирпича, служащая ныне пристанищем для обездоленных, да старое кладбище, где, верно, и похоронена Натали-младшая. Увы, сведений о ней более нет…

> «Богу было угодно послать мне, как громадное счастье, любовь к Вам…»

Знал ли Куприн о дальнейшей судьбе внучки Пушкина, прототипа своей героини, или то гениальное писательское предвидение?! Ведь Бонн – город Бетховена! Время сохранило старинный дом, где появился на свет младенец Людвиг. А в середине девятнадцатого столетия благодарные горожане

воздвигли прекрасный памятник композитору. В двадцать первом же имя Бетховена увековечили весьма необычно: в брусчатку, помнящую шаги немецкого гения, «вкраплены» его светящиеся портреты…

Не странно ли, что княгиню Веру влюблённый «телеграфист» Желтков чаще всего встречал… на «бетховенских квартетах»? И в предсмертной записке он просит её помнить, что у «Бетховена самое лучшее произведение… L. van Beethoven. Son. № 2. op. 2. Largo Appassionato».

Необъяснимые параллели…

Великий Бетховен взирает со стен родного Бонна. Фотография

Л.А. Черкашиной. 2007 г. Публикуется впервые.

Бонн стал ещё одним пушкинским городом в Германии. Фантастические параллели: в Бонне родился великий Бетховен – в Бонне появились на свет и правнуки Пушкина! В пушкинском наследии есть единственное упоминание о «музыкальном Бетговене» – так непривычно звучала в те времена славная фамилия. Бетховен и Пушкин… Прихотливо распорядилась судьба: в городе, освящённом рождением немецкого гения, угасла жизнь внучки его русского собрата.

> «Вот сейчас я Вам покажу в нежных звуках жизнь, которая покорно и радостно обрекла себя на мучения, страдания и смерть. Ни жалобы, ни упрёка, ни боли самолюбия я не знал. Я перед тобою – одна молитва: „Да святится имя Твоё!“»

И как знать, не вдохновенная ли бетховенская соната, возродившая к жизни героиню «Гранатового браслета», звучала и в доме на Томасштрассе в декабре 1926-го? Последнем в жизни Натали фон Бессель…

Когда-то безымянный фотограф запечатлел её в Висбадене с братом Георгом и сёстрами Софи и Александрой. И у каждого из детей Наталии Александровны была своя удивительная история любви. Впрочем, как и у неё самой.

«Любовь должна быть трагедией. Величайшей тайной в мире», – веровал Александр Куприн. Необычное свидетельство русской писательницы-эмигрантки о некой тайной любви самого Куприна: «Никто не знает, что три года подряд 13 января, в канун русского Нового года, он уходил в маленькое бистро и там, сидя один за бутылкой вина, писал письмо нежное, почтительно-любезное всё той же женщине, которую почти никогда не видел и которую, может быть, даже и не любил. Но он сам, Александр Иванович, был выдуман Гамсуном и, подчиняясь воле своего создателя, должен был тайно и нежно и, главное, безнадёжно и каждый раз под Новый год писать всё той же женщине своё волшебное письмо».

Ну а прежде Александр Куприн, великий поклонник Пушкина, зачитываясь письмами поэта к невесте, а потом к жене, и сумел облечь своё восхищение в словесную форму: «В его (Пушкина) переписке так мучительно трогательно и так чудесно раскрыта его семейная жизнь, его любовь к жене, что почти нельзя читать это без умиления, – восхищался Александр Куприн. – Сколько пленительной ласки в его словах и прозвищах, с какими он обращается к жене! Сколько заботы о том, чтобы она

не оступилась, беременная, – была бы здорова, счастлива! Ведь надо только представить себе, какая бездна красоты была в его чувстве, которым он мог согревать любимую женщину, как он при своём мастерстве слова мог быть нежен, ласков, обаятелен в шутке, трогателен в признаниях!..»

Нельзя ничего утверждать, но всё же осталось признание самого писателя: «Мне хотелось бы когда-нибудь написать об этом…» И не послания ли поэта к его Натали вдохновили Куприна на создание литературного шедевра, гимна жертвенной любви?!

Странный капитан Люфтваффе

Он из Германии туманной…

Александр Пушкин

Молодой аристократ

Вновь вернёмся в немецкий Висбаден. На сей раз – в год 1897-й, когда в семействе Ольги и Георга фон Меренбергов появился на свет младенец, наречённый Георгом-Михаэлем-Александром.

Он знал и любил своих титулованных бабушек – Светлейшую княгиню Юрьевскую и графиню Наталию фон Меренберг. Ведома была ему необыкновенная, почти фантастическая история собственного родословия.

Однако юный граф Георг-Михаэль фон Меренберг вряд ли читал русский «Огонёк» за 1914 год, где в разделе «Иллюстрированная хроника» напечатан портрет отца с броским заголовком: «Внук Пушкина против России». Далее шёл лаконичный текст: «Граф Георгий Николаевич Меренберг, родной внук нашего великого поэта, единственный сын дочери А.С. Пушкина Наталии Александровны и принца Николая Нассауского, служит ротмистром в одной из гвардейских кавалерийских частей германской армии».

Граф Георг-Николай фон Меренберг, отец нашего героя, приходился внуком русскому гению Александру Пушкину и зятем российскому императору Александру II. К чести его, повторю, он никогда не воевал против России!

Шёл тысяча девятьсот четырнадцатый: Первая мировая собирала свои первые кровавые жертвы. Юному Георгу-Михаэлю довелось принять боевое крещение на её ратных полях, простиравшихся от России до Франции. Во Франции-то, воюя на Западном фронте, восемнадцатилетний наследник великих фамилий попал в плен, но был освобождён и благополучно вернулся в родной Висбаден.

В отличие от отца, в словарном арсенале коего числилось два русских слова: «Благодарствую» и «До свидания», граф Георг-Михаэль неплохо владел русским. И всему был обязан матери – Светлейшей княжне Ольге Юрьевской, появившейся на свет благодаря бурному роману венценосца Александра II и очаровательной княжны Катеньки Долгоруковой. В будущем – его бабушки, носившей титул, дарованный ей августейшим супругом,

Светлейшей княгини Юрьевской. К слову, будучи в плену, Георг отправлял бабушке Екатерине Михайловне, жившей в Ницце, записки с просьбой помочь ему вырваться из крепких «французских объятий».

На родине, после освобождения, графа Меренберга ждала блестящая военная карьера. Итак, молодой аристократ (ах, знать бы о том всесильному рейхсмаршалу Генриху Герингу, в чьём ведении были военно-воздушные силы вермахта, что в жилах его офицера, статного красавца-арийца, бурлит «коктейль» из немецкой, славянской и африканской крови!) вступил на военную стезю. Отныне он – часть люфтваффе Германии, её мощной всепобеждающей силы!

Георг-Михаэль фон Меренберг, внук Александра II и правнук Пушкина. 1917 г.

В тридцать Георг-Михаэль женился, его избранницей стала баронесса Паулетте фон Кёвер де Дьёрдьёш-Сент-Миклош. Пышную свадьбу сыграли в Будапеште, но всего через два года брак распался. Долгое время разведённый граф подбирал себе подходящую партию и наконец в июле 1940-го венчался с фрейлейн Элизабет-Анной Мюллер-Юри. (Любопытно, всем своим обликом граф фон Меренберг удивительно напоминал

штандартенфюрера СС Штирлица из будущих «Семнадцати мгновений…», да и супруга красавца-аристократа обладала подходящей для приключенческого киносериала фамилией!)

Гауптман фон Меренберг

А уже вовсю полыхала Вторая мировая… Но жизнь шла своим чередом: в положенный срок в семействе графа случилось прибавление: в мае 1941-го огласила мир о своём явлении малютка-дочь Клотильда. До начала Великой Отечественной, когда первые немецкие бомбы взорвали мирную тишину Советской страны, оставалось чуть больше месяца…

И предрассветным утром 22 июня гауптман (или гауптштурмфюрер – звание капитана в армии Германии) Второго воздушного флота люфтваффе Георг фон Меренберг в который раз проверил предполётную готовность боевых «мессершмиттов», «юнкерсов», «фокке-вульфов» и «хейнкелей» – истребителей-бомбардировщиков, пикирующих бомбардировщиков и штурмовиков, несущих на стальных крыльях зловещие кресты… Нет, он не сидел за штурвалом тяжёлого бомбардировщика, не смотрел в прицел, выискивая нужную цель, не нажимал на кнопку сброса… В его обязанности входила подготовка тех самых бомбардировщиков и штурмовиков к полётам – капитан фон Меренберг ведал частями аэродромного обслуживания.

Но это его боевые товарищи, немецкие асы, лихо бомбили города и дороги, усеянные беженцами, это те самые авиационные бомбы, бережно погруженные под его присмотром в отсеки, падали не на чужую для капитана фон Меренберга землю. На Россию, родину его великих предков.

И какие слова мог он найти, чтобы оправдаться, глядя в глаза (пусть мысленно!) разгневанному венценосному деду или раздосадованному смуглому прадеду?!

Да, конечно, гауптман фон Меренберг выполнял свой офицерский долг. И выполнял честно – приказы ведь не обсуждают. Правда, к фюреру относился с лёгким скепсисом и даже как-то не вскинул руку в нацистском приветствии, что не лучшим образом сказалось на его военной карьере.

Но что за малость – бравада немецкого аристократа в сравнении с тысячами загубленных (и по его вине тоже) жизней! Не только солдат противника, но и женщин, детей – быть может, ровесников его маленькой Клотильды.

О чём думал тогда статный капитан люфтваффе, уже не узнать. Мучили ли его раскаяние, сострадание, жалость? И что до того теперь… Когда одно воспоминание о надрывном вое

«юнкерсов» и «мессершмиттов» с крестами на крыльях и свастикой на хвостах вызывает ужас у ныне живущих…

Те кресты на крыльях боевых самолётов и на танковой броне имеют свою давнюю историю. Ведь «Балкенкройц» («Balkenkreuz») – так именуется тот зловещий крест – основная эмблема люфтваффе и вермахта в годы Второй мировой. По сути, фашистский символ и есть стилизованная версия Тевтонского креста, который в свою очередь считался эмблемой Тевтонского ордена. С тевтонцами-крестоносцами бились ещё ратники древнерусского князя Александра Невского!

Но вернёмся к Георгу-Михаэлю фон Меренбергу. В защиту капитана люфтваффе некий журналист приводит одно его деяние, имевшее место в Белоруссии зимой 1941–1942 годов: он спас от расстрела трёх молодых немецких лётчиков, вздумавших дерзко подшучивать над Гитлером и Муссолини. Заслуга сомнительная: Георг-Михаэль фон Меренберг спас от расстрела тех, кто с лихостью продолжил бомбить землю его русских предков.

Гауптман люфтваффе Георг-Михаэль фон Меренберг. Фотография. 1943 г.

Но и русская, вернее, белорусская пуля, выпущенная из партизанского обреза, настигла-таки бравого гауптмана. Полученная под Минском рана стала для фон Меренберга истинным спасением: он был отослан в Германию на лечение из оккупированной, но не покорённой Беларуси.

И вскоре, в 1944-м, получил новый приказ – строить военный аэродром на греческом острове Парос, откуда немцы потеснили союзников-итальянцев.

Военный комендант

Парос – один из множества невеликих островков Кикладского архипелага. Но стратегически важный. Во время Пелопоннесского восстания в период Русско-турецкой войны 1768–1774 годов, он в числе тридцати греческих островов, при поддержке российского флота, вошёл в так называемую Архипелажную губернию, а её центром стал один из городков на Паросе.

Парос – легендарный остров Греции, родина древнегреческих скульпторов, философов, поэтов, ораторов: Агоракрита, Архилоха, Эвена Паросского, «прародина» Венеры Медицейской и Ники Самофракийской – эти античные шедевры, как и многие прекрасные статуи героев и богов Эллады, изваяны из идеальной белизны и твёрдости паросского мрамора.

Но вряд ли высшее немецкое командование интересовала история сказочного по красоте греческого острова, «всплывшего» в самом центре Эгейского моря. Нет, он, говоря современным языком, виделся фюреру непотопляемым авианосцем, «бросившим якорь» на перепутье морских дорог.

Но и англичане не дремали, разгадав стратегические замыслы немцев. В ночь на 15 мая 1944 года у берегов Пароса неслышно всплыла британская субмарина под командованием капитана-датчанина Андерса Лассена. Из её стального чрева на остров близ одного селения высадился английский десант. Его цель – сорвать строительство военного аэродрома, совершать диверсии против немцев, привлекая на свою сторону греческих партизан.

Георг-Михаэль фон Меренберг за работой. 1944 г.

Операция удалась: был смертельно ранен комендант Табель, он же начальник строительства аэродрома, убиты два немецких радиста. Были перерезаны телефонные провода, нарушена радиосвязь на острове.

Роль военного коменданта Пароса спешно принял Георг-Михаэль фон Меренберг, к тому времени уже майор.

Немцы не бездействовали, им удалось схватить партизана Николаса Стелласа – его зверски пытали, но двадцатилетний грек не выдал товарищей. В назидание всем остальным островитянам молодого патриота повесили… Гитлеровцы в совершенстве владели «искусством» мщения и устрашения: за пролитую кровь немецких офицера и солдат схватили сто двадцать пять мирных, ни в чём не повинных паросцев, приговорив заложников к расстрелу.

И вот здесь-то произошло удивительное, почти сверхъестественное событие! Но обо всём по порядку.

На острове Парос с давних времён был основан мужской монастырь Логовардас, во имя Живоносного источника Пресвятой Богородицы. Его настоятель, архимандрит Филофей (Зервакос), предпринимал все усилия, дабы спасти невинных. Разработан был тонкий психологический ход: под неким благовидным предлогом пригласить коменданта и его свиту в гости в монастырь. Ни о каких переговорах не могло быть и речи – немецкий комендант Георг-Михаэль фон Меренберг был бог и царь на острове! Но от дружеского приглашения в монастырь майор не отказался и в

воскресный день 23 июля 1944 года пожаловал в обитель вместе с подчинёнными ему офицерами.

Вначале немцам устроили небольшую экскурсию, показав им библиотеку, иконописную галерею и переплётную мастерскую. Затем гостей пригласили в трапезную.

Монашеская братия расстаралась на славу – трапеза была обильной и изысканной: столы, уставленные кувшинами с красным монастырским вином, ломились от всевозможных сыров, блюд с оливками, инжиром и виноградом. А украшением стола, в нарушение монастырского устава, стал жаренный на углях ягнёнок.

Несколько растроганный столь щедрым и радушным приёмом, комендант фон Меренберг пообещал помощь обители. Более того, в порыве благодарности дал слово, что готов выполнить любую просьбу настоятеля. Архимандрит Филофей смиренно попросил об одном – даровать жизнь ста двадцати пяти обречённым.

Майор фон Меренберг сухо напомнил настоятелю о своём воинском долге: если он не исполнит данный ему свыше приказ, его самого расстреляют. Подобная «мягкотелость» в Третьем рейхе каралась сурово. Да и обстановка была накалена до предела, ведь минуло всего три дня после неудавшегося покушения на Гитлера: летели головы немецких офицеров – всех, на кого лишь падала тень подозрения.

…Архимандрит скорбно склонил седую голову. И в это мгновение взгляд коменданта упал на живописную картину, висевшую в трапезной. Он всё более внимательно всматривался в неё и вдруг воскликнул: «Да это же Ялта!»

Комендант острова Парос Георг-Михаэль фон Меренберг (первый слева) в гостях у монастырской братии. 1944 г.

Оказалось, с этим крымским городом Георга-Михаэля фон Меренберга связывали самые трогательные воспоминания – сюда, на виллу бабушки, Светлейшей княгини Екатерины Юрьевской, возведённую волею августейшего деда, Александра II, близ Ливадийского дворца, он часто приезжал в детстве с матерью. Любил плавать в черноморских волнах, нежиться на горячей гальке, наслаждаясь весёлой и беспечной крымской жизнью.

Много позже архимандрит Филофей вспоминал: «Атмосфера вокруг нас была наполнена миром и доброжелательностью. Я чувствовал, что мы вступили в царство чудес». Глядя на потеплевшие глаза всесильного коменданта, настоятель дерзнул ещё раз повторить свою просьбу. Комендант молчал. И тогда архимандрит решительно попросил: «Пусть и меня включат в число осуждённых на смерть!»

«Поступим иначе, – кивнул головой фон Меренберг, – я дарю жизнь и свободу заложникам с тем лишь условием, что Вы дадите мне слово – они никогда не будут нападать на немецких солдат!»

Так неожиданно счастливо для ста двадцати пяти обречённых завершился тот визит немецкого коменданта в монастырь. Вот поступок, достойный внука русского царя и правнука великого поэта!

Путешествие на Парос

Наступление советских войск стремительно меняло линию фронтов не только на военных картах – вскоре, осенью 1944 года, гитлеровцы вынуждены были оставить Кикладские острова, Парос, да и всю Грецию.

Спешно покинул остров и его бывший военный комендант Георг-Михаэль фон Меренберг. Сам же он, прожив ещё двадцать послевоенных лет, мирно почил в январе 1965 года и похоронен в родном Висбадене. Там, где вечным сном спят его титулованные предки: великий герцог Вильгельм Нассауский и герцогиня Паулина (прадедушка и прабабушка со стороны отца), бабушка – графиня Наталия фон Меренберг, урождённая Пушкина, и дед – принц Николай Нассауский, крестник русского царя Николая I, отец – граф Георг-Николай фон Меренберг, чуть было не ставший великим герцогом Люксембургским. Их имена сияют золотом на мраморной доске, впаянной в нишу герцогской ротонды-усыпальницы, что на старом кладбище Альтенфридхоф, а ныне – городском парке…

Последним удостоенным чести быть захороненным в фамильном мавзолее стал отец Георга-Николая, переживший ужасы Второй мировой в Висбадене (ковровые бомбардировки американской авиации сровняли его особняк на Паулиненштрассе с землёй) и умерший в послевоенном 1948-м.

Как любит история чертить свои замысловатые круги! Чудесным образом монахи греческой обители разыскали в Германии Клотильду фон Ринтелен, урождённую графиню Меренберг, дочь бывшего военного коменданта Пароса, за кого святые отшельники и по сей день возносят молитвы Господу.

Итак, Клотильда фон Ринтелен отправилась из Висбадена на далёкий греческий остров. Она и сама была безмерно удивлена неизвестными обстоятельствами, связанными с жизнью отца, неожиданно открывшимися ей. Знала лишь, что отец в годы Второй мировой служил на греческом Паросе, а так как он не имел привычки вспоминать о бесславной войне, то и его военная служба в нацистской Германии оставалась семейной тайной за семью печатями. Подобно остальным главам немецких семейств, счастливо вернувшимся домой, майор фон Меренберг хранил молчание о былых «подвигах».

Волнения Клотильды фон Ринтелен понять можно: она боялась узнать о бедах, какие её отец мог принести жителям Пароса! Тем большей была радость, когда монахи, радушно встретившие её, рассказали о тревожном июльском дне 1944-го и смелом решении майора фон Меренберга.

Дочь бывшего немецкого коменданта Пароса возложила букет из лилий и роз к мемориалу молодого грека-патриота Николаса

Стелласа, замученного её соотечественниками: его память празднуют ежегодно в последнее майское воскресенье. И пообещала, что обязательно приедет на торжество 23 июля, знаменательное в многовековой истории Пароса, – именно в этот день архимандрит Филофей был причислен к лику святых Греческой православной церкви. Насельники монастыря веруют, что в то далёкое воскресенье явила свою высшую милость Пресвятая Богородица, – к Ней, Заступнице рода человеческого, обращены были тогда горячие молитвы настоятеля. Кончина старца Филофея, как и его долгая земная жизнь, была блаженной и святой, о том 8 мая 1980 года (в канун дня Победы!) писали все греческие газеты.

А на острове Парос, в монастыре Логовардас, обители старца, верующие возносят ныне молитвы перед иконами с ликом Святого Филофея…

Клотильфа фон Ринтелен даёт друзьям автографы. Висбаден. Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г. Публикуется впервые.

Но вот необычное обстоятельство, вряд ли известное монахам славной обители, да и самой Клотильде фон Ринтелен, возглавлявшей Немецкое Пушкинское общество. День 23 июля (по старому стилю – 10 июля) был особо почитаем в семье Пушкиных. В этот июльский день Александр Сергеевич заказывал благодарственный молебен и сам горячо молился перед фамильной реликвией – святой ладанкой с частицей Ризы

Господней. История ладанки требует особого рассказа: дарована она была царём Михаилом Фёдоровичем, первым из династии Романовых, одному из предков поэта, боярину Пушкину, в награду за верность и труды на благо Отечества. А саму серебряную ладанку на цепочке всегда носил на груди русский гений, объявленный в советские времена чуть ли не революционером и безбожником!

Известно, что Александр Пушкин завещал детям, внукам и правнукам не забывать этот святой день, горячо молиться Всевышнему, не прерывая семейной традиции. Что, к слову сказать, наследниками поэта исполнялось неукоснительно, и в тот памятный июльский день военного 1944-го тоже! Древняя ладанка принадлежала в то время Анне Александровне Пушкиной, глубоко верующей внучке поэта, жившей в Москве и свято чтившей заветы великого деда. Там, в московском доме на Арбате, и хранилась святая реликвия Пушкиных – там, перед ней и старинными фамильными иконами, возносились молитвы за наших воинов, за победу…

Ещё одна историческая зарубка: 23 июля 1944 года был освобождён от гитлеровцев Псков, столь много значивший в судьбе поэта…

Но вся эта поразительная история была бы неполной без рассказа о другом правнуке русского гения, лейтенанте Красной Армии Григории Григорьевиче Пушкине.

Знать бы майору фон Меренбергу, что воевал он не против безликих советских солдат, а против своих братьев в самом что ни на есть прямом смысле! На фронтах Великой Отечественной фашистской орде противостояли потомки поэта, его правнуки и праправнуки: Григорий, Борис и Сергей Пушкины, Александр и Олег Кологривовы, Сергей Клименко…

Итак, брат против брата! Григорию Пушкину не пришлось встретиться с троюродным братом Георгом-Михаэлем фон Меренбергом ни на поле боя, ни в мирной жизни. А жаль… Увидевшись, братья были бы поражены фамильным сходством, доставшимся им от русского гения, – оба они получили «в наследство» от прадеда знаменитый пушкинский профиль!

А вот с дочерью былого противника, Клотильдой фон Ринтелен (своей двоюродной племянницей), Григорию Григорьевичу Пушкину довелось познакомиться. И случилось то в октябре 1993-го – тогда правнука поэта пригласили в немецкий Гёттинген, на международный культурологический форум, где его выступление было встречено шквалом оваций. «Живой Пушкин, живой Пушкин!!!» – гудела чопорная университетская аудитория.

А ведь та встреча случилась в Гёттингенском университете – том самом, куда некогда предполагал Константин Батюшков «запереть» юного Пушкина, дабы утихомирить его слишком горячий русский нрав, приучив к немецкому прагматизму!

«Живой Пушкин», удивительно похожий на своего великого прадеда, побывал и в Висбадене, в гостях у Клотильды Георгиевны, как на русский манер, любил называть её Григорий Григорьевич. О том давнем визите он, всегда внешне невозмутимый, вспоминал почему-то с особой теплотой…

Вот так пути майора люфтваффе и лейтенанта Красной армии, непримиримых врагов, незримо скрестились в старинном городе немецкой земли Гессен. Круг таинственным образом сомкнулся.

«Капитанская дочка»

Немецкая «капитанская дочка», графиня Клотильда фон Меренберг, она же и наследница великого герцога Вильгельма, в честь коего названа главная улица в Висбадене, росла без бонн и гувернанток. Ей довелось познать все тяготы жизни в поверженной и униженной Германии – послевоенное детство тяжёлым было не только в победившей России…

Их «уплотнили», поселив в дом ещё несколько семейств беженцев. От тех времён на память остался детский портрет Клотильды, написанный француженкой-эмигранткой. Особняк, где жил дед с семьёй, разбомбили во время одного из налётов американской авиации, а вот вилла на Зонненбергштрассе, где почти сорок лет прожила её русская прабабушка, счастливо сохранилась.

Клотильда фон Ринтелен с фамильным родословием (второй портрет на схеме справа в верхнем ряду – адмирала Хосе де Рибаса). Фотография Л.А. Черкашиной. 2007 г. Публикуется впервые.

Правда, вилла давно уже не принадлежит семье, как и соседняя, где после свадьбы в Ницце поселились дедушка Георг с бабушкой Ольгой. (Позднее молодые супруги обосновались на Паулиненштрассе в том, не уцелевшем ныне доме.) До сих пор сохранилась решётчатая калитка в ограде, разделявшей две усадьбы, – видимо, общение двух семей, матери и сына, происходило довольно тесно и самым родственным образом.

Изящный трёхэтажный особняк дочери Пушкина, с балконом, колоннами и парадной каменной лестницей, отделён от улицы кованой чугунной оградой. Вилла стоит в глубине сада, заросшего магнолиями, рододендронами и необычными деревцами, сплошь усыпанными красными ягодами – будто повисшими на ветвях хвои каплями крови…

Знать бы ей, графине Наталии Меренберг, что внук прольёт свою кровь в России. Увы, не за её родину…

Зато неведомая ей правнучка Клотильда верна своей давней мечте – духовно сблизить Германию и Россию. Вот уже более двадцати лет в Висбадене действует созданное ею общество культурного обмена между двумя странами.

Долгие годы Клотильда фон Ринтелен возглавляла Немецкое

Пушкинское общество и делала то с присущей ей основательностью. Часто приезжала в Россию, и всякий раз – с бесценными подарками пушкинским музеям: то с кольцом, увенчанным фамильным гербом, то с фарфоровым бюстом красавицы-прабабушки Наталии Меренберг, а то и с рукописью романа, написанного младшей дочерью поэта.

Да и на родине, в немецком Висбадене, старается поддерживать интерес сограждан к русскому гению. Имя Пушкина не должно быть забыто в современной Германии. И верит: в этом – её жизненная миссия.

Эпилог

Право, жизнь куда более затейливо, чем прославленные романисты, выводит линии людских судеб, продолжая их в далёких правнуках царской четы, в немецких и швейцарских потомках Александра Сергеевича…

Непредсказуемо и витиевато плетёт судьба свои родословные тенёта. Есть такой вполне научный термин: «генеалогические разведки» – вот одну из таких «секретных операций» и попробуем провести напоследок.

А для начала вспомним известные пушкинские строки:

Я жил тогда в Одессе пыльной…
Там долго ясны небеса…

Итак, Пушкин жил в Одессе. Почти каждый день, а стоял жаркий июль 1823 года, он совершал свой любимый ритуал – пил турецкий кофе в кофейне Пфейфера на Дерибасовской улице. В августе того же года, уже будучи на службе в канцелярии новороссийского генерал-губернатора графа Михаила Семёновича Воронцова, поэт поселился в гостинице в доме Рено, близ театра, на углу Ришельевской и Дерибасовской.

И не мог знать Пушкин, прогуливаясь по знаменитой улице черноморского города, названной в честь испанца Хосе де Рибаса, адмирала русской службы, что имя этого легендарного мужа вплетётся в древо его необъятного родословия… Уже позднее племянник адмирала, Михаил де Рибас, одесский старожил, вспоминал о встречах с прославленным поэтом тем далёким летом.

Хосе де Рибас (Осип Михайлович Дерибас – так стали писаться его имя и фамилия в России) родился в Неаполе в 1749-м, ровно за полвека до появления на свет Александра Пушкина. И почти за столетие до рождения княжны Катеньки Долгоруковой, к слову, побывавшей в Неаполе, на родине славного прадеда!

Давным-давно каталонский дворянин дон Мигель де Рибас, отец нашего героя, покинув родную Испанию, перебрался в Неаполь, поступив там на королевскую службу. Довольно скоро каталонец пошёл вверх по служебной лестнице и занял пост директора в министерстве морских и военных сил. В Неаполе же он повстречал шотландку (по другим сведениям – ирландку) Маргаретт Планкетт, ставшую вскоре его женой и матерью маленького Хосе.

В 1772 году молодой подпоручик неаполитанской гвардии Хосе де Рибас за помощь, оказанную им графу Алексею Орлову-Чесменскому при поимке самозванки, княжны Таракановой, принят был на русскую службу майором. Видимо, Осип Дерибас сумел сразу же отлично зарекомендовать себя, и уже через два года ему было поручено воспитание двенадцатилетнего Алексея – внебрачного сына Екатерины II и Григория Орлова, получившего титул графа Бобринского.

Осип Михайлович участвовал в Русско-турецкой войне (1787–1791), закончившейся подписанием Ясского мира. Особо отличился он, командуя авангардом при взятии Хаджибея (с 1795-го – Одессы). Был ближайшим сподвижником Александра Суворова при штурме Измаила. Приобрёл большую известность и как военный строитель. Под началом испанца Дерибаса возводилась военная гавань, строилась Одесса. Потому и носит ныне имя славного Дерибаса главная улица черноморского города.

Ну, а самому адмиралу за его труды явлена была благодарность императрицы Екатерины Великой: «…Особливо вице-адмиралу де Рибасу, на попечении которого лежит главная часть тамошних крепостных и порта Одесского строений и который, усердием своим к службе Нашей, наиболее способствует к успешному течению оных».

Оставил адмирал по себе добрую память и в Кронштадте – как автор плана существующих и поныне укреплений. Кстати, именно в Кронштадте сошлись жизненные пути Осипа Дерибаса и прадеда Пушкина Абрама Петровича Ганнибала, главного устроителя тамошних каналов-доков.

Обычно зимы Осип Михайлович проводил в Петербурге, вместе с семейством, летом же отбывал в Одессу. Был особо приближен к Екатерине II, о чём повествует биограф императрицы: «В будни к столу Ея Величества приглашалось человек двенадцать <…>, а позже, в последние годы царствования, генерал-адъютант Пассек, граф Строганов, фрейлина Протасова, вице-адмирал де Рибас…»

Думается, что сей исторический факт вызвал бы радостное удивление Александра II, ведь его венценосная прабабушка особо жаловала и привечала прадеда княжны Долгоруковой! Император не преминул бы воспользоваться им, дабы ещё раз доказать недругам: встреча его с очаровательной княжной вовсе не случайность, она предопределена всей российской историей!

…Известно, что после кончины Екатерины II испанец поначалу был весьма благосклонно принят Павлом I (в то время и Великим Магистром ордена Святого Иоанна Иерусалимского), и

даже получил из его рук высокую награду – Мальтийский крест. Однако же затем попал в царскую немилость и отстранён от важных дел. Возможно, следствием той давней обиды и стало участие де Рибаса в заговоре против императора.

В это же неспокойное время внезапно заболел командующий российским флотом, и Павел I повелевает де Рибасу докладывать ему лично о состоянии флотских дел. Блестящие перспективы, вновь открывшиеся перед ловким испанцем, меняют его прежние настроения: он решается выдать императору заговорщиков и тем достичь высокой должности.

Оказывается, Пушкин знал об участии адмирала в хитроумных дворцовых интригах: «План был начертан Рибасом и Паниным. Первый отстал, раскаясь и будучи осыпан милостями Павла. Паденье Панина произошло от того, что он сказал, что всё произошло по его плану. Слова сии были доведены до государыни Марии Фёдоровны – и Панин был удалён».

На исходе 1800 года адмирал де Рибас тяжело занемог. По одной из версий, отравлен по приказу бывшего сообщника – петербургского генерал-губернатора графа Петра Алексеевича Палена, не допускавшего никого, якобы из дружеских побуждений, к постели больного.

Член Адмиралтейств-коллегии, «адмирал, российских орденов Александра Невского, Георгия Победоносца, Святого Владимира 2-й степени кавалер и ордена Святого Иоанна Иерусалимского командор» Осип Михайлович Дерибас скончался в декабре 1800 года в Петербурге и был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище.

Замечу, Александру Пушкину шёл тогда лишь второй год…

В родословии поэта, точнее, его потомков, прежде была малоизвестной ветвь, идущая от князя Михаила Михайловича Долгорукова и его супруги Софьи Осиповны Дерибас. Матерью Софьи стала камер-фрейлина императрицы Екатерины II Анастасия Ивановна – вот на ней в мае 1776 года и женился испанец Хосе де Рибас. Пышную свадьбу почтили высоким присутствием царственные гости: сама Екатерина Великая, её фаворит Светлейший князь Григорий Потёмкин-Таврический и цесаревич Павел.

Анастасия Ивановна приходилась побочной дочерью Ивану Бецкому и до своего замужества воспитывалась в Париже. Так что получила редкостное для русской барышни обучение «на французский манер». И всё благодаря богатствам отца, Ивана Ивановича Бецкого, в будущем – тестя адмирала. Сам же он приходился побочным сыном князю Ивану Юрьевичу Трубецкому, который впоследствии усыновил наследника и дал ему родовую

фамилию, но в несколько усечённом виде. В 1762 году Иван Бецкой прибыл в Петербург по вызову императрицы Екатерины II, «которая уважала его как родного отца». Имел он чин генерал-майора. Был президентом Императорской Академии художеств, директором Шляхетного корпуса, основал Смольный институт в Санкт-Петербурге и Воспитательный дом в Москве. Помимо всего, числился опекуном Алексея Бобринского, внебрачного сына императрицы.

Так что, женившись на внучке князя Трубецкого, Осип Дерибас был принят в высшие аристократические круги Петербурга.

У Софьи Осиповны, адмиральской дочки (её крестной пожелала стать сама государыня Екатерина II), в замужестве – княгини Долгоруковой, в 1815 году родится сын, которого нарекут Михаилом. Пройдёт время, и в семье Михаила Михайловича Долгорукова-младшего и его супруги Веры Гавриловны, в девичестве Вишневской, в 1847-м появится на свет дочь Катя.

Ей, правнучке адмирала, Светлейшей княгине Екатерине Юрьевской, будет дарована высокая и необычная судьба – стать женой российского венценосца Александра II, матерью его детей.

Наследникам царственной четы в грядущем предстоит породниться с русским гением. И уже их внуки и правнуки будут именоваться потомками двух Александров: поэта Александра Пушкина и венценосца Александра II, а также славного испанца и российского адмирала Хосе де Рибаса.

Столь причудливо переплелись в веках ветви родословных древ, и всё благодаря случившимся некогда бурным любовным романам.

В цепи тех романтических историй, в своё время поразивших умы современников, если представить её неким нескончаемым действием, все герои и героини преступили закон. А вместе с ним – и тогдашние нравственные устои, и догматы веры, и общественное мнение – всё!

Преступил сам самодержец Александр II, нарушив святой обет, данный им при венчании с немецкой принцессой, наречённой в православии Марией Александровной. Преступила юная княжна Катенька Долгорукова, став любовницей и невенчанной женой царя. Преступила Наталия Пушкина, дочь поэта, оставив мужа (да и троих детей!) и умчавшись в Германию к своему принцу Николаю Нассаускому.

И лишь в супружеском союзе молодых людей – Светлейшей княжны Ольги Юрьевской и графа Георга фон Меренберга – не было уж ничего преступного, будто за них, счастливых

новобрачных, родители приняли на себя всю боль и сладость грешной любви.

Но все наши герои, столь дерзко презревшие законы – и социальные, и духовные, будут вознаграждены в будущем. Увенчаны нетленными венками, сплетёнными из роз и терний.

Приложение. Фрагменты из книги Александра Тарсаидзе «Катя: жена перед Богом» («Katia: Wife Before God»)

Автору книги, эмигранту из России, посчастливилось лично знать некоторых из своих героев, «реальных свидетелей трагической эпохи», собрать под одной обложкой множество исторических воспоминаний и писем.

Немного о нём самом. Александр Георгиевич Тарсаидзе – русско-американский писатель и историк. И ещё – американский разведчик в годы Второй мировой.

Родился в Тифлисе в дворянской грузинской семье в июне 1901 года. Кадет, а затем – гардемарин Морского кадетского корпуса в Санкт-Петербурге. Но в 1918-м, после расформирования корпуса, к тому времени – Морского училища, перебрался в родную Грузию. Служил там у американского посланника в Закавказье Вильяма Гаскелла. После того как советская власть установилась и в Грузии, Александр Георгиевич эмигрировал: вначале – в Турцию, в Константинополь, затем – в США.

Сотрудничал с князем Сергеем Оболенским, мужем Светлейшей княжны Екатерины Александровны, и в области бизнеса, и в сфере разведки; был с ним дружен и по-приятельски именовал его Сержем.

Автор нескольких исторических трудов, в их числе и вышедшей в 1970 году в США книги «Katia: Wife Before God».

Александр Тарсаидзе скончался в Нью-Йорке в ночь с 24 на 25 февраля 1978 года. Его архив ныне хранится в Гуверовском институте войны, революции и мира (Hoover Institution on War, Revolution and Peace. – *англ.*), политическом исследовательском центре США.

К слову, библиотека Гуверовского института в Калифорнии – одно из крупнейших зарубежных хранилищ документов по истории России времён Первой мировой и Гражданской войн. В американском институте собраны фонды исторических личностей: генералов Петра Врангеля, Николая Юденича, Лавра Корнилова; Александра Керенского; графа Владимира Коковцова, бывшего министра финансов Российской империи и выпускника Царскосельского (Александровского) лицея. Именно Владимир Николаевич, страстный поклонник Пушкина, способствовал приобретению Россией знаменитой коллекции парижанина

Александра Онегина и передаче её в Пушкинский Дом в Петербурге. Будучи в эмиграции, в середине 1920-х в Париже граф возглавил Общество выпускников Императорского Александровского лицея.

Теперь о самой книге Александра Тарсаидзе. Поскольку переписка императора Александра II и княжны Екатерины Долгоруковой велась на французском, другим русским эмигрантом, графом Орловым, все письма, оказавшиеся в руках американца-коллекционера, были переведены на английский. Книга «Katia: Wife Before God» имела оглушительный успех в русском зарубежье, но ещё ранее история любви царя и княжны была экранизирована. Художественный фильм «Катя» имел не меньший успех, чем бестселлер Тарсаидзе, – его посмотрели миллионы зрителей.

Небольшое пояснение к первому фрагменту книги: адресат императора Александра II – итальянка Луиза Вулкано, графиня Черчемаджоре, в браке княгиня Долгорукова. Жена князя Михаила Долгорукова, брата Катеньки, её золовка. Именно она настояла, чтобы Катя отправилась вместе с ней и мужем в Неаполь в начале декабря 1866 года.

Много позже Екатерина Михайловна в своих «Воспоминаниях…» посвятила тому жизненному эпизоду довольно эмоциональные строки: «Однажды мои родственники объявили мне, что они поедут за границу, чтобы провести там зиму, следовательно, новая разлука. Не имея человека, с которым можно остаться, я должна была ехать тоже. Император был безумен от отчаяния».

Будучи уже в Неаполе, Катя сумела возобновить переписку с Александром и даже однажды, в январе 1867-го, послала ему свою фотографию с дарственной надписью: «Вот та, которая тебя обожает, которая думает только о тебе».

Письма Катеньки передавала императору её младшая сестра-смолянка Мария (Муш) во время посещений Александром II Смольного института. Монарх с нетерпением ждал вестей из Неаполя: «…Особенно сейчас, когда я знаю, что твоя сестра должна передать мне твоё письмо. Для меня настоящая пытка – обязанность откладывать этот счастливый момент исключительно из осторожности, чтобы не возбудить внимания частыми визитами».

Под жарким солнцем Италии грустила и Катя Долгорукова, проливая море слёз от несбыточности желания видеться с любимым. К слову, к императору Александру II в то время явилась нежданная «гостья» – бессонница; часто он бывал печален, рассеян и признавался возлюбленной: «Вот уж точно я

тобою только и дышу, и все мысли мои, где бы я ни был и что бы я ни делал, постоянно с тобою и не покидают тебя ни на минуту».

А далее, весной 1867-го, случилась романтическая встреча любовников в Париже. Катя прибыла туда из Неаполя накануне визита в столицу Франции Александра II. И дни эти, несмотря на ужасное происшествие в Париже, остались в памяти влюблённых счастливейшими днями их жизни.

Но приступим к повествованию Александра Тарсаидзе и перелистаем вместе страницы его удивительной книги.

* * *

«Дорогая принцесса, – писал Александр „неаполитанской“ принцессе, совершенно не подозревая о соучастии Луизы в этом деле. – Ваше доброе письмо меня глубоко тронуло. Я благодарю вас от всего сердца, и особенно за то, что вы так любезно относитесь ко мне как к другу, титул, к которому я смею стремиться и в будущем.

Если я и взял на себя смелость испросить разрешения хотя бы ещё раз увидеться с вами у вас дома, то только для того, чтобы иметь возможность устно попросить у вас прощения за все неприятности, которые вам пришлось перенести из-за меня и которые меня беспокоят и делают меня более несчастным, чем я могу выразить. Больше всего меня огорчает то, что я причинил вред человеку, который дорог нам обоим и которого я люблю больше жизни.

Простите меня за это признание, но я не могу играть комедию с вами, которая всегда была так добра и снисходительна ко мне и которая, должно быть, заметила серьёзность моего чувства к ней. Ваше сердце также поймёт, что она стала мне теперь ещё дороже и что нет такой жертвы, на которую я не был бы готов пойти, чтобы обеспечить её спокойствие и её счастье.

Позвольте мне закончить эти строки, сформулировав такое же желание, как и вы: чтобы Небеса могли когда-нибудь даровать мне счастье снова видеть вас в вашем доме, как и в прошлом, и без страха перед обществом. Пожалуйста, будьте уверены, дорогая принцесса, что ничто и никто не сможет изменить преданность и благодарность, которые я ношу в своём сердце к вам, за всю доброту, которую вы мне оказали, и прежде всего, за истинную привязанность, которую вы постоянно проявляли к той, которую мне хотелось бы видеть такой счастливой, какой она достойна быть. Ваш преданный друг Александр».

На этот раз «комедия» сыграна Луизой в совершенстве. Она

была более виновна в распространении сплетен, чем кто-либо другой. Племянник княжны Долгоруковой, граф Борис Берг, утверждает в своих (неопубликованных) мемуарах, что «этот факт хорошо охранялся», пока Луиза не рассказала «по секрету» о «связи» своему близкому другу, принцу Генриху Рейсс-Кёстрицкому, прусскому посланнику в Санкт-Петербурге.

Было вполне естественно, что принц немедленно доложил о «новой» ситуации в Берлин. Второе письмо царя иллюстрирует «игру» Луизы:

«Дорогая принцесса! Простите, что осмелился ещё раз побеспокоить вас своим письмом. Если я берусь это сделать, то потому, что боюсь, что вызвал недовольство вас, появившись вчера вечером в театре. Что заставляет меня думать, так это поспешность, с которой вы покинули свою ложу, как только заметили меня на „противоположной стороне“.

Во имя Неба не сердитесь на меня за этот опрометчивый поступок, если он таковой, что было совершенно непроизвольно с моей стороны, за что я горько упрекаю себя. О, пожалуйста, простите меня, умоляю вас, и защитите моё дело перед дорогой Кэтрин, которая, боюсь, тоже должна злиться на меня. Я был бы [в отчаянии] безутешным, если бы вы обе обижались на меня за это.

Узнав [от неё], что вы любите шоколад, позвольте мне предложить вам немного и добавить к нему небольшой сувенир, который я осмеливаюсь просить вас принять от меня. Пусть он иногда напоминает вам о друге, который навсегда останется благодарным и преданным вам. Искренне ваш Александр».

Вскоре «дипломатическая» переписка прекратилась, так как было решено: чтобы пресечь возможные сплетни и слухи, Катя и чета Долгоруких должны покинуть холодную и снежную столицу «как можно скорее».

Тем не менее их отъезд в Европу всё-таки не вызвал особого интереса – «тепловские» Долгоруковы ещё были относительно неизвестны в «лучших кругах». Уже через короткое время трио появилось в солнечном Неаполе, на родине Луизы.

* * *

Каким бы слабым ни был Александр, он принял одно важное решение – дать клятву жениться на Кате, которую должен был исполнить «до конца своей жизни». Но решение не есть исполнение, и для Александра, особенно в его положении женатого человека и императора всех русских, царя и отца всего

своего народа и защитника, если не главы церкви, нынешняя ситуация зашла в тупик.

Недатированное и неполное письмо Александра, написанное, вероятно, в начале 1867 года, красноречиво выражает его настоящее чувство: «[Нас] невольно начало тянуть друг к другу. Всё, что вы мне говорите о последствиях этой встречи и нашего первого тет-а-тет 18 апреля [1866 года], тоже абсолютно верно, за исключением того, что я мог бы [как вы утверждаете] когда-нибудь упрекнуть вас за ваше поведение первого июля. [13 июля по новому стилю. Все акценты принадлежат царю.]

Нет, это невозможно, и нельзя серьёзно думать об этом, потому что это был день, заложивший основу нашего настоящего счастья и того сокровища, которое мы оба несём в своих сердцах. То, что вы продолжаете добавлять, – это чистая правда, потому что именно я, а не вы, был первым, кто позволил вам почувствовать ту привязанность, которую я испытывал к вам, попросив вас прийти ко мне 18 апреля, а вы, мой Ангел, вы просто хотели своим ответом исцелить боль, которую причинили мне в тот день…

<…>

Что меня особенно радует сейчас, так это то, что все твои очаровательные слова… доказывают мне, что ты знаешь меня досконально и больше не сомневаешься в своём истинном друге. Да неужели? Так, и ничего больше. И вывод таков: именно я твой навсегда, а ты моя, и мы оба одинаково счастливы, что отдали себя один другому на всю жизнь. Быть по сему.

Ой, что бы я отдал, чтобы иметь возможность доказать тебе в этот момент ту страсть, с которой я люблю своего обожаемого чертёнка. Мне бы хотелось оказаться дома и доказать вам это там. Поверь мне, мой Ангел, что я чувствую себя любимым и прекрасно понимаю всё, что наполняет твоё сердце, которое есть и всегда будет моим достоянием.

Если бы мне потребовались новые доказательства вашей любви, ваши очаровательные письма каждый раз давали бы новое свидетельство, но мне не нужны дополнительные доказательства, поскольку с 1 июля по 1 декабря [1866 г.] вы беспрестанно доказывали это каждый раз, когда мы были вместе, и поверьте мне, мой Ангел, что эти счастливые моменты так глубоко запечатлены в моём сердце, что их невозможно стереть, и они уйдут вместе с ним в могилу.

Заранее благодарю вас за дорогие [фотографические] открытки, которые вы мне обещали. Будьте уверены, я выскажу вам своё откровенное мнение о том, насколько они мне нравятся.

Спасибо за описание ваших платьев. Ой, как от них у меня

текут слюнки! Как я хочу вернуться домой и как хочу тебя снова – это невыносимо! Сегодня вечером в английском посольстве бал, который меня не касается, и вообще я рад, что в данный момент не имею в виду никаких обязательств. Общество мне противно, и везде без тебя кажется пусто и грустно.

Я спокоен и счастлив только тогда, когда получаю твои очаровательные письма и когда могу тебе написать. И в заключение позвольте мне сообщить вам одну новость. Слушай – я безумно тебя люблю. Навеки ваш».

* * *

Сын Александра, наследник престола, был женат на датской принцессе, антипрусские симпатии которой не были секретом. (В 1864 году в войне с Пруссией Дания была вынуждена уступить герцогства Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург Пруссии и Австрии.) Было естественно, что Наполеон III, «выскочка» император, который, как говорили, был не в состоянии сформировать правильные суждения, почувствовал прусскую опасность и предпринял немедленные шаги к проекту франко-российского союза. Всемирная выставка, которая должна была открыться в Париже весной 1867 года, стала прекрасным поводом для приглашения. Царь принял его, очень обрадованный ещё раз встречей со своей возлюбленной Катей. В начале июня (по новому стилю) он прибыл в Париж, был встречен Наполеоном III и с блеском препровождён в Елисейский дворец, свою резиденцию, где в бурные 1814–1815 годы останавливался и предок Александра, император Александр I.

Почти одновременно Катя появилась в Париже и поселилась в «скромном и маленьком отеле» на улице Басс-дю-Ремпар (Rue Basse-du-Rempart).

Впервые за шесть месяцев влюблённые, которые когда-то виделись почти ежедневно, снова оказались вместе, и, что было ещё более захватывающим, в Париже, городе веселья, любви и романтики. Свободная, незамеченная (так они думали) и «безумно влюблённая» пара наконец обрела «полное счастье».

Ежедневно (катание на лошадях в Булонском лесу было их любимым развлечением), а иногда и ночью, когда Александр был свободен, Катя ездила в Елисейский дворец и через «тайные» садовые ворота «незаметно» пробиралась в частные апартаменты Александра. «С тех пор как я полюбил тебя, – признавался ей Александр, – другие женщины перестали для меня существовать…» <…>

Но императорские обязанности и обязательства требовали новых забот. Когда Александр прибыл в Париж, его и других государей, включая королей и королев Пруссии и Бельгии, султана Турции, правителя Египта, английского принца Уэльского, ожидал напряжённый график.

<…>

Если царь не был разговорчив на скачках, то, конечно, он был достаточно красноречив, когда писал записку Кате в «полвосьмого вечера»: «Прости, дорогой друг, что снова утомляю тебя своей писаниной. Я только хочу вам сказать, что, когда вы только что спросили меня во время поездки, где мы могли бы встретиться завтра, я забыл, что завтра Вознесение, поэтому пойду на службу в нашу церковь в 11. Так что, может быть, мы могли бы увидеться там, хотя бы на расстоянии, а потом на смотре. Я безумно тебя люблю, и наш хороший день радует меня. О, как я люблю Булонский лес! Вы свели меня с ума совсем. Я счастлив любить тебя и принадлежать тебе навсегда».

Когда Александр писал эти строки, он даже не подозревал, что уготовила ему судьба. В настоящее время, как он сам признавался: «парижские дни были одними из самых счастливых» в его жизни – «апофеозом» его блаженства. На следующий день, 6 июня (по старому стилю – 25 мая. – *Л.Ч.*), «обычные» парижане должны были увидеть «царя всей России», поскольку он должен был посетить Всемирную выставку.

Рано утром (в день Вознесения Господня по русскому календарю) Александр присутствовал на богослужении в русской церкви, а затем отправился в Лоншан на военный смотр. Возвратились через Булонский лес в карете, где были русский император, Наполеон III и цесаревич; польский эмигрант Антоний Березовский совершил покушение. Пуля прошла между двумя императорами, ранив лошадь оруженосца Наполеона III и женщину на противоположной стороне дороги. Злоумышленник снова выстрелил, но на этот раз пистолет взорвался у него в руке, и нападавший упал на землю. «Конская кровь брызнула по русским князьям», – писал корреспондент лондонской «Дейли телеграф». <…>

Второе покушение на царя провалилось. Хотя приближённые требовали от императора прервать своё пребывание во Франции и вернуться в Россию, он отказался (по понятным причинам), и наконец, 11 июня, после десяти «бредовых дней блаженства», Александр уехал в Петербург (до этого он посетил в Штутгарте свою сестру, королеву Вюртембергскую), где по прибытии его

встретили больная жена-императрица и дети.

Тем временем Катя помчалась прямо домой, но уже отдельным поездом. «Потенциальный убийца» Антоний Березовский был одним из многих польских беженцев, спасавшихся от неудавшегося восстания в Польше…

* * *

Письмо Александра II Екатерине Долгоруковой:

«Берлин, пятница, 1 [13] мая 1870 г.

В 8 вечера.

Недавно отослав Вам моё письмо, Я чувствовал себя невыносимо уставшим, поэтому лёг спать совершенно разбитым, вздыхая, потому что не чувствовал себя любимым маленькой женой и что она не рядом со мной. Она бы очень быстро сделала, чтобы Я смог забыть свою усталость, так как это случалось с нами не единожды в нашем дорогом гнёздышке, и Я ощущал бы себя на грани безумия, если бы мы были вместе дома. О, как я жажду вернуться туда! <…>

Пунш [один из любимых царских псов] был очень польщён тем, что вы о нём вспомнили, и, казалось, понял, когда я гладил его от твоего имени.

Что же касается двух наших бедных Милордов (клички императорских любимцев: сеттера и ньюфаундленда. – *Л.Ч.*), то я могу себе представить, как они одиноки и скучают без нас.

<…>

В 5 часов мне нужно было пойти на большой ужин в „Кингс“, и, вернувшись оттуда в половине шестого, мне пришлось снова выйти, дабы показать себя в театре, где давали балет, но я пробыл всего несколько минут и вот вернулся снова уже и рад пообщаться с тобой, мой идеал, моё сокровище, моё Всё.

Увы, теперь мне придётся потерпеть два дня до того, как я получу твоё следующее письмо, потому что я уезжаю отсюда в воскресенье в 10 утра, я приеду только в Эмс в 11 вечера. Я должен покинуть тебя сейчас, так как мне нужно читать документы и писать утомительные письма!»

* * *

Письмо Александра II Екатерине Долгоруковой:

«Севастополь, 12 [24] сентября 1873 г.

Из-за плохой погоды возвращаемся сухопутным путём [в Ялту]. Я надеюсь быть с тобой до 5 часов. Поддержите моё нетерпение и то, куда меня тянет. <…>

…И пользуюсь случаем сообщить, что мне удалось так договориться, чтобы иметь возможность пообедать с вами, моим кумиром, моим сокровищем, моей жизнью. Пусть будет так, и ничего больше не нужно. До свидания, до 3 часов [днём].

Твой навсегда Александр».

* * *

Вот письма, адресованные Екатериной Долгоруковой императору из Петербурга в Москву.

Четверг, 24 января [февраль. 5], 1874 г.

«В 1 час дня

Доброе утро, дорогой Ангел, я люблю тебя, и всё, что с тобой связано, меня переполняет ужасно. Я снова очень плохо спала и чувствую себя грустно, что мы не вместе [царь был в Москве, развлекая принца Уэльского].

Мои мысли следуют за тобой в твой кабинет, где мы провели такие счастливые минуты, но сейчас мне так грустно, что это просто невыносимо – не знать, что делать с собой, и у меня всё болит. Ой, Боже мой, когда же мы сможем больше никогда не расставаться, чтобы быть вместе везде и всегда, это мечта нашей жизни.

Я ещё не получила вашей телеграммы, и это мне вдвойне грустно. О, как мне одиноко, это просто невыносимо! Я пошлю вам свою телеграмму, а затем мне необходимо будет совершить несколько очень скучных визитов. Я безумно люблю тебя.

В 10 часов вечера.

Мне пришлось оплатить некоторые счета, потом решила пойти посмотреть квартиру, которая снята на Галерной, и после этого прогуляться.

Я совершила несколько визитов, но не застала никого и решила остаться дома с малышкой…»

<…>

Хотя и несколько дальше от Зимнего дворца, чем её

(Кати) бывшая резиденция, новая квартира находилась в фешенебельном районе города. <…>

В числе соседей (княгини) были князья Тенишевы, Паскевичи, графы Воронцовы, Бобринские и великий князь Владимир, сын Александра. <…>

Дом на Галерной, несмотря на аристократических соседей, был так называемым доходным домом, или, как сейчас говорят, жилым. Аренда его была оформлена на имя младшего брата Кати, Михаила Долгорукова.

* * *

Письмо Екатерины Долгоруковой, адресованное Александру II в конце января (начале февраля по новому стилю) 1874 года:

«<…> Я ужинала с Гого, а потом пришлось привести мои вещи в порядок, – я не могла к ним прикоснуться с тех пор, как сюда переехала.

Ваша добрая телеграмма дошла до меня, когда я вернулась после своих визитов, и наполнила меня солнечным светом, это моё единственное утешение, когда я далеко от тебя.

Ой, я так рада, что тебе понравилось письмо, которое я написала той ночью, и я слишком хорошо понимаю, как и тебя в час ночи преследуют воспоминания о позавчерашнем дне,…бале, и что ты вздыхаешь, когда не видишь меня в твоих комнатах; там было очень уютно, и теперь я чувствую себя так одиноко, что это просто ужасно. Я брожу, как заблудшая душа, я чувствую страшную усталость, которую никогда не ощущаю в твоём присутствии. Это всё чисто духовные ощущения.

Я благодарю Бога, что чувствуешь себя хорошо и что ты смогли отдохнуть в вагоне. Должно быть, это было для тебя отдыхом после всех тех праздников, которые так утомляют, особенно для нас, кого интересует только наша привязанность и которые живут только ради чувства принадлежности друг к другу и не имеют ничего общего с остальными мира сего, и это то, что нас поддерживает.

Это наше сокровище, которое помогает им везде, поэтому у нас достаточно причин быть благодарными Богу за то, что Он вдохновил нас на эту любовь, которая

стала нашей жизнью. Да, Он наблюдает за нами, и пусть Он воссоединит нас счастливо в понедельник в половине третьего и благословит твоё пребывание в Москве.

Любовь наполняет меня больше, чем когда-либо, и я чувствую больше, чем когда-либо, что ты для меня значишь, я не могу жить, не видя тебя, всё так пусто, что это просто невыносимо.

Дети здоровы; Гого, который очень нервничал сегодня, плакал, когда я сказала ему, что ты не здесь. Он настолько милый, что нельзя не обожать его.

Я чувствую, что мысленно ты с нами и что тебе грустно без нас.

Пусть Бог ниспошлёт нам Свои благословения. Я люблю тебя, и я Твоя навсегда».

* * *

Письмо Александра II Екатерине Долгоруковой:

«Санкт-Петербург.

Среда, 31 декабря 1875 г.

В три четверти второго пополудни.

Перед тем как навестить мою сестру [великую княгиню Марию Николаевну, герцогиню Лейхтенбергскую, а в то время – морганатическую жену графа Григория Строганова], которой, слава Богу, немного лучше, я только хочу сказать вам, что твоё доброе письмо наполнило меня солнечным светом, и я храню его, непрестанно благодаря Бога за дарованное Им счастье в тебе, мой обожаемый Ангел, мой кумир, моё сокровище, моя жизнь.

Пусть Он продолжает присматривать за нами и не оставит нас в будущем».

(Сестра Мария Николаевна, она была младше Александра II всего на год, скончалась в Петербурге в феврале 1876 года. – *Л.Ч.*)

«В три четверти одиннадцатого вечера.

Вы должны были почувствовать мои молитвы во время богослужения этим вечером (новогодним), и вы знаете, что в них содержалось. Я поблагодарил Бога из самой глубины моей души за всё счастье, которое Он дарил нам в течение этого года, который вот-вот закончится и который мне грустно оставлять позади.

Пусть тот, который вот-вот начнётся, будет таким же счастливым для нас. Пусть Бог хранит тебя и наших двух маленьких Ангелов, которые – наша радость…»

* * *

Царь объяснил свои мотивы (скорой женитьбы на Екатерине Долгоруковой. – *Л.Ч.*) в письме, датированном 20 октября [1 ноября] 1880 года своей сестре Ольге, королеве Вюртембергской, которую он очень любил:

«…Я бы никогда не стал жениться до годичного траура, если бы не то опасное время, в котором мы живём, и те ежедневные испытания, которым подвергаюсь. Из-за ужасных покушений моя жизнь может, действительно, внезапно закончиться.

Поэтому я стремлюсь как можно скорее обезопасить будущее той, которая жила для меня четырнадцать лет, как и счастье для троих наших детей.

Княжна Долгорукова, несмотря на свою молодость, предпочла отказаться от всех светских развлечений и удовольствий, имеющих обычно большую привлекательность для девушек её возраста, и посвятила всю свою жизнь любви и заботам обо мне. Она имеет полное право на мою любовь, уважение и благодарность. Не видя буквально никого, кроме своей единственной сестры, и не вмешиваясь ни в какие дела, несмотря на многочисленные происки тех, кто бесчестно пытался пользоваться её именем, она живёт только для меня, занимаясь воспитанием наших детей, которые до сих пор доставляли нам только радость.

Я могу заверить нашу семью [имеется в виду императорскую], что Екатерина понимает, что имеет положение морганатической супруги и никогда не предъявит требования, противоречащие моим желаниям как главы семьи и монарха. Я только желаю, чтобы другие члены [императорской] семьи запомнили бы это и не заставляли меня напоминать им о том».

(Перевод с английского)

notes

Примечания

1

Клотильда фон Ринтелен передала бюст графини Наталии фон Меренберг в Государственный музей А.С. Пушкина в Москве, прежде заказав копии реликвии для своих троих сыновей. Одна из копий бюста подарена ею мемориальной усадьбе Лопасня-Зачатьевское (в подмосковном Чехове), именуемой «Пушкинским гнездом».